

ПОСЛАНИЕ К РИМЛЯНАМ АПОСТОЛА ПАВЛА

Введение к посланию к Римлянам

Послание, не похожее на другие

Существует очевидное различие между Посланием апостола Павла к Римлянам и его другими посланиями. Всякий читатель, переходя непосредственно после чтения, например, Послания к Коринфянам, почувствует отличие как по духу, так и по подходу. В очень большой степени объясняется это тем, что когда Павел писал Римской церкви он обратился к церкви, в основании которой он не принимал никакого участия и с которой у него не было совершенно никаких личных связей. Этим и объясняется то, что в Послании к Римлянам так мало деталей, касающихся конкретных проблем, которыми полны его прочие послания. Вот почему Послание к Римлянам, на первый взгляд, кажется более абстрактным. Как выразился Дибелиус: "Из всех посланий апостола Павла это послание менее всего обусловлено текущим моментом".

Мы можем выразить это иначе. Послание к Римлянам из всех посланий апостола Павла ближе всех приближается к богословскому трактату. Почти во всех своих других посланиях он разрешает какую-нибудь насущную проблему, сложное положение, текущую ошибку или угрожающую опасность, нависшую над церковными общинами, к которым он писал. В Послании к Римлянам апостол Павел подошёл ближе всего к систематическому изложению своих собственных богословских взглядов вне зависимости от стечения каких-либо животрепещущих обстоятельств.

Завещательное и профилактическое

Именно поэтому два великих учёных применили к Посланию к Римлянам два великолепных определения. Санди назвал его завещательным. Создаётся такое впечатление, что Павел как бы писал своё последнее богословское завещание, своё последнее слово о своей вере, как будто в Послании к Римлянам он источил сокровенное слово о своей вере и о своём убеждении. Рим был крупнейшим городом мира, столицей величайшей империи, какую мир когда-либо видел. Апостол Павел никогда не бывал там и он не знал, будет ли он там когда-нибудь. Но когда он писал церкви в таком городе, было уместным изложить основу и суть своей веры. Профилактическим является то, что предохраняет от инфекции. Апостол Павел слишком часто видел какой вред и заботы могут вызвать ложные представления, извращённые понятия, вводящие в заблуждение концепции христианской веры и убеждения. Поэтому он хотел послать церкви города, являвшегося центром тогдашнего мира, послание, которое бы воздвигло для них такой храм веры, что если бы к ним когда-нибудь пришла зараза, они имели бы в истинном слове христианского учения мощное и действенное противоядие. Он почувствовал, что лучшей защитой от заразы ложных учений является профилактическое воздействие истины.

Повод для написания послания к Римлянам

Всю его жизнь преследовала апостола Павла мысль о Риме. Благовествовать там - всегда было его мечтой. Находясь в Ефесе, он замышляет пройти снова через Ахаию и Македонию. А потом у него срывается предложение, определённо идущее от сердца "Побывав там я должен видеть Рим" (Деян. 19,21). Когда он встретился с большими трудностями в Иерусалиме и положение его было угрожающим и конец казался близким, ему явилось одно из тех видений, которые ободряли его. В этом видении Бог стоял рядом с ним и говорил: "Дерзай, Павел; ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так НАДЛЕЖИТ ТЕБЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ И В РИМЕ". (*Деян. 23,11*). Уже в первой главе этого послания звучит страстное желание Павла увидеть Рим. "Ибо я весьма желаю увидеть вас, чтобы преподавать вам некое дарование духовное к утверждению вашему" (*Рим. 1,11*). "Итак, что до меня, то я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме" (*Рим. 1,15*). Можно уверенно сказать, что имя "Рим" было начертано в сердце апостола Павла.

Послание к Римлянам Апостол Павел написал в 58 г. в Коринфе. Он как раз завершал очень дорогой его сердцу замысел. Церковь в Иерусалиме, являвшаяся матерью всех церковных общин, обеднела и Павел собирал в её пользу денежные подаяния во всех вновь созданных церковных общинах (*1 Кор. 16,1* и далее; *2 Кор. 9,1* далее). Эти денежные даяния имели две цели: Они давали молодым церковным общинам возможность проявить на деле христианское милосердие и они представляли собой самый действенный путь показать всем христианам единство христианской церкви, научить их тому, что они являются не просто членами изолированных и независимых религиозных братств, а членами одной великой церкви, каждая часть которой несёт бремя ответственности за всех остальных. Когда апостол Павел писал Послание к Римлянам, он как раз собирался отправиться в Иерусалим с этим даром для Иерусалимской церковной общины: "А теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым" (*Рим. 15,25*).

Цель написания послания

Почему же он написал это послание в такой момент?

(а) Апостол Павел знал, что поездка в Иерусалим была чревата опасными последствиями. Он знал, что поехать в Иерусалим означало рисковать своей жизнью и свободой. Он очень хотел, чтобы и члены Римской церкви молились за него, прежде чем он отправится в своё путешествие. "Между тем умоляю вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу. Чтобы избавиться мне от неверующих в Иудее, чтобы служение моё для Иерусалима было благоприятно святым". (*Рим. 15,30.31*). Он заручался молитвами верующих, прежде чем пуститься в это опасное предприятие.

(б) В голове Павла зрели большие планы. О нём говорили, что его "всегда преследовали мысли о дальних краях". Он никогда не видел судна, стоящего на якоре, но он всегда горел желанием подняться на борт, чтобы принести людям за морем благовест. Он никогда не видел горной цепи в голубой дали, но он всегда горел желанием пересечь её, чтобы передать рассказ о распятии людям, которые никогда не слышали о нём. И в то же время Павла преследовала мысль об Испании. "Как только предприиму путь в Испанию, приду к вам. Ибо надеюсь, что проходя, увижусь с вами". (*Рим. 15,24*). "Исполнив это и доставив им (церкви в Иерусалиме) сей плод усердия, я отправлюсь через ваши места в Испанию". (*Рим. 15,28*). Откуда это страстное желание пойти в Испанию? Рим открыл эту землю. Некоторые из больших римских дорог и строений всё ещё находятся там до наших времён. Как раз в то время Испания блистала великими именами. Многие из великих людей, которые вписывали свои имена в римскую историю и литературу, были выходцами из Испании. Среди них был Марциал - великий мастер эпиграмм, Лукан - эпический поэт; были Колумела и Помпоний Мела - крупные фигуры в римской литературе, был Квинтилиан - мастер римского ораторского искусства, и, особенно, там был Сенека - величайший из римских философско-стоиков, учитель императора Нерона и премьер министр Римской империи. Поэтому вполне естественно, что мысли Павла обратились к этой стране, породившей такую плеяду блистательных имён. Что может произойти, если такие люди станут сопричастными к Христу? Насколько нам известно, Павел никогда так и не побывал в Испании. Во время этого визита в Иерусалиме его арестовали и больше не освободили. Но когда он писал Послание к Римлянам, он мечтал именно об этом.

Павел был превосходным стратегом. Он, как хороший полководец, наметил план действия. Он считал, что может покинуть Малую Азию и на время оставить Грецию. Он видел перед

собой весь Запад, нетронутую территорию, которую он должен был покорить для Христа. Однако, для того чтобы приступить к исполнению такого плана на Западе, ему нужен был опорный пункт. И таким *опорным пунктом* могло быть только *одно место, и этим местом был Рим*.

Вот почему Павел написал Послание к Римлянам. В его сердце ожила та великая мечта, а в его уме зрел великий план. Ему нужен был Рим как опорный пункт для этого нового свершения. Он был уверен в том, что церковь в Риме должна знать его имя. Но, как человек трезвый, он был также уверен в том, что известия о нём, доходившие до Рима, были разноречивыми. Его недруги могли распространять о нём клевету и ложные обвинения. Вот поэтому он написал послание Римской церкви, дав в нём изложение самой сути своей веры, дабы, когда придёт время свершений, найти в Риме сочувствующую церковь, через которую можно было бы установить связи с Испанией и с Западом. Потому что у него был такой план и такие намерения апостол Павел и написал в 58 г. в Коринфе своё Послание к Римлянам.

План послания

Послание к Римлянам является одновременно и очень сложным, и по структуре тщательно продуманным письмом. Чтобы легче разобраться в нём надобно иметь представление о его структуре. Оно разделяется на четыре части.

(1) Главы 1-8, в которых речь идёт о проблеме праведности.

(2) Главы 9-11, которые посвящены вопросу иудеев, т. е, избранному народу.

(3) Главы 12-15, в которых идёт речь о практических вопросах жизни.

(4) Глава 16 является письмом, в котором представлена диакониса Фива и перечислены личные приветствия.

(1) Когда Павел пользуется словом *праведность*, он подразумевает *правильные отношения к Богу*. Праведный - это человек, который находится в правильных отношениях к Богу, и жизнь его подтверждает это.

Павел начинает с образа языческого мира. Стоит только взглянуть на разложение и разврат, царящие там, чтобы понять, что проблема праведности там не разрешена. После этого Павел обращается к иудеям. Иудеи пытались разрешить проблемы праведности дотошным исполнением закона. Павел сам испытал этот путь, приведший его к крушению и поражению, ибо ни один человек на земле не может в совершенстве исполнять законы и, следовательно, каждый обречён жить с постоянным чувством, что он в долгу перед Богом и заслуживает Его осуждения. Поэтому Павел находит путь праведности для себя - путь абсолютной веры и преданности. Единственно правильное отношение к Богу - это поверить Ему на слово и положиться на Его милость и любовь. Это и есть путь веры. Надо знать, что важно не то, что мы можем сделать для Бога, но что Он сделал для нас. Основой христианской веры для Павла было убеждение, что мы не только никогда не сможем заслужить милость Бога или стать достойными её, но нам и не нужно этого добиваться. Вся проблема заключается исключительно в милости, и всё, что мы можем делать - это принимать с изумлённой любовью, благодарностью и доверием то, что Бог сделал для нас. Это, однако, не освобождает нас от обстоятельств, и не даёт нам права поступать по нашему усмотрению: это значит, что мы должны постоянно и всегда пытаться быть достойными той любви, столько совершившей для нас. Но мы более не пытаемся выполнять требования неумолимого, строгого и осуждающего закона; мы более не преступники перед судьёй; мы - любящие, которые отдали всю свою жизнь и любовь тому, Кто первым полюбил нас.

(2) Проблема иудеев была терзающей. В полном смысле этого слова они были избранным Богом народом, однако, когда Сын Его пришёл в мир, они отвергли Его. Какие объяснения можно было дать этому душераздирающему факту?

Единственное объяснение Павла заключалось в том, что это тоже было божественным

актом. Сердца иудеев были почему-то ожесточены; кроме того, это было не полным поражением: какая то часть иудеев оставалась верной Ему. Кроме того, это было не без смысла: ибо именно потому, что иудеи отвергли Христа, к Нему получили доступ язычники, которые потом обратят иудеев и всё человечество будет спасено.

Павел идёт дальше: иудей всегда претендовал на то, что он является членом избранного народа уже в силу того, что он родился иудеем. Это всё выводилось из факта чисто расового происхождения от Авраама. Но Павел настаивает на том, что истинный иудей не тот, чья кровь и плоть могут быть по происхождению прослежены до Авраама. Это тот человек, который пришёл к тому же решению об абсолютной покорности Богу в любящей вере, к которому пришёл и Авраам. Поэтому Павел утверждает, что есть много чистокровных иудеев, которые вовсе не являются иудеями в истинном смысле этого слова. В то же время много людей из других народов являются истинными иудеями. Новый Израиль, поэтому, не представляет собой расового единства; его составляли те, кто имел ту же веру, которую имел Авраам.

(3) Двенадцатая глава Послания к Римлянам содержит столь важные этические положения, что её всегда нужно ставить рядом с Нагорной проповедью. В этой главе Павел излагает этические достоинства христианской веры. Четырнадцатая и пятнадцатая главы касаются извечно важного вопроса. В церкви всегда имелся узкий круг людей, которые считали, что они должны воздерживаться от определённых яств и напитков, и которые придавали определённым дням и церемониям особое значение. Павел рассуждает о них как о более слабых братьях, так как их вера зависела от этих внешних вещей. Имелась и другая более свободомыслящая часть, которая не связывала себя строгим соблюдением этих правил и обрядов. Павел считает их братьями более сильными в их вере. Он совершенно ясно излагает, что он на стороне братьев более свободных от предрассудков; но он излагает здесь важный принцип: ни один человек никогда не должен делать ничего такого, что могло бы унижить более слабого собрата, либо же поставить на его пути камни преткновения. Он защищает свой основной принцип, что никто не должен когда-либо совершать такое, что может затруднять кому-либо быть христианином; и это вполне можно понимать так, что мы должны оставить то, что является удобным и полезным для нас лично, ради нашего более слабого собрата. Христианская свобода не должна быть применена таким образом, чтобы этим наносился вред жизни или совести другого человека.

Два вопроса

Шестнадцатая глава всегда ставила перед учёными проблему. Многие чувствовали, что она, в сущности, не представляет собой части Послания к Римлянам, а что она на самом деле, письмо, адресованное другой церкви, которое было присоединено к Посланию к Римлянам, когда собирали письма апостола Павла. Каковы их доводы? Во-первых и прежде всего, в этой главе Павел посылает приветствия двадцати шести различным лицам, двадцати четырёх из них он называет по имени и, очевидно, все ему близко знакомы. Он, например, может сказать, что мать Руфа была и ему матерью. Возможно ли это, чтобы Павел близко знал двадцать шесть человек в *церкви, которую он никогда не посещал*? Собственно говоря, в этой главе он приветствует гораздо больше людей, нежели в любом другом послании. А ведь он никогда не вступал в Рим. Здесь нужны какие-то объяснения. Если эта глава не была написана в Рим, то кому же она была адресована? Именно здесь появляются имена Прискиллы и Акилы, которые вызывают разногласия. Мы знаем, что они покинули Рим в 52 г., когда Император Клавдий издал эдикт, изгонявший иудеев (*Деян. 18,2*). Мы знаем, что они прибыли с Павлом в Ефес (*Деян. 18,18*), что они были в Ефесе, когда Павел писал своё Послание к Коринфянам (*1 Кор. 16,19*), т.е., менее двух лет перед тем как он писал Послание к Римлянам. И мы знаем, что они находились ещё в Ефесе, когда были написаны пасторские послания (*2 Тим. 4, 9*). Несомненно, что если к нам попадает письмо, в котором посылаются приветствия Прискилле и Акиле без другого адреса, то мы должны бы предположить, что оно было адресовано в Ефес.

Имеются ли какие-либо доказательства, позволяющие нам сделать заключение, что глава 16 была в первую очередь послана в Ефес? Имеются очевидные причины, обусловившие более длительное пребывание Павла в Ефесе, нежели в другом месте, и, поэтому было бы вполне естественно, если бы он посылал туда приветствия многим людям. Павел говорит далее об Епенете, "который есть начаток Ахаии для Христа". Ефес находится в Малой Азии, и поэтому, такое упоминание было бы также естественным для послания в Ефес, но не для послания в Рим. В Послании к Римлянам (*Рим. 16,17*) говорится "о производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились". Это звучит, как будто Павел говорит о возможном неповиновении его собственному учению, а ведь он никогда не учил в Риме.

Можно утверждать, что шестнадцатая глава была первоначально адресована в Ефес, но и это утверждение не является столь неопровержимым, как это может показаться на первый взгляд. Во-первых, нет никаких доказательств, что эта глава когда-либо связывалась с чем-либо, кроме *Послания к Римлянам*. Во-вторых, как это ни странно, но Павел никогда не посылает личных приветствий в церкви, которые он хорошо знал. Ни в *Посланиях к Фессалоникийцам*, ни к *Коринфянам*, *Галатам* и *Филиппийцам* к церквям, которые он хорошо знал - нет личных приветствий, и в то же время такие приветствия имеются в *Послании к Колоссянам*, хотя Павел никогда не бывал в Колоссах.

Причина этому проста: если бы Павел посылал личные приветствия хорошо ему знакомым церквям, то среди членов церкви вполне могло возникнуть чувство ревности и зависти. Напротив же, когда он писал послания церквям, которых он никогда не посещал, он хотел установить как можно больше личных связей. Лишь один тот факт, что Павел никогда не был в Риме, вполне мог его побудить к стремлению установить как можно больше личных связей. Опять же важно помнить, что Прискилла и Акила действительно были *изгнаны из Рима эдиктом*, но разве не высшей степени вероятно, что после того, как прошли все опасности, через шесть-семь лет они вернутся в Рим с тем, чтобы вновь заняться своим ремеслом, после того как они прожили в других городах? И разве не вполне допустимо, что многие из других имён принадлежат людям, которые также побывали в изгнании, жили временно в других городах, где они встретили Павла, и, которые, как только опасность миновала, вернулись в Рим и в свои дома? Павел был бы в восторге от того, что у него так много личных знакомых в Риме и обязательно воспользовался бы случаем, чтобы установить с ними прочную связь.

Ниже, как мы увидим, когда мы перейдём к детальному изучению главы шестнадцатой, многие имена - домочадцы Аристовула и Наркисса, Амплий, Нирей и другие - вполне уместны для Рима. Несмотря на то, что имеются доводы в пользу Ефеса, мы можем принять, что нет необходимости отделять главу шестнадцать от Послания к Римлянам.

Но есть более интересная и более важная проблема. Ранние списки показывают чрезвычайно странные вещи, связанные с главами 14, 15, 16. Самым естественным для славословия местом является *конец послания*. В Послании к Римлянам (16,25-27) имеется хвалебный гимн во славу Господа и в большинстве хороших списков он стоит в конце. Но в некоторых списках он стоит в конце четырнадцатой главы (24-26), в двух хороших списках этот гимн приводится и *в том и в другом месте*, в одном древнем списке он приводится в конце пятнадцатой главы, в двух списках его *нет ни в том, ни в другом месте*, но для него оставлено свободное место. В одном древнем латинском списке приводится перечень краткого содержания разделов. Вот как выглядят последние два:

50: Об ответственности того, кто осуждает брата своего за пищу.

Это, несомненно, Послание к Римлянам 14,15-23.

51: О Тайне Господа, о которой было умолчано до Его страданий, но которая явлена после Его страданий.

Это, также несомненно, Послание к Римлянам 14,24-26- гимн во славу Господа. Ясно, что этот перечень краткого содержания глав был сделан по списку, в котором отсутствовали

главы пятнадцать и шестнадцать. Однако имеется нечто, что проливает свет на это. В одном списке упоминание названия Рима (*Рим. 1,7 и 1,15*) *совершенно упущено*. В нём вообще нет указания на место, куда адресовано послание.

Всё это показывает, что Послание к Римлянам распространялось в двух формах. Одна форма та, которая у нас - с шестнадцатью главами и другая - с четырнадцатью; и возможно, ещё одна - с пятнадцатью. Объяснение, по-видимому, такое: когда Павел писал Послание к Римлянам, в нём было шестнадцать глав; однако, главы 15 и 16 носят личный характер и касаются конкретно Рима. С другой же стороны, ни в одном другом послании Павла не приводится всё его учение в такой сжатой форме. Должно быть, произошло следующее: Послание к Римлянам стало распространяться среди всех других церквей, *при этом опускались последние главы, имевшие чисто местное значение*, за исключением славословия. Уже тогда, несомненно, почувствовали, что Послание к Римлянам носит слишком фундаментальный характер, чтобы оно могло ограничиваться только Римом и остаться там и, поэтому, из него были изъяты главы, носившие чисто локальный характер и оно было разослано всей церкви. Уже с самых ранних времён Церковь почувствовала, что Послание к Римлянам является таким выдающимся изложением мыслей Павла, что оно должно стать достоянием не только одной общины, но церкви в целом. Когда мы изучаем Послание апостола Павла к Римлянам, мы должны помнить, что люди всегда смотрели на него как на основу евангельской веры Павла.

Глава 1

1-7

Зов, евангелие и повеление (Рим. 1,1-7)

Когда Павел писал римлянам, он писал церкви, которую он лично не знал и в которой он никогда не был. Он писал церкви, находившейся в крупнейшем городе величайшей империи мира. Поэтому он с величайшей тщательностью выбирал свои слова и свои мысли.

Начинает он с предъявления своих полномочий.

1) Он называет себя рабом (*доулос*) Иисуса Христа. В этом слове "раб" два смысла.

а) Излюбленной формой обращения Павла ко Христу является ГОСПОДЬ (*куриос*). В греческом языке словом *куриос* обозначают того, кто имеет абсолютное право владения человеком или вещью. Оно обозначает *хозяина* или *собственника* в самом абсолютном смысле этого слова. Противоположностью для слова ГОСПОДЬ (*куриос*) является *раб* (*доулос*). Павел считал себя рабом Иисуса Христа, своего Господина и Господа. Иисус любил его и умер за него и, поэтому, Павел считал, что он не принадлежит более себе, но принадлежит всецело Иисусу Христу. С одной стороны, слово *раб* означает высший долг любви.

б) Но слово раб (*доулос*) имеет и другое значение. В Ветхом Завете это слово обычно употребляется для определённых великих мужей. Моисей и Иисус Навин были рабами (*доулос*) Господа (*Иис. 1,2; 24,29*). Величайшей честью для пророков, отличавшей их от всех других людей, было то, что они были рабами Господа (*Ам. 3,7; Иер. 7,25*). Когда Павел называет себя рабом Иисуса Христа, он определил тем самым себя преемником пророков. Их величие и слава самого Павла уже предопределены тем обстоятельством, что они были рабами Господа Бога.

Поэтому, определение *раб Иисуса Христа* указывает одновременно на наложенный на него долг великой любви и на честь, связанную с высокой миссией.

2) Павел пишет о себе как об *избранном апостоле*. В Ветхом Завете великие мужи были людьми, слышавшими зов Бога и отвечавшими на него. Авраам слышал зов Господа Бога (*Быт. 12,1-3*), Моисей отвечал на зов Бога (*Исх. 3,10*). Иеремия и Исайя были пророками,

потому что, почти против их воли, они были вынуждены слушать зов Бога и отвечать на него (Иер. 1,4.5; Ис. 6,8.9). Павел никогда не думал о себе, как о человеке, жаждущем славы, но которому было дано поручение. Иисус сказал своим ученикам: "Не вы избирали Меня, но Я избрал вас". (Иоан. 15,16). Павел смотрел на жизнь, не думая о том, что он сам хочет делать, но что Бог хочет, чтобы он сделал.

3) Павел пишет о себе как об *избранном к благовествованию Божию*, сознавая, что он является избранным в двух аспектах в своей жизни. Дважды в своей жизни он употребляет это самое слово (*афорозеин*).

а) Он избран *Богом*. Он думает, что Бог избрал его для выполнения предопределённого для него поручения ещё до его рождения. (Гал. 1,15). Бог предопределяет план для каждого человека; ни одна человеческая жизнь не является бесцельной. Бог послал его на землю, чтобы он выполнил некоторые определённые деяния.

б) Он был избран *людьми*, когда Святой Дух указал руководителям антиохийской церкви избрать его и Варнаву для выполнения особой миссии среди язычников (Деян. 13,2). Павел сознавал, что он должен выполнять миссию Бога и миссию Божьей Церкви.

4) Это одарило его двумя дарами. В стихе 5 он указывает на эти два дара.

а) На него снизошла *благодать*. Благодать всегда означает некий дар, совершенно дарованный и незаслуженный. В своё дохристианское время Павел пытался заслужить славу в глазах людей и похвалу в глазах Бога тщательным исполнением установленного закона, но этим он не нашёл мира. Потом он понял, что важно не то, что он может сделать, но то, что совершил Бог. Ибо "В законе сказано то, что должен делать человек; в Евангелии же то, что сотворил Бог". Теперь Павел видел, что спасение человека зависит не от того, что могут совершить человеческие усилия, но от того, что совершила любовь Бога. Вся суть в том, что благодать, дарованная и незаслуженная.

б) Он получил *поручение*. Он был избран, чтобы стать апостолом язычников. Павел понимал, что он избран не на особые заслуги, но для особой обязанности. Он знал, что Бог избрал его не для славы, но на тяжёлый труд. Может даже быть, что это здесь игра слов. Когда-то Павел был фарисеем (Фил. 3,5). *Фарисей* может вполне обозначать *обособленный*. Возможно, фарисеев называли так потому, что они умышленно обособлялись от всех простых людей и даже не позволяли полы своих одежд касаться их. Они содрогнулись бы при одной мысли, что Бог мог сделать предложение язычникам, которые в их представлениях являлись "топливом для адского огня". Когда-то Павел был таким же фарисеем. Он чувствовал себя до того *обособленным*, что у него не было ничего, кроме презрения ко всем простым людям. Теперь же он чувствовал себя до такой степени *обособленным*, что должен провести всю свою жизнь в благовествовании Божиим любому человеку любой расы. Вера Христова всегда обособляет, но не ради привилегий, тщеславия и гордости, но на службу, смирение и любовь ко всем людям.

Помимо того, что Павел представляется сам, он в этом отрывке наметил важные пункты своих религиозных убеждений и своей веры, которую он проповедует. Это и было Евангелие, в центре которого находился Иисус Христос (стих 3 и 4). В частности, это было благовестие, в котором преобладали два догмата:

а) Догмат *воплощения*. Он говорил об Иисусе, который действительно был человеком. Один из великих мыслителей ранней Церкви, говоря о Христе, сформулировал это так: "Он стал тем, чем являемся мы, с тем, чтобы сделать из нас то, чем был Он". Павел проповедовал о Ком-то, Кто был не легендарным героем в нереальной истории, не полубогом, полубогом-получеловеком. Он проповедовал о Том, Кто действительно и искренно был един с людьми, которых Он пришёл спасти.

б) Догмат *воскресения*. Если бы Иисус прожил прекрасную жизнь и умер героической

смертью, и если бы на этом всё окончилось для Него, Его можно было бы причислить к великим и героическим персонажам, но Он остался бы просто одним из многих. Его уникальность запечатлена навечно фактом Его воскресения. Все другие умерли и ушли из жизни и оставили о себе память. Иисус продолжает жить и присутствует рядом с нами, всё ещё могущественный в державной силе своей.

8-15

Вежливость величия (Рим. 1,8-15)

Прошло девятнадцать столетий, но и сегодня этот отрывок дышит чувством тёплой любви и мы можем чувствовать, как бьётся благородное сердце апостола Павла с любовью к церкви, которую он никогда не видел. При составлении этого письма у Павла были большие затруднения, вследствие того, что он не намерен вторгаться в их среду и вмешиваться там, где он не имел такого права. Прежде чем он сможет сделать что-нибудь, он должен стать рядом с ними, дабы разрушить преграды отчужденности и подозрительности.

1) Павел, сочетая мудрость с любовью, начинает с ободрения. Он пишет, что благодарит Бога за их христианскую веру, о которой стало известно во всём мире. Есть люди, языки которых источают хвалу, языки же других - хулу. Взор одних людей ищет недостатки, а сердце Других - достоинства. О Томасе Харди говорили, что если он выходил на деревенское поле, то он не видел диких цветов, а навозную кучу в углу. Но остаётся фактом, что всегда можно большего добиться от людей, если их хвалить, нежели осуждать. Люди, которые добиваются от других лучшего, стараются видеть их лучшие стороны.

Никогда не существовало ничего столь же прекрасного, как цивилизация древней Греции в её лучшую и высшую пору, и Т. Р. Гловер как-то сказал, что она была основана "на слепой вере в простого человека". Одна из крупных фигур 1-ой мировой войны 1914-1918 гг., Дональд Ханки, написавший книгу "Вооружённый студент", видел людей с лучшей и с худшей стороны. Однажды он писал в письме с фронта: "Если я выживу в этой войне, я напишу книгу под названием "Живая добродетель", в которой проанализирую все добродетели и благородства, присущие простым людям, и попытаюсь показать, каким образом они должны найти своё отражение в деятельности в Церкви". Он написал также очерк "Любимый капитан", в котором изобразил, как капитан, выбрав самых неуклюжих, сам их обучал. "Он смотрел на них, а они смотрели на него, и таким образом были готовы сделать всё, что было в их силах".

Никто никогда не может даже начать спасать людей, если он не доверяет им. Человек - грешник, достойный адской муки, но в душе его также спит герой, и часто даже одно слово похвалы может разбудить в нём этот дремлющий героизм, в то время как осуждение и критика вызовут в нём только чувство отчаяния и обиды. Много лет тому назад, в 630 г. саксонский король попросил прислать к нему на острова Ионы, Шотландия, миссионера для проповеди Евангелия. Миссионер вернулся говоря об упрямом и диком характере англичан. "Англичане не могут себя вести", он говорил, "они ведут себя как дикари". Он доложил, что задание проповедовать им Евангелие, является безнадёжным делом. На это Айдан, апостол англичан, ответил так: "Я полагаю, брат мой, что ты был слишком строг к таким невежественным слушателям и тебе следовало бы вести их более мягко, дать им прежде молоко религии, а уже потом мясо". Айдан был послан в Нортумбрию и его кротость и мягкость склонили к вере во Христа тех самых людей, которых оттолкнула крайняя резкость его собрата-монаха.

2) Хотя Павел не знал людей в Риме лично, он, тем не менее, постоянно молился за них Богу. Это всегда является привилегией и долгом христиан - вести наших любимых и всех братьев-христиан к престолу милосердия. В одной из своих проповедей, темой которой была молитва "Отче наш", греческий отец церкви, Григорий Нисский (род. 331), подал лирический отрывок о молитве:

"Сила молитвы в единстве с Богом, и, тот, кто с Богом - отстранён от врага. Через молитву мы защищаем своё целомудрие, умеряем свой нрав и освобождаемся от тщеславия. Она позволяет нам забыть обиды, преодолевать зависть, побеждать несправедливость и воздаёт возмездие за грехи. Через молитву мы получаем счастливый домашний очаг и сильное, хорошо построенное общество... Молитва - печать девственности, и залог верности в супружестве. Она защищает путника, охраняет спящего и придаёт смелость тем, кто бодрствует... Она придаст вам силу, когда вы устанете и утешит, когда вы опечалены. Молитва - наслаждение для радующегося и утешение для страждущего. Молитва - это близость с Богом и размышление о сокровенном. Молитва облагораживает настоящими материальными предметами и сущность того, что ещё должно сбыться".

Если мы разлучены с людьми, и если даже у нас нет иного дара для них, мы можем окружить их защитой и силой молитвы.

3) В своём смирении Павел всегда был готов принимать или отдавать. Он начинает с того, что высказывает своё пожелание посетить Рим, что он может передать им некий дар, который укрепит их в вере. Но потом он меняет свою мысль. Он намерен быть в Риме для того, чтобы и он и Римская церковь могли утешить друг друга и придать друг другу силы: ведь каждый может для себя найти драгоценные зёрна в вере другого. Есть два рода учителей. Одни относятся к своим ученикам так, словно они стоят над ними, а ученики должны всё на веру принимать. Но есть и такие учителя, которые в сущности говорят: "Приди, давай мы это вместе выучим". Павел был величайшим мыслителем раннего христианства, но, когда он думал о людях, которым он стремился проповедовать, он думал о себе не только как о дающем, но также и как о получающем от них. Смиренность необходима, чтобы учить и учиться.

4) Стих 14 имеет в греческом оригинале двойное значение, которое почти непереводаемо. В Синодальном Издании этот стих гласит "Я должен к Эллинам и варварам".

Когда Павел писал это, он думал о двух вещах. Он должен, ради всей той доброты, которую ему лично оказали, и он должен проповедовать им. Это чрезвычайно сжатое предложение означает: "Ради всего того, что я получил от них и ради всего - мой долг давать им. Я должен всяким людям".

Может показаться странным, что Павел говорит о *эллинах*, когда он пишет к *римлянам*. В это время слово Эллины (греки) потеряло совершенно свой расовый смысл. Оно не обозначало более исконного жителя Греции. Завоевания Александра Великого распространили греческий язык и греческую мысль по всему миру. И эллином (греком) теперь был уже не только тот, кто был греком по расе и по рождению; это был тот, кто знал культуру и образ мыслей греков. Варвар, в буквальном смысле слова, это человек, который говорит "*варвар*", то есть это человек, который говорит на ужасном и негармоничном языке, в противоположность человеку, который говорит на прекрасном, гибком языке греков. Быть эллином - это значило быть человеком определённого образа мыслей, духа и культуры. Один из греков так сказал о своих людях: "Варвары могут случайно наткнуться на истину, но нужен грек, чтобы понять её".

Павел в этом стихе утверждает, что его миссия, его дружба, его обязательства относятся к мудрым и простым, культурным и некультурным, образованным и неграмотным. Его миссия предназначена всему миру, но мечта его - передать эту миссию также и Риму.

16-17

Не стыжусь благовествования Христова (Рим. 1,16-17)

Дойдя до этих строк, мы понимаем, что вступительная часть закончилась и раздаётся трубный звук Евангелия Павла. Многие фортепьянные концерты начинаются с оглушительного аккорда и уже потом формулируется тема, которая в них далее развивается.

Причина заключается в том, что они впервые исполнялись на частных вечерах в домах элиты и сильных мира сего. Когда пианист усаживался за инструмент, в зале ещё раздавался гул разговоров. И, дабы привлечь внимание собравшихся, он играл оглушительный аккорд, и уже после этого, когда он привлёк к себе внимание, он формулировал тему. До этих двух стихов Павел устанавливает контакт с людьми, которым он пишет, он привлекал их внимание. Теперь прелюдия закончилась и формулируется главная тема. Эту часть составляют лишь два стиха, но в них содержится так много из основ благовествования Павла, что нам следует уделить им довольно много внимания. Павел начинает с того, что он гордится Евангелием, которое он был призван благовествовать. Можно воистину удивиться, если подумать что стоит за этим выражением: Павла посадили в тюрьму в Филиппах, изгнали из Фессалоник, тайно вывезли из Вереи, осмеяли в Афинах, а в Коринфе его послание казалось глупостью эллинам и камнем преткновения для иудеев. И на фоне этого он заявляет, что он гордится Евангелием. Было нечто такое в Евангелии, что наполняло Павла чувством ликования и победы над всем тем, что люди делали по отношению к нему.

В этом небольшом отрывке мы встречаем три принципиально важных и характерных для Павла термина, три краеугольных камня его мышления и веры.

1. Это, в первую очередь, понятие *спасения (сoteria)*. В тот исторический период именно спасение было предметом поисков людей. Когда-то в Греции философия была умозрительной. Четыре или пять столетий до этого люди проводили своё время, обсуждая одну проблему - что является тем основным элементом, из которого состоит мир? Философия являлась умозрительной философией и, одновременно, естественной философией. Но, по мере того как проходили столетия, жизнь постепенно деградировала. Старые границы были разрушены. Тираны, завоеватели и опасности окружали человека; упадок и слабость преследовали его; и философия изменила своё направление и метод. Она перестала быть умозрительной и стала практической философией. Она перестала быть *естественной* философией, и стала моральной философией. Одной из её целей было "построить круговую оборонительную стену против растущего в мире хаоса". Эпиктет называл свою аудиторию "больницей для больных душ". Сенека, современник Павла, сказал, что все люди ищут спасения. "Нам нужна протянутая к нам рука, которая бы подняла нас", - говорил он. Он также ясно понимал, что "люди одержимы непреодолимым сознанием своей слабости и своей неспособности в насущных делах". Они "любят свои пороки и одновременно ненавидят их". О себе же самом Сенека говорил, что он является невыносимым человеком.

"В этом безрассудном мире", говорил Эпиктет, "люди искали мира, провозглашённого не кесарем, но Богом".

Редко в истории человечества было такое время, когда бы люди так интенсивно искали спасения. И именно это спасение, эту власть, это избавление предложило им пришедшее христианство.

Посмотрим, что же представляло собой тогда христианское спасение (*сoteria*).

а) *Это было спасение от физических болезней.* (Мат. 9,21; Лук. 8,36). Оно не было только чем-то от иного мира. Оно направлено на освобождение человека телом и душой.

б) *Это было спасение от опасности.* (Мат. 8,25; 14,30). Это не значило, что оно давало человеку жизнь без страхов и опасностей, но оно давало защиту его душе, независимо от того, что происходило. Христианское спасение даёт человеку безопасность, независимо от внешних обстоятельств.

в) *Это спасение от заразы жизни.* Человек спасается от извращённого и порочного поколения (Деян. 2, 40). Человек, которому дано это спасение, имеет иммунитет, предохраняющий его от заражения злом сего мира.

г) *Это было спасение от гибели.* (Мат. 18,11; Лук. 19,10). Иисус пришёл, чтобы найти и

спасти погибшие. Неспасённый человек - это человек, идущий по ложному пути, то есть по пути, ведущему к смерти. Спасённый человек - это человек, который наставлен на истинный путь.

д) *Это спасение от греха. (Мат. 1,2).* Люди подобны рабам, зависящим от хозяина, от которого они не могут бежать. Христианское спасение освобождает их от тиранической зависимости от греха.

е) *Это спасение от гнева Божия. (Рим. 5,9).* В следующих абзацах мы обсудим смысл этой фразы. Здесь же достаточно отметить, что в этом мире существует непоколебимый моральный закон, и в христианской вере обязательно присутствует элемент суда. Без спасения, которое приносит Христос, человек был бы осуждён навечно.

ж) *Это эсхатологическое спасение* (после прихода конца мира). Это означает, что спасение получает своё полное выражение и блаженство в конечном триумфе Иисуса Христа (Рим. 13,11; 1 Кор. 5,5; 2 Тим. 4,18; 1 Пет. 1,5).

Христианская вера пришла в доведённый до отчаяния мир, и предложила человеку спасение в нынешнем и загробном мире.

2) Вторым краеугольным камнем является *вера*. Это слово очень богато по значению.

а) В самом понимании оно значит *верность*. Когда Павел писал фессалоникийцам, он хотел узнать о их *вере*. Другими словами, он хотел узнать, как их верность выдержала испытание. Во 2 Фес. 1,4 слова *вера* и *терпение* употреблены вместе. Вера - это непоколебимая верность, отличающая истинного воина Иисуса Христа.

б) *Вера* означает *доверие*. Оно обозначает убеждённость в том, что нечто истинно. В 1 Кор. 15,17 Павел говорит коринфянам, что, если Христос не воскрес из мёртвых, то их вера тщетна, и всё, во что они верили, потерпит крушение. *Вера* - это согласие с тем, что христианское откровение истинно.

в) *Вера* иногда обозначает *христианскую религию*. Во 2 Кор. 13,5 Павел говорит своим противникам, чтобы они испытали себя в вере: *веруют ли они*, то есть, придерживаются ли они ещё христианской веры.

г) *Вера* иногда практически равносильна *непоколебимой надежде*. "Ибо ходим *верою*, а не видением", говорит Павел (2 Кор. 5,7).

д) Но в наиболее характерном для Павла употреблении, слово *вера* значит полное принятие Бога и *абсолютное доверие*. Это означает "дать голову на отсечение, утверждая, что есть Бог". Это значит, и быть совершенно уверенным в том, что всё, что говорил Иисус - истина и рисковать время и вечность за это убеждение. "Я верю в Бога", сказал Стивенсон, "и, если я проснусь в аду, я всё же буду верить в Него".

Вера начинается с *готовности принять*. Она начинается там, где человек, по крайней мере, готов слушать благовествование. Следующим шагом является *духовное согласие*. Человек сначала слушает, а затем соглашается, что это правда. Но духовное согласие не обязательно должно выразиться в действии. Множество людей знает, что нечто есть истина, но не меняют своих поступков в соответствии с их знаниями. На последнем этапе это духовное согласие переходит в *полное смирение и преданность*. Вера человека является совершенной, если этот человек слышит послание Христово и соглашается с тем, что оно истинно, а потом целиком отдаётся ему и ведёт жизнь в абсолютной покорности.

3) Третьим краеугольным камнем является *оправдание*. Надо сказать, что нет во всём Новом Завете более трудных для объяснения и понимания слов, нежели оправдание, оправдать, справедливость и праведный. В этом послании мы будем часто встречаться с ними. Здесь же мы можем лишь в общих чертах набросить мысли Павла.

Греческий глагол, *дикаиоун*, который Павел использует, переводится как оправдать. Первое

лицо настоящего времени изъявительного наклонения я *оправдываю* - в греческом *дикаю*. Следует себе ясно осознать, что глагол *оправдывать*, *оправдываю* в этом употреблении имеет совершенно иное значение, нежели значение этого глагола в его обычном употреблении. Когда мы оправдываемся, мы приводим доводы и основания для доказательства того, что мы были правы; когда кто-либо оправдывает нас, он приводит доводы и основания для доказательства того, что мы были правы; когда кто-либо оправдывает нас, он приводит доводы и основания для доказательства того, что мы поступали правильно. Но в греческом языке все глаголы, оканчивающиеся на *ю*, не имеют значения *доказывать*, или *делать* человека или вещь чем-то; эти глаголы всегда имеют значение *относиться* к кому-либо, *считать* кого-либо за кого-либо и др. Если Бог оправдывает грешника, то это не значит, что Он находит основания и доводы для доказательства того, что он прав: это далеко не так. Здесь это даже не значит, что он делает грешника добрым человеком. Это значит, что *Бог относится к человеку так, как будто бы он и не был грешником вовсе*. Вместо того, чтобы относиться к нему как к преступнику, которого надо простить, Бог относится к нему как к ребёнку, которого надо любить. Вот что, собственно, и означает *оправдание*. Это значит, что Бог смотрит на нас не как на своих врагов, но как на своих друзей, не так как заслужили люди, но как подобает относиться к доброму человеку; не как к нарушителям закона, заслуживающим наказания, но как к мужчинам и женщинам, которых надо любить. В этом самая суть Евангелия.

Быть оправданным - значит вступить в новые отношения к Богу, отношения любви, доверия и дружбы, вместо отношений отдалённости, враждебности и страха. Мы более не идём к Богу, который излучает лишь страшные наказания. Мы идём к Богу излучающему прощение и искупительную любовь. Оправдание - греч. *дикаиосуне* - есть истинное отношение между Богом и человеком. Оправданным (*дикаиос*) является тот, кто находится в этих истинных отношениях к Богу. Здесь мы подходим к самому важному моменту: в этом отношении к Богу он находится не вследствие того, что он сделал что-либо, но вследствие того, что сделал Бог. Он находится в этом истинном отношении к Богу не потому, что он досконально исполнял деяние закона, но потому, что в своей высшей вере он предал себя изумительному милосердию и любви Бога. В Синодальном издании сказано "праведный верою жив будет". Теперь мы можем видеть, что хотел сказать Павел этой известной и чрезвычайно сжатой фразой. Именно тот человек, который находится в истинных отношениях к Богу, не делом рук своих, но вследствие его крайней веры в то, что сделала любовь Бога; он действительно знает, что такое жизнь во времени и вечности. И для Павла всё деяние Иисуса заключалось в том, что Он дал людям возможность вступить в эти новые и драгоценные отношения с Богом. Ушёл страх и пришла любовь. Бог, которого люди считали врагом, стал другом.

18-23

Гнев Божий (Рим. 1,18-23)

В предыдущих отрывках Павел рассуждал об отношениях к Богу, в которые человек может вступить чрез веру, которая есть крайняя покорность и доверие. Этим отношениям противопоставляет он гнев Божий, который должен навлечь на себя человек, умышленно не замечающий Бога и, вместо Бога, поклоняющийся своим собственным идолам и мыслям.

Это трудно вообразить, и поэтому важно внимательно продумать их, что здесь встречаемся мы с концепцией *гнева Божия*, с фразой, вызывающей смятение и ужас. Что, собственно, значит эта фраза? Что думал Павел, когда он писал именно эту фразу?

В ранних книгах Ветхого Завета гнев Божий связан с идеей об избранном народе. Народ Израилев находился в особых отношениях с Богом. Он избрал этот народ и предложил ему особые отношения, которые будут в силе действительны, пока этот народ будет соблюдать Его закон (*Исх. 24,3-8*). В этом двойное значение:

а) Оно значило, что любое нарушение закона в народе вызовет гнев Божий, так как оно разорвёт эти отношения. В 16-ой главе книги Чисел повествуется о восстании Корея, Дафана и Авирона; а в конце его Моисей приказал Аарону принести особую жертву за грех народа "ибо вышел гнев от Господа" (*Числ.* 16,46). Когда же израильтяне начали идолопоклонство Ваалу, то воспламенился гнев Господень на Израиля". (*Числ.* 25,3).

б) Кроме этого, вследствие того, что Израиль находился в особых отношениях к Богу, любой другой народ, который обращался жестоко и несправедливо с народом Израиля, навлекал на себя гнев Божий. Вавилоняне плохо обращались с израильтянами и "от гнева Господа она (земля Вавилонская) сделается необитаемою" (*Иер.* 50,13).

У пророков также встречается мысль о гневе Божиим. Но они подчеркивали иное. В религиозном мышлении иудеев со времён пророков преобладала идея о двух веках. Был век, который был совсем превратным, и был также золотой век, который был совершенно прекрасным, век нынешний и век грядущий. Эти два века были отделены один от другого Днём Господа. Это должен был быть день страшного возмездия и суда, когда мир будет разрушен, грешники уничтожены и вселенная перестроена, прежде чем наступит Царство Божие. Именно тогда *гнев Божий должен был проявиться*. "Вот приходит день Господа лютей, с гневом и пылающею яростию, чтобы сделать землю пустынею" (*Ис.* 13,9) чрез "ярость Господа Саваофа" (*Ис.* 9,19); *Иез.* 7,19 говорит о дне "ярости Господа". Бог изольёт на народы "негодование Моё, всю ярость гнева Моего". (*Соф.* 3,8).

Но пророки не рассматривали гнев Божий как возмездие, которое отсрочено исключительно до этого дня Страшного суда; они полагали, что он постоянно действует. Когда Израиль уклонялся от Бога, когда он становился мятежным и неверным, тогда гнев Божий выступал против него и навлекал на него разрушение, несчастье, плен и поражение.

По мнению пророков гнев Божий действовал непрерывно и он достигнет апогея ужаса и разрушения в грядущий День Господа. Современный ученый изложил это следующим образом. Потому что он есть Бог, потому что он свят, Бог не может выносить проявление греха и *гнев Божий* является Его "уничтожающей реакцией" против греха.

Нам это трудно понять и принять. В сущности, это была такая религия, которую мы связываем скорее с Ветхим Заветом, нежели с Новым Заветом. Даже Лютер считал это трудным. Он говорил о любви Божией, как о собственном творении Бога, и он говорил о гневе Божиим, как о странном творении Бога. Для христианского разума это трудная проблема.

Посмотрим, как Павел понимал эту концепцию. Доктор С. Г. Догг пишет очень умно и глубокомысленно на эту тему. Павел часто говорит об этой идее гнева Божия. Но особенно странным является то, что хотя он и говорит о гневе Божиим, он никогда не говорит о том, *что Бог сердится*. Он говорит о любви Бога и он говорит, что Бог любит. Он говорит о милосердии Бога и о том, что Бог дарует милосердие, он говорит о верности Бога и о том, что Бог верен своему народу. Но странно, хотя он и говорит о гневе Божиим, он никогда не говорит о том, что Бог гневается. Таким образом, существует некоторое различие между тем, как Бог связан с любовью и как Он связан с гневом.

Павел всего три раза говорит о гневе Божиим. Он говорит об этом здесь, и в Послании к Ефесянам 5,6, и в Послании к Коллоссянам 3,6, где в обоих случаях, он говорит о гневе Божиим, который приходит на сынов противления. Но очень часто Павел пишет *о гневе*, не говоря о гневе *Божием*, как будто Павел находил нужным писать это слово с большой буквы - Гнев, что было своего рода безличной силой, действовавшей в мире. В Послании к Римлянам 3,5, буквальный перевод гласит "Бог, который навлекает гнев на людей". В *Рим.* 5,9 он говорит "спасёмся Им от гнева", *Рим.* 12,19 он советует людям не мстить за себя, но дать место гневу Божию. В *Рим.* 13,5 он говорит о гневе, как о мощном средстве для удержания людей в повиновении. В 4,15 он говорит, что закон производит гнев. А в Первом послании к

Фессалоникийцам 1,10 Павел говорит, что Иисус избавил "нас от грядущего гнева". В этом есть что-то чрезвычайно странное: Павел говорит о гневе, и именно от этого гнева Иисус спасает людей.

Вернёмся к пророкам. Очень часто их послание сводилось к следующему: "Если вы не будете покорны Богу, то гнев Божий навлечёт на вас гибель и бедствие". Иезекииль выразил это иначе и очень живо "душа согрешающая, та умрёт" (Иез. 18,4). Если перевести это на современный язык, то мы сказали бы: "В этом мире существует моральный кодекс, и человек, который нарушит его, должен раньше или позже пострадать". А вот что сказал Дж. А. Фрауд, великий историк: "Один урок, и только один урок, можно сказать, ясно повторяет история, что мир построен на определённых моральных основах, и в конечном счёте, добрым будет хорошо, а злым будет плохо."

Собственно, послания иудейских пророков сводились к тому, что в мире существует моральный порядок. Отсюда вытекает ясное заключение - *этот моральный порядок и является постоянно действующим гневом Божиим*. Бог создал этот мир таким образом, что нарушая его законы, мы этим навлекаем на себя беду. Если бы мы были оставлены на произвол этого неумолимого морального порядка, для нас не оставалось бы ничего иного, кроме смерти и разрушения. Мир устроен таким образом, что всякая грешная душа должна погибнуть, если бы действовал исключительно только этот один моральный порядок. Но в это безвыходное положение человека приходит любовь Божия, как акт невероятного добровольного милосердия, освобождает человека от следствий греха и спасает от гнева, который бы он непременно навлёк на себя.

Продолжая, Павел настаивает на том, что человек не может оправдывать свою невинность через незнание Бога. Люди могли видеть, каков Он, так как они видели сотворённый Им мир. Всегда можно сказать что-то о человеке, когда видишь произведение его рук; и можно сказать что-то о Боге, имея перед глазами сотворённый Им мир. Авторы Ветхого Завета знали об этом. Книга Иова (главы 38-41) отражают именно эту мысль. Павел знал это. Обращаясь к язычникам в Листре, он сначала говорит о Божием творении (Деян 14,17). Тертуллиан, великий духовный отец раннего христианства, много говорит об том, что Бога можно видеть в сотворённом Им мире. "Не перо Моисея положило начало знанию о Создателе... Огромное большинство человечества - хотя они не слыхали имени Моисея, - не говоря уже о его книге, - тем не менее знают Бога Моисея". Тертуллиан неоднократно подчеркивал следующее: "Природа - учитель; душа - ученик". "Уже сам по себе один цветок живой изгороди - я не говорю о луговом цветке; одна морская раковина, я не говорю уже о жемчужине из Красного моря; одно перо болотной птицы - я не говорю уже о павлиньем, - разве они могут сказать вам что-либо плохое о Создателе?" "Если я предложу вам розу, вы не можете презирать её Создателя".

В мире виден Бог. Павел приводит довод, и совершенно обоснованно, когда мы наблюдаем мир, мы видим, что страдания *всегда сопутствуют греху*. Нарушите законы пользования земли и вы не получите урожая; нарушите законы архитектуры - и сооружение обрушится. Нарушите законы гигиены и питания - и пострадает тело. Павел говорит "Посмотрите на мир! Посмотрите, как он устроен! Такой мир ясно покажет вам, на что похож Бог!" Грешнику не остаётся никакого оправдания.

Павел делает ещё один шаг. Что делает грешник? *Вместо того чтобы взирать на Бога, он заглядывает внутрь себя*. Он углубляется в бессмысленные рассуждения и думает, что он мудр, хотя он всё время был безумен. Почему? Он был безумен, потому что возвёл в нормы и законы жизни *свои* идеи, *свои* мнения, *свои* рассуждения *вместо того, чтобы принять волю Божию*. Безумие грешников состояло в том, что они делали человека "господином вещей". Человек нашёл свои нормы в своих мнениях, а не в законе Божием. Человек жил в эгоцентрической вселенной, а не во вселенной, центром которой является Бог. Вместо того, чтобы ходить, взирая на Бога, он ходил, заглядывая в самого себя, и подобно всякому

человеку, который не смотрит, куда он идёт он падал.

Результатом этого было *идолопоклонство*. Славу и сияние Бога обменял он на идолов в форме людей и животных. Главный грех идолопоклонства заключается в том, что оно эгоистично. Человек сотворил себе кумиру и приносит ему жертвы и обращает к нему молитвы. Почему? *Чтобы поддерживать свои собственные системы и мечты*. Его почитание предназначено ему самому, а не Богу.

В этом отрывке мы сталкиваемся с мыслью, что сущность греха состоит в том, что человек ставит себя на место Бога.

24-25

Люди, с которыми Бог не может ничего поделаться (Рим. 1,24-25)

Слово *эпитуμία* - в переводе желание, вожделение, похоть - является ключевым к этому отрывку. Аристотель толковал значение слова *эпитуμία* как *стремление к наслаждению*. Стоики определяли его как стремление к наслаждению, пренебрегающее всяким благоразумием. Климент Александрийский назвал это безрассудным стремлением к тому, что доставит удовлетворение, принесёт удовлетворение. *Эпитуμία* - это страстное стремление к запрещённому наслаждению. Это стремление к наслаждению (похоти - в русской Библии), которое побуждает людей делать отвратительные и бесстыдные дела. Это образ жизни человека, столь глубоко погрязшего в миру, что он совершенно перестал отдавать себе отчёт о Боге.

Ужасно - говорить о том, что Бог *предает* кого-либо. И всё же для этого существуют две причины.

1) Бог дал человеку свободу воли и Он считается с этой свободной волей. В конечном счете, даже Он не может в это вмешиваться. В Послании к Ефесянам 4,19. Павел говорит о людях, которые предалились распутству: они подчинили ему свою волю. В книге пророка *Осии* 4,17 имеется ужасное изречение: "Привязался к идолам Ефрем: оставь его!" Перед человеком всегда открыт выбор; и так должно быть. Без выбора не может быть добродетели, и без выбора нет любви. Принудительная добродетель - не подлинная добродетель; а любовь по принуждению - вовсе не любовь. Если люди умышленно повернутся к Богу спиной после того, как Он послал в мир Своего Сына Иисуса Христа, даже Он не может ничего сделать с Ними.

Когда Павел говорит о Боге, *преддающего людей нечистоте*, слово *предает* не несёт в себе злого негодования. Действительно, главное значение - даже не осуждение и кара, а тоскливое, печальное сожаление, как возлюбленного, который сделал всё, что было в его силах и не может более ничего сделать. Оно совершенно точно описывает чувство отца, когда он видит своего сына, поворачивающегося спиной к своему дому и уходящему в далекую страну.

2) И всё же в этом слове *предать* есть ещё нечто другое. В нём есть значение кары. Один из жестоких фактов жизни заключается в том, что чем более человек грешит, тем легче ему согрешить. Сначала он, может быть, содрогнётся, осознав, что он делает, а кончит тем, что будет грешить, не задумываясь. Не Бог наказывает его, он сам навлекает на себя наказание и постепенно делается рабом греха. Иудеи знали это, и у них были меткие пословицы на эту тему. "Кто стремится к добру, тот ищет благоволения, а кто ищет зла, к тому оно приходит". "Грешников преследует зло, а праведникам воздается добром". "Кто стремится сохранить свою добродетель, получает силу для этого; а кто погряз в нечистоте, тому открыт путь греха". "Кто построит стену вокруг себя, будет защищён, а кто сам себя выдал, тот оставлен".

Самое ужасное, что связано с грехом - это власть, которая порождает грех. Страшная ответственность связана со свободной волей: ибо она может довести до того, что в конечном счёте человек забывает о ней и становится рабом греха, безвольно ступая на неверный путь.

А грех всегда есть ложь, ибо грешник думает, что грех сделает его счастливым, тогда как, в конце концов, он разрушает жизнь, как свою собственную, так и других, в этом и в загробном мире.

26-27

Век позора (Рим. 1,26-27)

Может показаться, что стихи 26-32 первой главы Послания к Римлянам были написаны истерическим моралистом, рисующим излишне чёрными красками современную ему картину нравов риторической гиперболой. Эти стихи описывают положение полного упадка морали, не имевшего, по-видимому, аналогии в истории человечества. Однако, Павел не говорит ничего такого, что бы не говорили сами греческие и древнеримские писатели.

1) Это была эпоха, когда, казалось, всё вышло из подчинения. Вергилий писал: "Правда и неправда смешаны; так много войн во всём мире, столько несправедливости; плуг потерял подобающее ему уважение; землепашцы ушли воевать, и поля зарастают сорняками; серп перекован в меч. На востоке, на Евфрате, разгорается война, также и на западе, в Германии; более того, соседние города разрывают свои союзы и обнажают меч, и противоестественная ярость бога войны свирепствует по всему миру; даже подобно тому, как боевые колесницы в цирке врываются в раскрытые ворота, устремляются они на беговую дорожку, и, натягивая отчаянно вожжи, возница позволяет лошадям везти себя, а колесница не подчиняется езде".

Это был мир, в котором неистовствовало насилие. Когда Тацит начал писать историю этой эпохи, он отмечал: "Я перехожу к истории эпохи, полной несчастий, омрачённой войнами, раздираемую бунтами, жестокой даже в самые времена мира... Это было сплошное иступление, ненависть, террор; подкупали рабов, дабы они предавали своего господина, а вольноотпущенников, чтобы они предавали своих патронов. Кто не имел врагов, того изводили его друзья". Историк Светоний, описывая правление императора Тиберия, сказал: "Не проходило дня, чтобы кто-нибудь не был казнён". Это была эпоха полнейшего, крайнего террора. "Рим", говорит историк Ливии, "не мог переносить ни свои болезни, ни средства для лечения этих болезней". Поэт Проперций писал: "Я вижу Рим, гордый Рим, безвременно погибающим, жертвой своего собственного процветания". Это была эпоха морального самоубийства. Сатирик Ювенал писал: "Земля не рождает больше никого, кроме плохих людей и трусов. Следовательно, Бог, кто бы он ни был, смотрит вниз, смеётся над ними и ненавидит их".

Для мыслящего человека это была эпоха, когда, казалось, мир был неуправляемым, и когда человек мог слышать над всем этим саркастический смех богов. Как говорил Сенека, это был век, "поражённый тревогой души, которая уже более не владела собой".

2) Это был век неслыханной роскоши. В римских общественных банях горячая и холодная вода лилась из серебряных кранов. Император Калигула даже приказал посыпать арену цирка золотой пудрой, вместо опилок. Ювенал горько заметил: "Роскошь, более безжалостная, нежели война, нависла над Римом... С тех пор, как в Риме более нет бедности, нет недостатка в прегрешениях и вожделении". "Деньги, повивальная бабка разврата, ... и расслабляющее обилие истощили силы эпохи ленивой роскошью". Сенека говорил о "деньгах, причине гибели истинной чести вещей", и добавил "мы спрашиваем не о том, чем вещь действительно является, а сколько она стоит". Это была эпоха, настолько наскучившая обыденными вещами, что она алкала необыкновенного. Лукреций говорит о "горечи, льющейся из фонтана наслаждения". Преступление было единственным противоядием скуке в те времена, когда, как говорит Тацит, "чем постыднее деяние, тем слаще наслаждение".

3) Это была эпоха неслыханной распущенности. В течении первых 520 лет истории Римской республики не было зарегистрировано ни одного развода. Первый зафиксированный развод имел место в 234 г. до Р. Х., когда римский гражданин Стурий Карвий Руга развёлся со своей женой. Но теперь, как писал Сенека, женщины выходят замуж для того, чтобы

развестись и разводятся, чтобы выйти замуж". Высокородные римские матроны определяли годы по именам мужей, а не по именам консулов. Ювенал не мог себе представить, что существует хоть одна целомудренная матрона. Климент Александрийский так говорит о типичной женщине римского общества: "Опоясана, как Венера, золотым поясом порока". Ювенал: "Достаточно ли для Иберины одного мужа? Вы скорее можете уговорить её довольствоваться одним глазом" и он приводит в пример женщину, которая в течение пяти лет восемь раз выходила замуж. Ювенал приводит даме в пример Агриппину, саму императрицу, жену императора Клавдия, которая покидала по ночам дворец и проводила время в публичном доме, единственно для удовлетворения своей похоти. "Они это делали без всякого страха и стыда". Павел не сказал о языческом мире ничего такого, чего не сказали о нём уже сами языческие моралисты. Но порок не ограничивается грубым и естественным развратом. Общество было сверху до низу пропитано извращениями. Четырнадцать из пятнадцати первых римских императоров были гомосексуалистами.

Далёкий от того, чтобы сгущать краски на картине, Павел нарисовал её в сдержанном духе. И именно там он хотел проповедовать Евангелие, и именно там он не постыдился Евангелия Христа. Миру нужна была сила, дающая спасение, и Павел знал, что нигде, кроме как во Христе, этой силы не было.

28-32

Жизнь, в которой Богу нет места (Рим. 1,28-32)

Едва ли можно найти ещё отрывок, который бы также ясно показывал, что ожидает человека, в жизни которого нет места Богу. Не столько Бог посылает осуждения на человека, сколько человек навлекает на себя осуждение, когда он не оставляет места для Бога в своих мыслях и в жизни. Когда человек изгоняет из своей жизни Бога, он становится совершенно особым человеком; и во всей литературе нет такого ужасного описания человека, в жизни которого нет Бога. Взглянем на список ужасов, которыми наполняется жизнь безбожника.

Такой человек совершает поступки, которые не подобают ни одному человеку. У стойков было особое выражение: они говорили о *та катеконта*, что обозначало "*дела, приличествующие человеку*". Определённые поступки являются существенными и неотъемлемыми, внутренне присутствующими человеку, а некоторые ему не присущи. Как это сказал Шекспир в "Макбете":

Я смею делать всё, что прилично человеку;

Кто больше сделает - становится никем.

Человек, который изгоняет из своей жизни Бога, теряет не только благочестие, но и человечность.

За этим следует длинный список, внушающий страх пороков. Рассмотрим их:

Неправда (адикия). Адикия - это полная противоположность *диаиосуне* - *справедливости*. Греки определяли *справедливость (диаиосуне)*, как *отдавать Богу и человеку должное*. Человек, *исполненный неправды* - человек, который лишает человека и Бога их прав. Он так воздвиг себе алтарь в центре всех вещей, что он обожает только себя, исключая и человека, и Бога.

Подлость (понерия). В греческом языке это слово значит более, чем низость, которая, главным образом, причиняющая вред самому грешнику не обязательно направлена на другое лицо. Когда эта подлость, как и всякая низость, причиняет вред другим, то этот вред не преднамеренный. Он может даже быть бессмысленно жестоким, но он не бессердечно жестокий. Греки же определяли низость - *понерия* как *желание причинить вред*. Это активное преднамеренное стремление развратить и причинить вред. Если греки определяли женщину *понера*, они имели в виду женщину, совращающую преднамеренно невинных от их невинности. По-гречески одно из наиболее распространённых имён Дьявола - *го понерос* -

подлый, т.е, кто преднамеренно стремится разрушить добродетель людей. *Понерос* - это не просто сам по себе низкий и подлый человек, но человек, стремящийся сделать всех такими же низкими и подлыми. *Понерия* - это деструктивная низость.

Похоть, возжеление (плеонексия). Греческое слово состоит из двух слов, которые значат *иметь больше*. Греки сами определяли *плеонексия* как отвратительную любовь к обладанию. Это агрессивный порок, дух, преследующий исключительно свои цели и совершенно игнорирующий права других и общечеловеческие ценности. Его основным содержанием является *жадность*. Феодорит, один из ведущих теологов пятого века, определяет это слово (*плеонексия*) как дух, стремящийся взять больше, захватывает что-либо, на что он не имеет никакого права в любой сфере жизни. Если это стремление действует в материальной сфере, оно означает присвоение денег и вещей, пренебрегая нормами чести и честностью. В этической сфере - это честолубие, попирающее других и добивающегося и того, что находится вне сферы притязания. В моральной сфере - это необузданная похоть, берущая своё наслаждение. Плеонексия - это желание, не признающее никаких законов и норм.

Злоба (какия). *Какия* - наиболее употребляемое греческое слово для обозначения порочности. Оно определяет человека, лишённого всех качеств благодати. Так, на пример, *какое критес* - это судья, лишённый как юридических знаний, так и моральных чувств и прямого характера - всех тех качеств, которые необходимы судье. Феодорит определяет это слово *какия* - порочность как *испорченность души*. Феодорит употребляет при этом термин *ропе* - *нарушение равновесия*. Человек, определяемый через *какое* - это человек, в жизни которого начинает доминировать дурное. *Какия* является существенным элементом порочности и всех пороков, и её зародышем. Это степень крайнего морального разложения, отсюда произрастают и распускаются пышным цветом все грехи.

Зависть (фтонос). Зависть может быть полезной и плохой. Зависть может показать человеку собственные слабости и неспособность, и будить в нём страстное желание повторить какой-нибудь подвиг. Но бывает и зависть, основанная на недоброжелательности. Взгляд на прекрасного человека вызывает не желание возвыситься до этой красоты, а ненависть к ней. Это самое извращённое, самое противоестественное чувство.

Убийство (фонос). Нужно всегда помнить, что Иисус необъятно расширял смысл этого слова. Он выступал не только против применения насилия, но и против чувства злобы и ненависти. Он требовал не только воздерживаться от злобных и жестоких действий, но изгнать такие чувства вовсе из сердца. Может быть, мы никогда в жизни не ударим человека, но кто может утверждать, что у него никогда не было желания ударить человека? "Люди видят, что мы делаем", говорил однажды Фома Аквинский, "Бог же видит наши намерения".

Распри (эрис). Значение этого слова восходит к *раздорам*, порождённые завистью, честолубием, погоней за хорошим местом, за успехом и высоким положением. В основу таких распрей обычно лежит зависть и ревность. Человек, очистившийся от зависти в значительной степени очистился от всего, что связано с распрями и раздорами. Способность получить такое же наслаждение от успеха другого человека, как и от своего - это дар Божий.

Обман (долос). Значение этого слова лучше всего понять исходя из глагола *долоун*. *Долоун* употребляется в двух характерных случаях: подделывать металлы и разбавлять вино. *Долос* - это *обман*; им определяют человека неискреннего и извращённого образа мысли, неспособного поступать открыто и честно, использующего скрытные и нечестные пути для достижения своих целей. Этим словом определяют искусную хитрость интриганов, которые есть в каждой общине и в каждом обществе.

Злонравие (какоэтеия). *Какоэтеия* означает буквально злонравие - злобность, а в более широком смысле зловредность. Аристотель дал этому слову более узкое определение, смысл которого сохранялся всегда. Аристотель определил, что *какоэтеия* - это "дух, всегда предполагающий самое плохое о других людях". Римский писатель Плиний определил это

как "злостное толкование". Джереми Тейлор сказал, что это слово как "один из основных пороков человека, всегда смотреть на вещи с неправильной стороны и толковать их в самом плохом смысле". Вполне возможно, что это самый типичный из всех пороков. Если какое-нибудь действие человека можно рассматривать с двух сторон, человеческая природа предпочтёт выбрать худшее объяснение этому поступку. Просто страшно подумать, сколько честных имён было погублено в разговорах за чашкой чая, когда люди давали злонравное толкование совершенно невидимому действию. Когда у нас возникает желание поступить так, мы должны помнить, что Бог слышит и помнит каждое сказанное нами слово.

Злоречивые и клеветники (пситуристес и каталалос). Эти два слова определяют людей с клеветническими языками; но между ними существует различие; *каталалос* - клеветник: он совершенно открыто высказывает свои обвинения и рассказывает свои истории; *пситуристес* - сплетник, нашептывающий свои злобные истории на ухо слушателю, отводящий человека в угол и нашептывающий ему историю, разрушающую репутацию человека. Оба они неразумны, но сплетник - самый скверный из них двоих. Против открытой клеветы человек может, по крайней мере, защищаться, но он бессилён против скрытных клеветников, которые находят наслаждение в разрушении репутации человека.

Богоненавистники (теостугеис). Этим именем определяют человека, ненавидящего Бога, так как он знает, что он проявляет открытое неповиновение Богу. Бог является преградой между ним и его наслаждением; Бог - это оковы, которые мешают ему делать то, что он хочет. Он бы с радостью устранил Бога из мира, если бы это было в его силах, ибо без Бога он имел бы, если не свободу, то свободу воли.

Обидчики (губристес). Губрис был у греков порок, навлекающий на человека погибель от рук богов. Это понятие включает в себе два важных значения. 1) Оно характеризует человека, столь гордого, что он бросает тем самым вызов Богу. Оскорбительная гордыня предшествует падению. Обидчик забывает, что он есть творение Божие. Это характеристика человека, настолько уверенного в себе, что он думает, что может прожить жизнь один. 2) Оно характеризует бессмысленно и садистски жестокого и оскорбляющего человека. Аристотель определяет это (понятие) как дух, причиняющий зло и оскорбления другому лицу не ради мести или вытекающих из этого выгод, но исключительно из наслаждения причинить боль и вред. Есть люди, получающие наслаждение при одном виде другого человека, содрогающегося от жестоких оскорблений. Есть также и люди, получающие дьявольское наслаждение, если могут причинить духовную и физическую боль другим. Это и есть *губрис*; это садизм, получение удовольствия, причиняя боль другим.

Гордыня (гуперефанос). Это слово трижды стоит в Священном Писании, когда говорится, что Бог противодействует гордости (*Иак. 4,6; 1 Пет. 5,5; Прит. 3,34*). Феофилакт назвал гордыню "пределом всех грехов". Греческий писатель Теофраст написал ряд известных зарисовок характеров, в которых он определил *гуперефания* - гордыню как "определённое презрение ко всем, кроме себя". И он приводит примеры из обыденной жизни, прекрасно иллюстрирующими эту гордыню. Если человеку, которого обуяла гордыня, предлагают какую-нибудь должность, он отказывается, ссылаясь на то, что он настолько занят своими собственными делами, что не располагает свободным временем; он никогда не смотрит на людей на улице, если это не доставляет ему удовольствия; он приглашает человека на обед, а потом сам не выходит к столу, а посылает слугу прислуживать своему гостю. Вся его жизнь наполнена духом презрения и ему доставляет наслаждение давать другим людям почувствовать их незначительность.

Самохвалы (алацон). Алацон - слово с интересной историей. Это слово буквально означает *странствующего человека*. Позже оно становится основным обозначением для бродячих шарлатанов - знахарей, хвастающих созданными ими лекарствами и методами лечения, а также для коробейников, хвастающих отличным качеством своих товаров, которые, однако, этими качествами вовсе не обладали. Греки определяли словом *алацонеия* дух,

претендующий на обладание тем, чем он не обладает. Ксенофон говорит, что это слово характеризует того, кто претендует быть богаче и храбрее, чем он на самом деле есть и кто обещает сделать больше, чем он способен, для того, чтобы получить какую-то прибыль или выгоду. Опять же у Теофраста есть исследование характера такого человека - *сноба, человека с большими претензиями*. Это человек, хвастающийся торговыми сделками, которые существуют лишь в его голове, связями с влиятельными людьми, которых нет вообще, дарами благотворительным обществом и общественными заслугами, которых он никогда не делал, и которые он никогда не заслуживал. О доме, в котором он живёт, он говорит постоянно, что он слишком мал для него и что он должен купить дом побольше. Самохвал всеми силами стремится произвести впечатление на других. И мир всё ещё полон такими людьми.

Изобретательны на зло (эфеуретес какой). Это выражение характеризует человека, неудовлетворённого обычными способами грешить, и изыскивающего новые и тёмные пороки, человека пресыщенного, и ищущего новых и острых ощущений в каком-нибудь новом грехе.

Непослушны родителям (гонеусин апеитеис). Как иудеи, так и римляне рассматривали повиновение и послушание родителям как очень ценную добродетель. Одна из десяти заповедей гласила "почитай отца твоего и мать твою". На заре Римской республики власть отца *патрия потестас*, была настолько беспрекословной, что он имел власть над жизнью и смертью членов семьи. Этот грех приведён здесь потому, что ослабление семейных узов неизбежно повлечёт за собой полный упадок и вырождение. *Безрассудны (асунетос)*. Это слово характеризует человека, неспособного усвоить уроки жизненного опыта, неспособного пользоваться своим разумом и памятью, данными ему Богом.

Вероломны (асунетос). Это слово должно было с особой силой звучать для римских слушателей. В дни величия Рима, римская честность была поразительной. Слово римлянина было настолько же надёжным, как и его долговое обязательство. В этом, в сущности, состояло одно из важных различий между римлянином и греком. Грек был прирождённым мошенником. Греки говорили, что, если доверить губернатору или чиновнику один талант, он ухитрится, даже если его будут проверять десять контролёров и счётчиков, присвоить толику от него; в то время как римлянин, будь это должностное лицо на государственной службе или военачальник в военном походе, мог распоряжаться тысячами талантов под одно честное слово и никогда ни один грош не пропадал. Когда Павел писал это слово, он призывал римлян не только к христианской этике, но и к эталонам честности их великого прошлого.

Нелюбовны (непримиримы) (асторгос). Греческое слово *сторге* - употреблялось специально для обозначения семейной любви. В это время, семейная любовь действительно отмирала. Ни в какое другое время жизнь ребёнка не бывала столь непрочной и не зависела столько от случайности. Детей считали несчастьем. Когда ребёнок рождался, его клали к ногам отца. Если он поднимал его, это значило, что он признал его; если же он отворачивался от ребёнка, его в буквальном смысле слова выбрасывали вон. Не было такой ночи, когда бы на римском Форуме не было брошено тридцать-сорок младенцев. Даже Сенека, бывший великим философом и человеком, мог написать следующее: "Мы убиваем сумасшедшую собаку, мы отводим на бойню свирепого быка, мы погружаем нож в больное животное, чтобы оно не заразило стадо; *детей же, которые рождаются слабыми или изуродованными, мы топим*". Естественная человеческая связь любви была разрушена.

Немилостивы (анелеемон). Ни в какое другое время жизнь человеческая не стоила так мало. Хозяин мог убить или мучить своего раба, ибо он был лишь вещью, и закон давал хозяину неограниченную власть над ним. В богатом доме раб нёс поднос с хрустальными бокалами, споткнулся и разбил один. Хозяин немедленно приказал бросить его в пруд с рыбами во дворе дома, где миноги пожирали его живую плоть. Это был век, бессердечный и немилосердный в самих своих наслаждениях, ибо это был век больших гладиаторских игр,

где люди находили удовольствие при виде того, как люди убивали друг друга. Это был век, когда чувство милосердия исчезло.

Павел говорит ещё одно последнее слово об этих людях, изгнавших Бога из своей жизни. Бывает, что человек, если он грешник, обычно понимает и знает это, и присвоив себе право делать что-то, он знает, что это следует осуждать в других людях. Но в то время люди достигли такого уровня морального разложения, что они грешили сами и побуждали к этому других. Бернард Шоу сказал однажды: "Ни один народ никогда не мог пережить гибель своих богов". Здесь Павел дал нам ужасную картину того, что происходит, когда люди умышленно изгоняют Бога из своих мыслей. В своё время Рим пал. Несчастье и моральный упадок идут рука об руку.

Глава 2

1-11

Ответственность привилегии (Рим. 2,1-11)

В этом отрывке Павел обращается непосредственно к иудеям. Здесь имеет место следующая связь мыслей. В предыдущем отрывке Павел нарисовал ужасную картину язычного мира, над которым довлело проклятие Господне. Иудей полностью соглашался с каждым словом этого проклятия. Но он никогда ни на минуту не допускал, что и на него распространялось это проклятие. Он полагал, что занимает особое положение. Бог может быть судьёй язычников, но Он же был особым защитником иудеев. Павел же здесь убедительно указывает иудею, что он такой же грешник, как и язычник, и что, когда он, иудей, клеймит язычников, он осуждает и себя. И он будет судим не по своему расовому происхождению, но в соответствии с образом жизни, который он вёл.

Иудеи всегда считали, что находятся в особом привилегированном положении к Богу. Они утверждали, что из всех народов земли Бог любит лишь Израиль: "Бог будет судить язычников одной меркой, а иудеев - другой". "Все израильтяне получают место в грядущем мире". "Авраам сидит у врат ада и не позволяет ни одному грешному израильтянину пройти чрез них". Во время спора Иустина Мученика с иудеем Трифоном о положении иудеев, иудей сказал: "Те, кто являются семенем Авраама по плоти в любом случае, даже, если они грешники и неверующие и непокорны Богу, войдут в Царство вечное". Автор "Книги Премудрости Соломона", сравнивая отношения Бога к иудеям и язычникам, говорит:

"Этих Ты испытывал, как отец, поучая, а тех, как гневный царь, поучая, истязал". (Прем. 11,11).

"Итак, вразумляя нас, Ты наказываешь врагов наших тысячекратно". (Прем. 12,22).

От гнева спасёт его не какая-либо его добродетель, но лишь то, он иудей.

Опровергая такое представление, Павел напоминает четыре вещи:

1) Он прямо заявил им, что они злоупотребляют милостью Божией. В стихе 4 он употребляет три важных слова. Он спрашивает иудеев: "Или пренебрегаешь богатство *благости, кротости и долготерпения!*" Рассмотрим эти три слова, имеющих огромное значение:

а) *благость (крестотес)*. Об этом слове Тренч говорит: "Это чудесное слово, потому что оно выражает прекрасную идею". В греческом языке существует два слова: *агатос*, и *крестос*. Различие между ними состоит в следующем: Доброта человека, характеризуемого словом *агатос*, может в конечном счёте вылиться в упрёки, наказание и эпитимью, но человек, характеризуемый как *крестос* - всегда действительно добр. Иисус был *агатос*, когда Он изгонял меновщиков и продавцов голубей из храма Божия. Он же был *крестос*, когда Он с нежной добротой обращался с грешной женщиной, омывшей ему ноги, и к женщине,

которую изобличили в прелюбодеянии. Павел говорит: "Вы иудеи, просто пытаетесь извлечь выгоды из великой заботы Бога".

б) *кротость (анохе)*. *Анохе* - это перемирие. Это слово означает прекращение вражды, но это прекращение, ограниченное во времени. Павел, в сущности, заявляет иудеям следующее: "Вы думаете, что вам не грозит никакая опасность, потому что правосудие Божие ещё не наказало вас. Но Бог вовсе не предоставил вам полную свободу грешить; он даёт вам возможность раскаяться и изменить своё поведение". Человек не может грешить вечно безнаказанно.

в) *Долготерпение (макротумия)*. *Макротумия* - специфическое слово, выражающее *долготерпение в обращении с людьми*. Иоанн Златоуст определяет это слово как характеризующее человека, обладающего властью и силой, чтобы отомстить, но сознательно воздерживающегося от этого. Павел, в сущности, говорит иудеям следующее: "Не думайте, если Бог не наказывает вас, что Он не может этого сделать. Тот факт, что наказание не следует непосредственно за совершённым грехом, не является доказательством Его бессилия; это лишь доказательство Его долготерпения. Вы живёте долготерпение Божиим".

Один крупный комментатор сказал, что почти у каждого человека есть слабая и неясная надежда на безнаказанность, чувство "это не может произойти со мной". Иудеи пошли дальше этого: они открыто претендовали на освобождение от наказания, от кары Божией, злоупотребляли Его милостью и до сего дня ещё многие люди пытаются поступать так же.

2) Павел укоряет иудеев в том, что они рассматривают милость Божию скорее как поощрение к греху, нежели как побуждение к раскаянию. Приводимое ниже знаменитое циническое заявление принадлежит Генриху Гейне, которого, очевидно, совершенно не заботило грядущее. На вопрос, почему он так самоуверен, Гейне ответил по-французски: "Это Его ремесло". Давайте подумаем об этом в чисто человеческих категориях. Отношение человека к человеческому прощению может быть двояким. Допустим, молодой девушке, сделавшей нечто постыдное и душераздирающее, родители, в своей любви чистосердечно простили и никогда ей не напоминали. Она может тогда либо продолжать совершать те же постыдные поступки, уповая на родительское всепрощение, либо же это родительское всепрощение может побудить в ней искреннюю благодарность и она будет всю жизнь стремиться быть достойной его. Пожалуй, нет ничего более постыдного, чем злоупотреблять всепрощением любви, чтобы грешить вновь. Именно это и делали Иудеи. Именно это же делают многие люди и сегодня. Милосердие и любовь Божия не должны внушать человеку уверенность в том, что он может грешить и оставаться безнаказанным; милосердие и любовь Божия направлены на то, чтобы так тронуть наши сердца, чтобы мы постоянно стремились к тому, чтобы впредь никогда больше не грешить.

3) Павел настаивает на том, что в системе мироздания Божия более не существует разделения на избранный и неизбранный народы. Могут быть народы, которым предназначена особая задача и особая ответственность, но нет такого народа, который был бы избран для того, чтобы пользоваться особыми привилегиями по особым соображениям. Может быть это и так, как говорил великий английский поэт Мильтон: "Когда у Бога есть какое-нибудь большое дело, он поручает его своим англичанам"; но здесь речь идёт о большом и важном задании, а не о большой *привилегии*. Всё иудейское вероисповедание было основано на убеждении, что иудеям принадлежит особое место и что они пользуются особой милостью в глазах Бога. Нам может показаться, что давно уже миновали времена, когда господствовали подобные убеждения. Но разве это так? Разве ныне не существует такая вещь как "цветной барьер" - расовая дискриминация по цвету кожи? Разве не существует сознание собственного превосходства, которое английский писатель Киплинг выразил как "низшие братья без закона"? Мы не утверждаем, что все народы одинаково талантливы. Однако это значит, что народы, ушедшие дальше по пути прогресса, не должны смотреть с презрением на другие народы; напротив на них даже лежит ответственность

помочь им в их развитии.

4) Этот отрывок Послания, заслуживает самого тщательного изучения, чтобы получить понятие о философии апостола Павла. Часто утверждают, что Павел стоял на той позиции, что единственно важным является вера. Религия, подчёркивающая важное значение человеческих деяний человека, часто пренебрежительно отбрасывается в сторону, так как она, якобы, не имеет ничего общего с Новым Заветом. Однако, это очень далеко от истины. "Бог", говорит Павел, "воздаст каждому по делам его". Для Павла вера, которая не проявляется в делах человека, есть искажение веры; в действительности это не имеет ничего общего с верой. Он бы даже сказал, что вообще веру человека можно видеть только в делах его. Одна из самых опасных религиозных концепций как раз и заключается в том, что вера и деяние человека - два совершенно разных и независимых друг от друга понятия. Не может быть такой веры, которая бы не проявлялась в делах человека, как не может быть дел, которые не являлись бы плодом веры. Деяния человека и вера его между собой неразрывно связаны. И потом, может ли Бог судить человека иначе как по делам его? Мы не можем сказать просто "Я верую" и считать, что это все. Наша вера должна проявляться в наших делах, ибо по делам нашим будем мы приняты или осуждены.

12-16

Неписанный закон (Рим. 2,12-16)

В переводе мы несколько изменили порядок следования стихов. По смыслу стих 16 следует за стихом 13, а стихи 14 и 15 - вводная часть. Надо помнить, что Павел не писал это письмо, сидя за столом и продумывая каждое слово и каждый оборот. Он расхаживал по комнате и диктовал его своему секретарю Тертию (Рим. 16,22), который старался изо всех сил записать все сказанное. Этим и объясняется такая длинная вводная часть. Но легче понять точное значение его, если мы сразу от стиха 13 перейдем к стиху 16, а потом разберем стихи 14 и 15.

В этом отрывке Павел обращается к язычникам. Он рассмотрел вопрос об Иудеях и их претензии на особые привилегии. Но иудеи все же имели одно преимущество - закон. Язычники ведь могут ответить тем же самым и сказать: "Было бы справедливо, если бы Бог осудил иудеев, которые имеют закон и должны были бы знать лучше но мы, несомненно, избежим наказания, потому что мы не имели возможности узнать закон и не знали и не могли поступить лучше, чем мы сделали". В ответ на это Павел излагает два важных принципа.

1) Человеку воздается по тому, что он имел возможность знать. Если он знал закон, то он будет судим как человек, знающий закон. Если он не знал закона, он будет судим как человек, который не знал закона. Бог справедлив. А вот ответ на вопрос тех, которые спрашивают, что будет с теми, которые жили в мире до пришествия Иисуса Христа и которые не имели возможности услышать благовествования Христова. Человек будет судим по его верности самой высокой из истин, которые он имел возможность узнать.

2) Павел продолжает далее, что даже те, кто не знали писанный закон, имели в сердцах своих неписанный закон.

Мы называем это инстинктивным знанием добра и зла. Стоики говорили, что во вселенной действуют определённые законы, нарушение которых навлекает на человека разные опасности: законы здоровья, моральные законы, регулирующие жизнь и образ жизни, называли эти законы *фузис*, то есть *природа* и понуждали человека жить в согласии с ней. Павел утверждает, что в самой природе человека заложено инстинктивное знание того, что он должен делать. Греки согласились бы с этим. Аристотель сказал: "Культурный и свободный человек будет вести себя так, как будто он является *сам для себя законом*". Плутарх задаёт вопрос: "Кто должен руководить правителем?" И он сам отвечает: "Закон, властитель всех смертных и бессмертных, как это называет Пиндар, который не записан на папирусных свитках и деревянных дощечках, а являет собой благоразумие, имманентное душе человека и постоянно довлеющее над ним и никогда не оставляющее его душу без

руководства".

Павел видел мир разделённым на две группы людей. Он видел иудеев, имеющих свой закон, данный им непосредственно Богом и записанный для того, чтобы все могли читать его. Он видел другие народы, не имеющие этого писаного закона, но, тем не менее, с внушённым им Богом знанием добра и зла в сердцах. Ни те, ни другие не могли претендовать на освобождение от наказания Божия. Иудей не может претендовать на освобождение от наказания на том основании, что ему отведено особое место в планах Бога. Язычник не может уповать на освобождение от наказания на том основании, что он никогда не получал писаного закона. Иудей будет судим как человек, знавший закон; язычник, как человек, которому Богом было дано сознание. Бог будет судить людей по тому, что они знали, и по тому, что они имели возможность знать.

17-29

Истинный иудей (Рим. 2,17-29)

Для иудея подобный отрывок должен был явиться совершенно потрясающим событием. Он был уверен, что Бог относится к нему с особой благосклонностью, просто и единственно потому, что он происходил от Авраама, и потому, что он носит знак обрезания на своей плоти. Но Павел проводит мысль, к которой он потом снова и снова возвращается. Он настаивает на том, что иудейство - вовсе не расовая проблема; она не имеет ничего общего с обрезанием. Это проблема поведения. Если это так, то многие так называемые иудеи, являющиеся чистокровными потомками Авраама, и несущие на своём теле знак обрезания, вовсе и не иудеи; и, равным образом, многие язычники, которые никогда не слыхали об Аврааме, и никогда и не думали об обрезании, являются настоящими иудеями в истинном смысле этого слова. Для иудея это звучало бы как самая дикая ересь и крайне разозлило и ошеломило его.

В последнем стихе этого отрывка имеется каламбур, который совершенно нельзя адекватно перевести: "ему похвала не от людей, но от Бога". *Похвала* по-гречески - *эпаинос*. Если же мы вернёмся назад к Ветхому Завету (*Быт.* 20,35; 49,8), мы увидим, что первоначальное и традиционное значение слова иудей - *Юда* - похвала - *эпаинос*. Потому эта фраза имеет два значения: а) с одной стороны она значит, что "ему и похвала не от людей, а от Бога", б) принадлежность (такого человека) к иудеям определяется не людьми, а Богом. Смысл этого отрывка в том, что обещания, данные Богом, относятся не к людям определённой расы и имеющим определённые знаки на теле. Они относятся к людям, ведущим определённый образ жизни, независимо от их расы. Быть иудеем - это проблема не родословий, но личности: и очень часто человек, не являющийся иудеем по происхождению, может быть лучшим иудеем, чем человек, являющийся иудеем по расовой принадлежности.

В этом отрывке Павел говорит, что есть также иудеи, поведение которых привело к тому, что имя Бога порочат среди язычников. Это простой исторический факт, что иудеи ещё и сейчас являются самым непопулярным народом в мире. Посмотрим, как смотрели язычники на иудеев в эпоху Нового Завета.

Они рассматривали иудаизм как "варварское суеверие", а иудеев - как "самую отвратительную расу", и как "самое презренное общество рабов". Истоки и происхождение иудаизма искажались со злобным невежеством. Говорили, что иудеи были первоначально группой прокаженных, которые были посланы египетским фараоном в песчаные карьеры; и что Моисей собрал эту банду и повёл их через пустыню в Палестину. Говорили, что они поклонялись ослиной голове, потому что в пустыне стадо диких ослов привело их к воде, когда они погибали от жажды. Говорили, что они не употребляют в пищу свиного мяса, потому что свиньи особенно подвержены кожной болезни, называемой чесоткой, и именно от этой болезни страдали иудеи в Египте.

Некоторые иудейские обычаи высмеивались язычниками. Их полное воздержание от

свинины вызывало много шуток. Плутарх полагал, что причина этого могла заключаться в том, что иудеи вполне могли почитать свинью как бога. Ювенал объяснял это тем, что иудейское мягкосердечие признало за свиньёй привилегию жить до глубокой старости, и что свинина представляет для них большую ценность, чем человеческая плоть. Обычай соблюдать субботу рассматривался как чистая лень. Некоторые вещи, доставлявшие наслаждение иудеям, приводили язычников в бешенство. Однако и это оставалось необъяснимым - как бы они ни были непопулярны, иудеи получили, тем не менее, необычайные привилегии от Римского государства.

а) Им было разрешено каждый год переводить в Иерусалим храмовой налог. Около 60 г. до Р. Х. в Азии сложилось столь серьёзное положение, что был запрещён вывоз денег; согласно историкам, было арестовано и захвачено не менее двадцати тонн контрабандного золота, которое иудеи собрались отправить в Иерусалим.

б) Им было разрешено, до некоторой степени, иметь свои собственные суды и жить в соответствии с их собственными законами. Существует декрет, изданный правителем Луцием Антонием в Азии около 50 г. до Р. Х., в котором было сказано: "Наши иудейские граждане пришли ко мне и сообщили мне, что они имеют свои собственные собрания, которые проводятся по законам их предков, и своё особое место, где они разрешают свои собственные дела и разбирают тяжбы между собой. Когда они попросили, чтобы эти обычаи продолжались и далее, я вынес решение, чтобы им было позволено сохранить эти привилегии". Язычники питали отвращение к этому зрелищу человеческой расы, живущей вроде отдельной группы с особыми привилегиями.

в) Римское правительство уважало соблюдение субботы иудеями. Было установлено, что иудей не может быть вызван в субботу на суд для дачи показаний; если населению раздавались особые подачки, и эта раздача выпадала на субботу, то иудей имел право потребовать свою долю на следующий день. И, особенно щекотливый вопрос для язычников, иудеи пользовались правом *астратеия*, то есть были освобождены от несения воинской повинности в римской армии. И это освобождение тоже было связано непосредственно с тем фактом, что строгое соблюдение субботы иудеями, не позволяло им нести военную службу по субботам. Легко себе представить, с каким негодованием смотрел весь остальной мир на это особое освобождение от этого тяжкого обязательства. Иудеев обвиняли, однако, в двух вещах.

а) Их обвиняли в безбожии *атеотес*. Древний мир наталкивался на большие трудности, когда нужно было представить себе возможность существования религии без каких-либо изображений почитаемых богов. Историк Плиний Младший называл иудеев "раса, отличающаяся своим презрением ко всем божествам". Тацит сказал о них так: "Иудеи представляют себе божество одним умом... Потому в их городах или даже в их храмах не воздвигается никаких изображений. Такого благоговения и такого почёта не воздаётся ни королям, ни кесарю. Ювенал говорит следующее: "Они не чтят ничего, кроме облаков и бога неба". Но дело в том, что антипатия язычников к иудеям развивалась не столько из-за их вероисповедания без образов, сколько из-за их холодного презрения к иным религиям. А кто презирает своих сограждан, не может стать миссионером. Именно это отвращение к другим было одним из пунктов, занимавших мысли Павла, когда он говорил, что иудеи навлекли плохую славу на имя Божие,

б) Их обвиняли в ненависти к своим соплеменникам (*мезантропия*) и в необщительности (*амаксия*). Тацит сказал о них: "В отношении между собой их честность непреклонна, сострадание просыпается в них быстро, но по отношению к другим людям они проявляют ненависть и вражду". В Александрии рассказывали, что иудеи поклялись никогда не проявлять жалости по отношению к язычникам и они даже предложили каждый год приносить одного грека в жертву своему Богу. Тацит говорил, что язычника, обращённого в иудаизм, в первую очередь учили делать следующее: "презирать богов, отречься от своей

национальности, отречься от родителей, детей и братьев". Ювенал говорил, что если язычники спрашивали у иудея дорогу, то он отказывался указать её, и что если грешник ищет источник, чтобы напиться, иудей не поведёт его к нему, если он не обрезан. Опять то же самое: презрение определяло основные отношения иудеев к другим людям, а это, естественно, вызывало ненависть в ответ. В основном верно, что иудеи навлекали дурную славу на имя Божие, потому что они замыкались в маленькую, но прочную общину, из которой были исключены все другие, и потому что они презирали язычников из-за их веры и не оказывали милосердия к ним. Истинная религия - это дело открытого сердца и открытых дверей. Иудаизм же был делом закрытого сердца и закрытых дверей.

Глава 3

1-8

Верность Бога и неверие человека (Рим. 3,1-8)

Здесь Павел в очень сжатой форме излагает свои взгляды по очень сложному и важному для него вопросу. Мы легче поймём его, если представим себе, что он ведёт спор с воображённым оппонентом. В развёрнутом изложении этот спор выглядел бы примерно так:

Оппонент: Из всего того, что ты сказал, можно заключить, что не существует никакого различия между язычником и иудеем, и что они находятся в совершенно одинаковом положении. Не так ли?

Павел: Никак нет.

Оппонент: В чём же тогда различие?

Павел: Во-первых, они имеют то, что язычники никогда непосредственно не имели - заповеди Божьи.

Оппонент: Хорошо! Ну, а если бы некоторые из иудеев послушались этих заповедей и были бы неверны Богу и попали бы под Его осуждение? Ты только что сказал, что Бог предоставил иудеям особое положение и особые обещания. Теперь же ты говоришь, что, по крайней мере, на некоторых из них пало проклятие Божие. Значит ли это, что Бог нарушил свои обещания и проявил Себя несправедливым и неверным?

Павел: Ничего подобного! Это доказывает, что Бог никому не делает предпочтения, и карает грех везде, где Он видит его. Уже то, что Он осуждает неверных иудеев - наилучшее доказательство Его абсолютной справедливости. Можно было бы ожидать, что Он не обратит внимания на грехи своих особых людей, но Он этого не делает.

Оппонент: Прекрасно! Всё что ты сделал, - ты преуспел в доказательстве, что моё неповиновение позволило Богу показать Свою правоту. Моя неверность дала Богу прекрасную возможность продемонстрировать свою верность. Мой грех, стало быть, отличная вещь! Он позволил Богу показать, сколь Он добр! Я совершил зло, но из него вышло добро! Не можешь же ты осудить человека, давшего возможность Богу продемонстрировать свою справедливость!

Павел: Такой довод и презрения не заслуживает! Тебе стоит его лишь изложить и ты увидишь всю его несостоятельность.

Разобрав таким образом этот отрывок, мы вскроем в нём определённые фундаментальные мысли Павла, относительно иудеев.

1) До конца дней своих Павел верил в то, что иудеи стоят в особых отношениях к Богу. Именно так, в сущности, верили и сами иудеи. Различие, однако, заключалось в том, что Павел связывал это особое положение с *особой ответственностью*, возложенной, по его мнению на иудеев. Иудеи же полагали, что особое положение даёт им *особые привилегии*. В

чём же, по понятиям Павла, заключалась эта особая миссия иудеев? Она заключалась в *Прорицании Божьем*. Что же он под этим подразумевает? Павел употребляет слово *логия*, которое и в греческом переводе Ветхого Завета обычно обозначало постановление или слово Божие. В данном случае, у Павла это слово *логия* обозначает Десять Заповедей. Бог вверил иудеям заповеди, а не привилегии. Он сказал им: "вы особый народ, поэтому вы должны жить особой жизнью". Он не говорил им: "Вы особый народ, поэтому вы можете делать всё, что вам заблагорассудится". Нет, он сказал им совсем иное: "*Вы особый народ, поэтому вы должны делать то, что я хочу*". Лорд Дансейни, переживший Первую мировую войну, сказал себе однажды: "Каким-то чудесным образом я всё ещё жив. Интересно, что хочет Бог от меня, что должен я совершить, если Он так специально сохранил мою жизнь?" Но такая мысль никогда не приходила в голову иудеям. Они никогда не могли понять, что особый выбор Бога, предназначил им особую миссию.

2) Во всех писаниях Павел высказал три основные мысли, касающиеся иудеев. Здесь они появляются в зародыше; и, собственно говоря, Павлу потребовалось всё это Послание, чтобы рассмотреть именно эти три вопроса. Следует отметить, что Павел распространяет это осуждение на всех иудеев. Он ставит вопрос так: "А что, если *некоторые из них* были неверными?"

а) Он был совершенно уверен в том, что Бог справедлив, осуждая иудеев. Они имели своё особое место и им были даны особые обещания; и, именно, это делало их осуждение ещё более тяжёлым. Ответственность - всегда лицевая сторона привилегии. Чем больше у человека возможностей поступать правильно, тем больше осуждение его, если он поступит неправильно.

б) *Но* не все иудеи были неверными Богу. Павел никогда не забывал тех, кто оставался верным Ему - и он был уверен в том, что эта небольшая часть оставшихся Ему верными, - как бы малочисленны они ни были, - составляли истинно иудейскую расу. Остальные же утратили свои привилегии и осуждены. Они более не являются иудеями. Верный Богу остаток является истинным народом.

в) Павел был всегда уверен в том, что отвержение иудеев *Богом не было окончательным и бесповоротным*. Это отвержение открыло язычникам двери к Богу; и, в конце концов, язычники приведут иудеев снова в лоно церкви, и язычники и иудеи будут едины во Христе. Трагедия иудеев состояла в том, что они отвергли предназначавшуюся им великую миссию евангелизации мира. Поэтому эта задача была передана язычникам и план Божий, в его первоначальном виде, был диаметрально изменён, и теперь не иудеи евангелизировали язычников, как это должно было быть, но язычники евангелизировали иудеев - процесс, который продолжается и поныне.

Далее, этот отрывок содержит две великие общечеловеческие истины.

1) Корень всех грехов заключается в непослушании. Корень греха иудеев заключался в неповиновении известному им закону Божию. Как писал Мильтон "первое неповиновение человека" несёт ответственность за потерянный рай. Когда человек в своей гордыне восстаёт против воли Божией, совершается грех. Если бы не было неповиновения - не было бы и греха.

2) Современный человек проявляет удивительную изобретательность, оправдывая свой грех. Здесь мы встречаем аргумент, вновь и вновь встречающийся в религиозном мышлении: совершённый грех даёт Богу возможность явить одновременно свою справедливость и своё милосердие, т. е. является, якобы, делом добрым. Это извращённый аргумент. Можно также утверждать, - это, в сущности, будет то же, - что доброе дело - разбить человеку сердце, так как это даёт ему возможность показать, насколько он любит тебя. Когда человек грешит, он должен прилагать свои высокие умственные способности не для оправдания своего греха, а для смирения, чтобы признать его в стыде и раскаяться.

Безбожный мир (Рим. 3,9-18)

В последнем отрывке Павел настаивал на том, что, несмотря ни на что, иудеи занимают особое место в Божественной системе. Естественно, поэтому, что оппонент теории избранного народа иудеев спрашивает, не значит ли это, что иудеи по сравнению с другими народами в лучшем положении. Павел отвечает на это, что иудеи и язычники одинаковы, если они без Христа, они под грехом. Греческое выражение *γυνο γαμαρциан*, которое мы переводим "под грехом", заставляет нас тщательно подумать. В этом контексте *γυно* обозначает *во власти чего-либо, в подчинении у кого-нибудь*. В Мат. 8, 9 сотник говорит: "имея у себя в подчинении воинов - *γυно змаутон*. Это обозначает *под моим командованием*. Школьник находится *γυно паидагогон*, то есть под руководством раба, приставленного ему для наблюдения. Раб же - *γυно цугон* - *под игом* своего господина. В государстве без Христа, человек находится под властью греха, и беспомощен выйти из-под его власти. В этом отрывке есть ещё одно интересное слово. Это слово находится в стихе 12, "(Все) до одного негодны". Это слово *αχρειοο*, что буквально означает *сделать непригодным*. В одном из своих употреблений оно означает прокисшее молоко. Человеческая природа без Христа - испорчена и ни к чему не пригодна.

Павел делает здесь то же, что обыкновенно делали иудейские раввины. В стихах 10-18 он связал избранные тексты из Ветхого Завета. Он подаёт их не точно, потому что цитирует их по памяти, но он включает сюда и цитаты из *Пс.* 13,1-3; 5,10; 139,4; 9,28; *Ис.* 59,7-8; *Пс.* 35,2. Для раввинов это был обычный способ проповедовать. Он назывался *хараз*, то есть нанизывать жемчужины.

Здесь Павел даёт ужасающее описание человеческой природы, не имеющей Христа. Английский теолог Возн указал, что эти цитаты из Ветхого Завета описывают три свойства: 1) *Личность*, основными чертами характера которой являются невежество, безразличие, извращённость и негодность. 2) *Язык*, тон которого порочен, лжив, зловерден. 3) *Поведение*, характерными чертами которого являются угнетение, несправедливость, непримиримость. Всё это является результатом пренебрежения к Богу.

Никто не видел так ясно зло человеческой природы, как это видел Павел; но следует отметить, что зло человеческой натуры было для Павла не зовом к безнадёжности, а призывом к надежде. Когда мы говорим, что Павел верил в первородный грех и греховность человеческой природы, мы никогда не должны полагать, что это значит, будто бы он потерял надежду в человеческую природу, либо смотрит на неё с циническим презрением. Однажды, в старости Вильям Джей сказал: "Моя память ослабевает, но я не забуду никогда - что я большой грешник и что Иисус Христос - великий Спаситель."

Павел прекрасно осознавал всю искупительную силу Христа. В молодости Вильям Роуби из Ланкашира был озабочен тем, что его проповеди не пользуются признанием среди его прихожан. Это повергло его в отчаяние и он пожелал вовсе оставить свою службу. Но тут дошёл до него упрёк некоего господина Муди, спросившего его: "Разве они слишком плохи, что их не стоит и спасать?" Этот упрёк заставил Вильяма Роуби вернуться к своим трудам. Павел считал, что люди, не имеющие Христа, неразумны, но он никогда не считал, что они настолько плохи, что их не нужно было спасать. Он был уверен, то, что Христос сделал для него, Павла, Он сможет сделать для любого человека.

19-26

Единственный путь к правде Божией (Рим. 3,19-26)

Высшая задача жизни заключается в том, чтобы познать правду Божию. Как можно иметь мир с Богом? Как можно избежать ощущение отчуждённости и страха в присутствии Бога? Иудейская религия отвечает на это так: "Человек может достигнуть верных отношений с

Богом, scrupulёзно выполняя всё то, что изложено в законе". Однако, сказать так, значит сказать просто, что человеку вообще невозможно приобрести правду Божию, ибо ни один человек никогда не может исполнять все заповеди закона."

Не усердием моим

Исполнять закон могу.

Какая же тогда польза в законе? Она в том, чтобы человек осознавал грех. Лишь, когда человек знает закон и пытается удовлетворить его требования, сознаёт он, что никогда не сможет его выполнить. Предназначение закона - показать человеку его собственную слабость и греховность. Отлучен ли тогда человек от Бога? Нисколько, потому что путь к Богу лежит не через закон, а через милосердие, не путём деяний, а путём веры.

Чтобы показать, что он имеет в виду, Павел использует три метафоры:

1) Он использует метафору *из судебной практики - оправдание*. Эта метафора предполагает, что человек стоит перед судом Божиим. В греческом тексте для выражения понятия оправдать употреблено слово *диакриун*. Все греческие глаголы, оканчивающиеся на *оун*, имеют не значение *сделать* кого-либо чем-то, а *обходиться* с кем-либо, *считать* кого-либо, *рассматривать* его как кого-то. Если перед судьёй предстаёт невинный человек, то рассматривать его как невинного - значит оправдать его. Но самый важный момент в отношениях человека с Богом заключается в том, что он виновен в высшей степени, и всё же Бог, обладая поразительным милосердием, рассматривает его, считает его и обращается с ним как с невинным. Вот что означает оправдание.

Когда Павел говорит: "Бог оправдывает нечестивого", он имеет в виду, что Бог относится к нечестивому, как к хорошему человеку. Именно это и поражало иудеев до самой глубины их существа. Для них отношение к плохому человеку, как к хорошему, означало признак безнравственности судьи. "Оправдывающий нечестивого и обвиняющий праведного - оба мерзость пред Господом". (*Прит.* 17,15). "Я не оправдываю беззаконника" (*Исх.* 23,7). Но Павел говорит, что именно это-то и делает Бог.

Как я могу знать, что Бог именно таков? Я знаю, *потому что Иисус это сказал*. Он пришёл, чтобы сказать нам, что Бог любит нас, какие мы ни есть плохие. Он пришёл к нам, чтобы сказать, что, хотя мы и грешники, мы всё же дороги Богу. Когда мы откроем это и поверим в это, *оно полностью изменит наши отношения с Богом*; осознавая свой грех, мы освобождены от страха и более не отстранены от Него. Кающимся и разбитым сердцем приходим мы к Богу, как раскаивающееся дитя идёт к своей матери, и мы знаем, что Бог, к которому мы идём - любовь.

Вот что означает *оправдание через веру в Иисуса Христа*. Это значит, что мы находимся в правильных отношениях с Богом, потому что мы всеми нашими сердцами верим в то, что всё, что сказал нам Иисус о Боге, есть истина. Мы не являемся более теми охваченными ужасом и чуждыми разгневанному Богу существами. Мы - дети, заблудшие, полные доверия в любовь нашего Отца; уверенные в том, что он простит нас. *И мы никогда не смогли бы найти это правильное отношение с Богом, если бы Иисус не пришёл жить и у мереть, чтобы сказать, как чудесно Он нас любит*.

2) Павел употребляет метафору с *жертвы*. Он говорит об Иисусе, "Которого Бог предложил в жертву умиловления... в прощении грехов"...

Павел употребляет здесь для описания Иисуса греческое слово *гиластерион*. Это слово, в свою очередь, происходит от греческого глагола, имеющего значение *умиловлять*. Этот глагол имеет прямое отношение к жертве. По древнему обычаю человек, нарушивший закон, приносил Богу жертву. Цель этого жертвоприношения заключалась в том, чтобы эта жертва отвратила наказание, которое должно было быть наложено на него. Другими словами - человек согрешил; грех немедленно ставил его в неправильные отношения с Богом; дабы

восстановить эти правильные отношения, человек предлагал Богу свою жертву.

Но опыт показал, что жертва животного не достигала желаемой цели. "Ибо жертвы Ты не желаешь - я дал бы её; к всесожжению не благоволишь" (Пс. 50,18). "С чем предстать мне пред Господом, преклониться пред Богом Небесным? Предстать ли пред Ним со всесожжением, с тельцами однолетними? Но можно ли угодить Господу тысячами овнов и несчётными потоками елей? Разве дам Ему первенца моего за преступление моё и плод чрева моего - за грех души моей?" (Мих. 6,6.7). Люди инстинктивно чувствовали, что если они уж согрешили, то принесение в жертву предмета личного имущества не поправит содеянного.

Поэтому Павел говорит: "Иисус Христос, своей покорной жизнью и смертью ради любви принёс Богу ту жертву, которая действительно и истинно искупает грех". Он настаивает на том, что происшедшее на Кресте, вновь открывает путь к правильным отношениям с Богом; открывает дверь, которую бессильна была открыть любая другая жертва.

3) Павел употребляет метафору из системы *рабства*. Он говорит об *искуплении* во Христе Иисусе. Греческое слово *apolutrosis* означает искупление, избавление, освобождение. Это означает, что человек был во власти греха, и что единственно Иисус Христос мог освободить его от него.

Наконец, Павел говорит, что Бог делает это всё потому, что Он справедлив и Он считает оправданным каждого, верующего в Иисуса Христа. Павел никогда не говорил ничего более поразительного. Бенгель назвал это "величайшим парадоксом Евангелия". Подумайте, что это значит. Это значит, что Бог справедлив и принимает грешника тоже как справедливого человека. Было бы естественно сказать: "Бог справедлив, и поэтому осуждает грешника как преступника". Но здесь мы видим величайший парадокс - Бог справедлив, и почему-то в своём совершенно удивительном милосердии, которое принёс людям Иисус, Он принимает грешника не как преступника, а как сына, которого Он всё ещё любит.

В чём же сущность всего этого? В чём различие между этим и старым провозглашённым законом? Основное различие состоит в следующем: сущность пути послушания закону состоит в том, что может человек сделать для себя; сущность пути милосердия заключается в том, что может Бог сделать и что Он сделал для человека. Павел утверждает, что ничто, что бы мы когда-либо *ни* сделали, не сможет заслужить *нам* прощения; лишь то, что Бог сделал для нас, может нам помочь добиться этого; поэтому путь к правильным отношениям с Богом лежит не через безумные, отчаянные, обречённые попытки добиться оправдания нашими делами; он лежит в покорном и полном раскаянии принятии любви благодати, которые Бог предложил нам в Иисусе Христе.

27-31

Конец пути человеческих совершений (Рим. 3,27-31)

Павел рассматривает здесь три положения:

1) Если путь к Богу - путь веры и принятия, тогда всякие притязания человека на собственные достижения пропали. В иудаизме имелись направления, приверженцы которых вели своего рода расчётные книги с Богом, куда вносили свои заслуги и потери. Часто при этом человек приходил к заключению, что Бог в долгу пред ним. Павел же убеждён, что каждый человек - грешник и должник перед Богом и что никто не сможет вернуться деяниями своих рук на путь истинных отношений с Богом, и что больше не существует никаких поводов для самоудовлетворения и гордости своими свершениями.

2) Но иудей может возразить, что это может быть так для язычника, никогда не знавшего закона, но как же это может относиться к иудеям, которые знают его? В ответ на это Павел обращает внимание на фразу, являющуюся фундаментом иудейской веры, с которой всегда начиналась и начинается ещё и нынче каждая служба в синагоге: "Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь один есть!" (Втор. 6,4). Нет одного Бога для язычников, а другого для

иудеев. Бог *один*. Путь к нему один и тот же для язычников и иудеев. Это не путь человеческих деяний; это путь доверия и принятия веры.

3) Но, возражает иудей, означает ли это конец всего закона? Можно было бы ожидать, что Павел ответит, "Да". Но, в сущности, он говорит, "Нет". Он, собственно, говорит, что это упрочивает закон. Он именно это имеет в виду. До этого времени иудей пытался оставаться хорошим человеком и соблюдал заповеди, потому что он боялся Бога, и страшился наказания, которое навлечёт на него нарушение закона. Этот день прошёл навсегда. На его место теперь стала *любовь Бога*. Теперь человек должен стараться быть добрым и соблюдать данный Богом закон не потому, что он боится Бога и страшится Его наказания, а потому, что он чувствует, что должен стремиться быть достойным этой удивительной любви. Он стремится к добродетели не потому, что он боится Бога, а потому, что любит Его. Он знает теперь, что грех состоит не столько в том, чтобы нарушить закон Божий, но чтобы ранить сердце Бога, и, поэтому он вдвойне ужасен.

Возьмём человеческую аналогию. Многие люди подвержены искушению сделать дурное, но не делают этого; но не потому, что они боятся преступить закон. Их бы не очень смутило, если бы их за это оштрафовали или даже посадили в тюрьму. Их удерживает лишь то, что они просто не смогли бы вынести печаль любящего их человека. Не закон страха, но закон любви заставляет их идти по правильному пути. Такими и должны быть наши отношения с Богом. Мы навсегда избавлены от страха и ужаса перед Богом, но это не является поводом к тому, чтобы мы поступали как нам вздумается. Мы никогда больше не сможем поступать как нам угодно, ибо навсегда будем вынуждены поступать добродетельно по закону любви; и этот закон намного прочней, нежели когда-либо мог быть закон страха.

Глава 4

1-8

Вера, которая доверяет Богу на слово (Рим. 4,1-8)

Павел начинает говорить об Аврааме по трём причинам:

1) Иудеи рассматривали его как великого основателя расы и образец всего того, чем должен быть человек. Вполне естественно, что они спрашивают: "Если все, что ты говоришь - истина, то что же особенное получил Авраам, когда Бог избрал его, чтобы он стал прародителем Его избранного народа? Что же отличает его от других людей?". Именно на этот вопрос Павел собирается дать ответ.

2) Павел как то пытался доказать, что человека ставят в правильные отношения к Богу не его деяния и исполнения положений закона, а простая вера в полной покорности, которая верит Богу на слово и верит, что он всё ещё любит нас, даже если мы не сделали ничего для того, чтобы заслужить эту любовь. Иудей сразу же возразил бы на это: "Это что-то совершенно новое и противоречит всему тому, чему нас учили верить. Это учение совершенно неправдоподобно". На это Павел отвечает: "Это учение отнюдь не ново. Оно так же старо, как и иудейская вера. Это отнюдь не еретическая новинка, это учение лежит в самом фундаменте иудейской религии". Это он и старается доказать далее.

3) Павел начинает говорить об Аврааме, потому что он был мудрым учителем, знавшим образ мышления человека и как оно действует. Он говорил о *вере*. Однако же вера - это абстрактное понятие. Ум обыкновенного человека с трудом усваивает абстрактные идеи. Мудрый учитель знает, что каждая идея должна быть персонифицирована, воплощена в конкретном человеке, ибо это единственный способ сделать абстрактную идею понятной для простого человека. Павел, в сущности, говорит следующее: "Я говорил о вере. Если ты хочешь знать, что есть вера - взгляни на Авраама".

Когда Павел начал говорить об Аврааме, он стоял на почве, которую хорошо знал и

понимал каждый иудей. Ибо в их мышлении Авраам занимал особое место. Он был основателем народа. Он был первым человеком, с которым заговорил Бог. Он был тем человеком, который был исключительным образом избран Богом, и который слушал Его и повиновался Ему. У раввинов были свои споры об Аврааме. Для Павла же сущность его величия состояла в следующем: Бог пришёл к Аврааму и предложил ему оставить и дом, и друзей, и род свой, и средства пропитания, и сказал ему: "Если ты совершишь сей великий подвиг веры, ты станешь отцом великого народа". Авраам поверил Богу. Не отговариваясь, не сомневаясь, он пошёл, не зная, куда идёт". (*Евр.* 11,8). Авраама поставило в особые отношения с Богом не то, что он scrupulously выполнял все требования закона, но его полное доверие к Богу и его совершенная готовность отдать свою жизнь в его распоряжение. Для Павла это вера, и именно эта вера Авраама побудила Бога считать его праведником.

Немногие, лишь совсем немногие из наиболее передовых раввинов верили в это. Имелся комментарий раввинов, в котором говорилось "Авраам, отец наш, наследовал эту землю и мир грядущий единственно за свою веру в Господа Бога; ибо сказано "И он поверил в Бога и Он вменил это ему в праведность". Однако большая часть раввинов трактовала историю Авраама так, чтобы она подходила к собственным верованиям. Они полагали, что ввиду того, что Авраам был единственным праведным человеком своего поколения, *именно поэтому* он и был избран для того, чтобы стать родоначальником избранного Богом народа. Однако, сразу напрашивается возражение: "Как мог Авраам соблюдать закон, если он жил за сотни лет до того, как этот закон был дан людям?" Раввины развивали ту же теорию о том, что он придерживался установлений закона по *интуиции или же в предвосхищении*. "В те времена", говорится в Апокалипсисе от Баруха (57, 2), "неписанный закон был известен среди них и требования заповедей исполнялись тогда". "Он соблюдал закон Всевышнего", говорит Екклесиаст (44,20.21), "и был заключен завет с Богом... Поэтому Бог уверил его клятвой, что народы будут благословенны в его семени". Раввины настолько любили свою теорию деяний, что они настаивали на том, что Авраам был избран Богом именно ради своих деяний, хотя при этом им приходилось утверждать, что он предвосхитил знания закона, который ещё не был дан людям.

Здесь мы опять видим коренное отличие иудейской теории от христианской веры. Основная мысль иудеев заключалась в том, что человек должен *заслужить* благосклонность Бога. Но фундаментальная мысль христианства заключалась в том, что человек может только поверить Богу на слово и поставить всё на веру в то, что обещания Его истинны. Павел утверждал - и он был неопровержимо прав - что Авраам вступил в правильные отношения с Богом не потому, что он выполнял всевозможные установления закона, но потому что он совершенно и полностью поверил обещаниям Бога.

Коль наша любовь проста и чиста,

И вера в Него бездельна, -

Жизнь сияла б как солнце тогда

В Христовой любви столь обильной.

Величайшее открытие, сделанное христианской жизнью, состоит в том, что нам не нужно мучить себя проигранной битвой, в которой мы хотели бы заслужить любовь Божию; нам нужно лишь с абсолютной верой принять любовь, которую Бог предлагает нам. Правда, после этого любой честный человек должен доказать, что он достоин этой любви. Но он более не является преступником, пытающимся выполнять невыполнимый закон; он любящий, отдающий себя всего Тому, Кто любит его, если он даже не заслуживает этого.

Сэр Джеймс Барри рассказал однажды историю о Роберте Стивенсоне. "Когда Стивенсон уехал на остров Самоа, он построил сперва маленькую хижину, а потом переехал в большой дом. В первую ночь после поселения в большом доме он чувствовал себя очень усталым и сожалел, что он не догадался предусмотрительно попросить своих слуг принести ему кофе.

Но в тот момент отворилась дверь и туземный мальчик вошёл, неся кофе. И Стивенсон сказал ему на туземном наречии: "Велика твоя предусмотрительность". Однако мальчик поправил его и сказал: "Велика любовь". Услуга была оказана ему не по принудительной служебной обязанности, но по вдохновению любви. Оно также является движущей силой христианской добродетели.

9-12

Отец верующих (Рим. 4,9-12)

Для того чтобы понять этот отрывок, мы должны сперва понять значение, которое иудеи придавали обрезанию. Для них необрезанный, в буквальном смысле, не был иудеем, независимо от его происхождения. Иудейская молитва к обрезанию звучит так: "Блажен, кто посвятил своего любимого от чрева своего, и выполнил обряд над своей плотью, и отметил своего отпрыска знаком священного завета". В таинстве раввинов это изложено так: "Никто не должен есть Пасхи, если на плоти его нет знака Авраама". Если язычник принимал иудейскую веру, он должен был выполнить для этого три обычая: креститься, принести жертву и совершить обряд обрезания.

Иудейский оппонент, которому, собственно, всё время отвечает Павел, всё ещё продолжает вести спор: "Допустим, я соглашусь с тем, что говоришь ты об Аврааме и с тем, что Авраам был обязан своим вступлением в особые отношения с Богом исключительно своей абсолютной вере; но тебе всё же придётся согласиться, что он был обрезан". У Павла опять есть неопровержимый ответ. Зов Авраама и благословение его Господом стоит в *Быт.* 15,6, а обрезание Авраама - в *Быт.* 17,10 и далее. Следовательно, он не был обрезан в течение четырнадцати лет, после того, как он ответил на зов Господа и вступил в уникальные отношения с Ним. Обрезание не отворило ему двери к правильным отношениям с Богом; оно явилось лишь знаком и печатью, утверждавшими, что он действительно вступил в эти отношения. Факт вменения Аврааму в праведность ничем не связан с обрезанием, но всецело связан с актом его веры. Из этого неопровержимого факта Павел делает два вывода чрезвычайной важности.

1) Авраам является не отцом тех, кто был обрезан, но тех, кто совершил тот же акт веры в Бога, который совершил он. Он отец каждого человека любой эпохи, бесприкословно верящего Богу на слово, как это сделал Авраам. Это значит, что истинным иудеем является человек, который верит Богу также, как Авраам, независимо от того, к какой расе он принадлежит. Все великие обещания Бог дал не иудейскому народу, но человеку, являющемуся потомком Авраама, потому что он верит в Бога так, как верил Авраам. Иудей больше не является словом, определяющим национальную принадлежность, но определяющим особый образ жизни и отношение к Богу. Потомки Авраама не являются более членами особого народа, но они в каждом народе - те, кто принадлежит к семье Божьей.

2) Обратное утверждение также верно. Человек может быть по происхождению чистым иудеем и обрезанным; но всё-таки, в истинном смысле слова он может не являться потомком Авраама. Он не имеет права называть Авраама своим отцом, либо претендовать на обещания Господа, если он не совершит того же акта веры, который совершил Авраам.

В одном коротком отрывке Павел полностью расшатал иудейский образ мышления. Иудей всегда верил, что от того, что он иудей он автоматически будет пользоваться привилегиями, предоставляемыми благословением Божьим, и освобождением от Его наказания. Доказательством его принадлежности к иудеям было его обрезание. Некоторые раввины принимали это настолько буквально, что они утверждали, что, - если иудей будет настолько скверным, что он должен быть осужден Богом, - то особенный ангел приводит его вновь необрезанным пред тем, как он подвергнется наказанию.

Павел изложил здесь великий принцип, заключающийся в том, что путь к Богу лежит не

через принадлежность к определенной нации, не через ритуал, накладывающий определенный знак на тело человека, но через беспрекословную веру в Бога, которая не зависит более от деяний человека, а единственно от милосердия Божия.

13-17

Все - милосердие Божие (Рим. 4,13-17)

Бог дал Аврааму великое и чудесное обещание. Он обещал, что произведет от него великий народ, и что в нем будут благословенны все племена, живущие на земле (*Быт. 12,2.3*). Поистине, земля дана будет ему в наследие. Это обещание было дано Аврааму по вере его. Оно было дано ему не за накопленные заслуги или выполнение установлений закона. Оно исходило из великодушного милосердия Божия в ответ на абсолютную веру Авраама. Обещание это, как Павел определил его, зависело от двух и лишь от двух положений: от добровольного и безусловного милосердия Божия и от совершенной веры Авраама.

Иудеи все еще спрашивали: "Как же может человек вступить в правильные отношения с Богом, чтобы он тоже унаследовал это великое обещание?" Они отвечали на этот вопрос так: "Он должен делать это, добиваясь заслуг в глазах Бога, выполняя установления закона". Другими словами, он должен этого добиваться своими собственными усилиями. Павел совершенно ясно видел, что такое иудейское толкование *совершенно уничтожает истинный смысл обещания*, и вот почему: никто не может полностью соблюдать закон; следовательно, обещание, стоящее в прямой зависимости от выполнения такого закона, никогда не может быть выполнено.

Павел видел все контрастно - либо в белом, либо в черном свете. Он видел два взаимоисключающих пути к достижению истинных отношений с Богом. С одной стороны достижение зависит от усилий человека, а с другой - от Божественного милосердия. С одной стороны - постоянные безуспешные попытки добиться соблюдения невыполнимого закона, а с другой стороны - вера, беспрекословно доверяющая богу на слово.

И с той и с другой стороны имелись три концепции:

1) С одной стороны - *обещание* Бога. В греческом языке есть два слова, выражающие *обещание*. Одно из них - *гипосхезис* - обозначает обусловленное обещание. Я обещаю сделать это, если ты обещаешь сделать то.

Другое - *эпаγγελия* - означает обещание, данное от доброго сердца совсем без условий. Для обозначения обещания, данного Богом, Павел употребляет именно это слово - *эпаγγελия*. Павел как бы говорит: "Бог - как отец человеческий; Он обещает любить своих детей независимо от того, что они делают". Воистину, Он будет любить некоторых из нас любовью, которая радует Его, а других из нас Он будет любить любовью, печальщей Его; но в обоих случаях это любовь, которая никогда не оставит нас. Она не зависит от наших заслуг, но единственно от великодушного сердца Бога.

2) *Вера* - это уверенность в том, что Бог действительно таков. Это значит - поставить всё на Его любовь.

3) *Милосердие*. Великодушный подарок - всегда нечто незаслуженное и неоплаченное. Дело в том, что человек никогда не может заслужить своими трудами любви Божьей. Человек всегда может найти свою славу не в том, что он может сделать для Бога, но что Бог сделал для него.

1) С другой стороны есть *закон*. Проблема с законом и состоит в том, что он может установить нарушение его, но он не может обеспечить исправление. Закон показывает человеку, где он поступает неверно, но не помогает ему избежать этого нарушения. Действительно, как позже будет подчёркивать Павел, в законе заключается какое-то ужасное противоречие. Человеческой природе свойственно, что запрещённое всегда становится очень желательным. "Запретный плод - всегда слаще". Закон, следовательно, может толкнуть

человека возжелать то, что запрещено законом. Существенным дополнением к закону является суд и наказание, и, пока, человек живёт с религией, доминирующей идеей которой является закон, он не может рассматривать себя иначе как осуждённого преступника на скамье подсудимых у Господа Бога.

2) Есть *нарушение закона*. Как только вводится закон, следует его нарушение. Никто не может нарушить закона, которого не существует; и никто не может быть осуждён за нарушение закона, о существовании которого он не знал. Если мы введём закон и на этом остановимся, если мы сделаем религию единственно вопросом исполнения закона - то жизнь будет состоять из одного длинного ряда проступков, ожидающих своего наказания.

3) Есть *гнев*. Подумай о *законе*, подумай о *преступлении закона*, и, следующая мысль будет о *гневе*. Если подумать о Боге в категориях закона, то о нём нельзя думать иначе как в категориях жестоко карающего правосудия. Если подумать о человеке в категориях закона, то нельзя не думать о нём иначе, как о том, кого ждёт осуждение и кара Божия.

Таким образом, Павел показывает римлянам два пути. На одном пути человек ищет истинных отношений с Богом своими усилиями. Он обречён на неудачу. На другом пути человек вступает в истинные отношения с Богом по вере; этот путь уже существует благодаря милосердию Божью, и человеку остаётся лишь довериться Ему.

18-25

Вера в Бога, делающего невозможное возможным (Рим. 4,18-25)

Предыдущий отрывок заканчивался тем, что Авраам поверил Богу, "животворящим мёртвых и называющим несуществующее, как существующее". В этом отрывке мысли Павла обращаются к другому примеру готовности Авраама безоговорочно поверить Богу на слово. Обетование, что все племена, живущие на земле, будут благословенны в его потомках, было дано Аврааму, когда он был старым человеком. Его жена, Сарра, была всегда бездетной; и вот теперь, когда ему было сто лет, а ей было девяносто (*Быт. 17,17*), ему было дано обетование, что у них родится сын. На первый взгляд, казалось выше всякой веры, за пределами всякой надежды, что это может сбыться, ибо он давно перевалил тот возраст, когда он мог иметь детей, а она давно миновала тот возраст, когда она могла родить сына. И всё же Авраам опять поверил Богу на слово, и, опять же эта вера была вменена Аврааму в праведность.

Эта готовность безраздельно поверить Богу, поставила Авраама в истинные отношения с Богом. И вот, у Иудейских раввинов имелась поговорка, на которую сейчас ссылается Павел. Они говорили: "Что написано об Аврааме, написано также о его детях". Они имели в виду, что любое обещание, данное Богом Аврааму, распространяется также и на его детей. Следовательно, если готовность Авраама безоговорочно поверить Богу привела его к истинным отношениям с Богом, то так же будет и с нами. Вовсе не соблюдение установлений закона привело к установлению этих отношений между Богом и людьми, но доверительная вера.

Сущность веры Авраама в этом случае заключалась в том, что он поверил, что Бог может сделать невозможное возможным. Пока мы верим, что всё зависит от наших собственных усилий, мы вынуждены быть пессимистами, ибо опыт дал нам печальный урок, что своими усилиями мы не сможем добиться многого. Если мы осознаём, что решающее значение имеют не наши усилия, но милосердие Божие и Его могущество, мы становимся оптимистами, ибо мы обязаны верить, что нет невозможного, когда с нами Бог.

Говорят, что однажды св. Тереза собралась построить монастырь, имея в наличии лишь двугривенный. Кто-то сказал ей: "Даже святая Тереза не может свершить много с двугривенным". "Истинно", ответила она, "но святая Тереза с двугривенным и Бог могут сделать всё, что угодно". После долгих колебаний человек может сам взяться за большую задачу; но ему не нужно колебаться, если с ним Бог. Анна Хантер Смолл, великий учитель-

миссионер, рассказывает, как её отец, сам тоже миссионер, говаривал: "О! злобность и глупость прорицателей, капитулянтов!" и сама она любила поговорку: "Церковь живая смеет делать всё!" Такую смелость обретает только человек и церковь, которые безраздельно верят Богу на слово.

Глава 5

1-5

Доступ к Богу (Рим. 5,1-5)

Перед нами один из величайших лирических отрывков Павла, в котором он почти поёт задушевную радость своего доверия к Богу. Доверительная вера сделала то, что усилия соблности установления закона никогда не могли сделать: она дала человеку мир с Богом. До прихода Христа никто не мог быть действительно близок к Богу.

Другие, однако, видели Его не как высшее благо, но как высшее зло. Суинберн писал:

И не Его ли сокрытое лицо и железные ступни

Ведал человек и почувствовал, как они по-своему

Угрожали и давили всё изо дня в день?

А разве не Он ниспослал нам голод? Кто проклял

Душу и плоть нашу страстями? Кто наполнил жаждой

Губы тех, кто взывал к Нему?

Были и такие, которые смотрели на Бога и видели в нём совершенно чужого, абсолютно недоступного. В одной из книг Герберта Уэллса есть история делового человека, ум которого был настолько напряжён и возбуждён, что он находился в серьёзной опасности: ему грозило полное нервное и умственное расстройство. Его доктор сказал ему, что его может спасти лишь одно: он должен обрести мир, который может дать человеку чувство близости и дружбы с Богом. "Как", вскричал он, "подумать только, чтобы он там наверху, имел со мной близость и дружбу! таким же успехом могу я подумать освежить своё горло Млечным путём или пожать руку звёздам". Для него Бог был совершенно непостижим. Путешественница Розита Форос рассказывает, что однажды ночью она могла найти кров и убежище лишь в церкви, так как во всей китайской деревне она не могла получить ночлега. Ночью, когда она проснулась, лунный свет падал через окно на лица изображений богов; на их лицах были лишь гримасы и насмешки, как у тех, кто ненавидит людей.

Лишь тогда, когда мы осознаём, что Бог есть Отец Господа нашего Иисуса Христа, может реализоваться для нас та внутренняя духовная близость с Ним, то новое отношение с Ним, которое Павел называет оправданием.

Через Иисуса, говорит Павел, получили мы доступ к той благодати, в которой стоим. Для выражения "доступ" Павел употребляет греческое слово *просагоге*. Это слово употребляется для передачи двух значений:

1) Оно употребляется для представления кого-либо высочайшим королевским особам, при приближении молящегося к Богу. Павел как бы говорит: "Иисус вводит нас в присутствие самого Бога. Он отворяет нам дверь в присутствие Царя Царей; когда же эта дверь открыта, нас встречает милосердие, а не осуждение, не суд, не возмездие, а абсолютная, незаслуженная, невероятная доброта Божия.

2) Но *просагоге* обозначает и другое понятие. В поздне-греческом языке это слово означало пристанище для судов, гавань. В этом значении его следует толковать так, что пока мы полагались лишь на свои усилия, буря носила нас по волнам, как моряков, борющихся с

морем, которое угрожало погубить их целиком. Но, после того, как мы услышали слово Христово, мы достигли, наконец, гавань благодати Божией, и мы узнали спокойствие, зависящее не от наших усилий, но от того, что Бог сделал для нас.

Через Иисуса получили мы доступ в присутствие Царя Царей, доступ в гавань благодати Божией.

Но как только Павел сказал это, его поражает другой аспект этого вопроса. Всё это истина, слава; но остаётся фактом, что в этой жизни христиане встречаются с трудностями. Трудно быть христианином в Риме. Помня об этом, Павел достигает кульминационного пункта. "От скорби происходит терпение". Слово, переведённое как *скорбь* в греческом *тлипис*, в буквальном смысле значит *гнёт, давление*. Различные формы давления и гнёта могут встретить христиан: нужда, стеснённые обстоятельства, скорбь, гонение, непопулярность, одиночество. Такой гнёт или притеснения могут развивать у христиан терпение, силу духа. Для выражения понятия *терпение* Павел употребляет греческое слово *гупомоне*, что значит больше, чем выносливость. Оно означает дух, способный победить мир; который не пассивно выносит, а активно преодолевает испытания и тревожения жизни.

Когда Бетховену угрожала глухота - самая ужасная беда для музыканта, он сказал: "Я возьму жизнь за горло". Это и есть *гупомоне*. Когда Вальтер Скотт оказался разорённым вследствие банкротства своих издателей, он сказал: "Обо мне никто не скажет "Бедняга!"; моя правая рука уплатит долг". И это тоже *гупомоне*, то есть сила духа, способная победить мир. *Гупомоне* - это не человек, который ложится и ждёт, пока через него прокатятся бурные волны; это человек, грудью встречающий жизненные перипетии и побеждающий их.

"От терпения", продолжает Павел, "опытность". Для выражения понятия *опытность* Павел употребляет греческое слово *докиме*. Оно определяет металл, закалённый в огне, с тем, чтобы очистить его от всех окисляющих примесей. Этот термин употребляется также для определения монет, в том же смысле, как у нас "высокопробный". Если человек встретил несчастье стойко, сохраняя силу духа, он выходит из борьбы более сильным, более чистым, лучшим, и стоит ближе к Богу.

"От опытности (стойкости)", продолжает Павел, "происходит надежда". Два человека могут попасть в одинаковую ситуацию; одного она вгонит в отчаяние, а другого побудит к победоносным действиям. Для одного человека такая ситуация может означать конец всякой надежды, для другого - она может стать вызовом величию. "Я не люблю кризисов", говорил лорд Рейт, "но я люблю возможности, которые они предоставляют". Различие здесь соответствует отличию людей друг от друга. Если человек стал слабым и бесхарактерным, если он допустил, чтобы обстоятельства победили его, если он позволил себе хныкать и унижаться перед несчастьем, - то в минуту опасности он впадёт в отчаяние. Если же человек встречает жизнь высоко подняв голову, если он всегда встречает трудности лицом к лицу и побеждает их, - то возникшую опасность он встретит, глазами полными надежды. Стойкость, смелость характера, прошедшее испытание, всегда смотрит с надеждой вперёд.

После этого Павел делает очень важное заявление. "Христианская надежда не пристыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши". Омар Хайям писал, размышляя о человеческой надежде:

Мирская надежда, которой страстно желают все люди,

Обращается в пепел, или же процветает, и тотчас,

Подобно снегу на пыльном лице пустыни,

Светит часок-другой - и гаснет.

Если надежда человека в Боге, она не может обратиться в пыль или в пепел. Такая надежда не может обмануть. Если надежда человека в любви Божией, это не может быть иллюзией, ибо Бог любит нас любовью вечной, подкреплённой Его неограниченной властью.

Последнее доказательство любви (Рим. 5,6-11)

Тот факт, что Иисус Христос умер за нас, является последним доказательством любви Божией. Было бы довольно трудно побудить человека умереть за праведника; человека, правда, можно убедить умереть за великий и благородный принцип; истинная любовь тоже может побудить его отдать свою жизнь за своего друга. Но чудо Иисуса Христа состоит в том, что Он умер за нас тогда, когда мы ещё были грешниками и находились во враждебных отношениях к Богу. Это высшее проявление любви - выше уже ничего не может быть.

Рита Сноудон рассказывает случай из жизни Т. Е. Лоуренса, который в 1915 году пересекал с несколькими арабами пустыню. Положение было отчаянным. Еда была на исходе, оставались буквально капли воды. Их головы были покрыты капюшонами для защиты от ветра, полного жалящих песчинок. Вдруг кто-то спросил: "Где Джасмин?" Другой спросил: "Кто такой Джасмин?" - "Желтолицый из Маана. Он убил турецкого сборщика налогов и бежал в пустыню", сказал третий. "Смотрите, верблюд Джасмина без седока", сказал первый, "его винтовка приторочена к седлу, но Джасмина там нет". - По-видимому, его убили по дороге, решили арабы. Они продолжали обсуждать судьбу Джасмина и пришли к выводу, что он был очень слаб, мог заблудиться или просто упасть с верблюда. В конце концов они решили, что Джасмин вообще не стоит ломаного гроша, сели на своих верблюдов и продолжали свой путь. Лоуренс же повернул своего верблюда и поехал назад той дорогой, которой они пришли - один, в этом пекле, рискуя своей жизнью. Через полтора часа пути он увидел что-то на фоне песка. Это был Джасмин, ослепший и потерявший рассудок от жары и жажды. Лоуренс поднял его на своего верблюда, дал ему несколько капель драгоценной воды и возвратился к своему отряду. Когда он подъехал, арабы посмотрели на него в изумлении. "Вот и Джасмин", сказали они, "Джасмин, который гроша ломаного не стоит, и его спас, рискуя собственной жизнью Лоуренс, наш господин". Это притча. Христос умер не за праведников, но чтобы спасти грешников, не друзей Бога, но людей, находившихся во вражде с Ним.

Павел делает ещё один шаг. Через Иисуса Христа изменилось наше положение перед Богом. Хотя мы были грешниками, у нас установились истинные отношения с Богом. *Но этого ещё недостаточно.* Не только наши *отношения* должны измениться, но измениться должно также и наше *состояние*. Спасённый грешник не может продолжать быть грешником; он должен стать *праведником*.

Смерть Христа изменила наше *положение*, Его воскресение изменило наше *состояние*. Он не мёртвый, Он живой; Он всегда с нами, чтобы помочь нам и направлять нас, чтобы преисполнять нас Своей силой, чтобы вывести из искушения, нарядить нас Своим сиянием. Иисус начал с того, что обращает грешников в истинное отношение с Богом, даже если они ещё грешники; Своим милосердием Он придаёт им силы оставить свои грехи и стать добродетельными людьми. Все эти феномены имеют теологические названия. Изменение нашего *положения* - это *оправдание*; здесь и начинается весь процесс спасения. Изменение *состояния* - *освящение*; здесь процесс спасения продолжается и никогда не заканчивается, пока мы не увидим Его лицом к лицу и будем такими, как Он.

Здесь нужно отметить ещё один момент чрезвычайной важности. Павлу совершенно ясно, что весь процесс спасения, пришествие и смерть Христа есть доказательство *Божественной* любви. Иногда весь этот процесс трактуют так, будто с одной стороны был кроткий и любящий Христос, а с другой - разгневанный и мстительный Бог, и будто Христос сделал нечто такое, что изменило отношения Бога к людям. Ничто не может быть дальше от истины. Начало всему есть любовь Божия. Иисус не пришёл, чтобы изменить отношения Бога к людям; Он пришёл, чтобы показать людям, каково это отношение и каким оно всегда было. Он пришёл, чтобы неопровержимо доказать, что Бог есть любовь.

Гибель и спасение (Рим. 5,12-21)

Ни один раздел Нового Завета не оказал столь большого влияния на теологию, как этот; и ни один из его разделов не представляет больших трудностей для современного образа мышления, нежели этот. Его трудно понять, потому что Павел выражается очень сложно и трудно для понимания. Мы можем видеть, что первое предложение не имеет конца; его конец повис в воздухе, в то время как Павел параллельно развивает другую мысль. Более того, он говорит и думает в терминах, хорошо знакомых иудеям, и хорошо для них понятных, но незнакомых нам. Если бы нам нужно было выразить мысль этого раздела в одном предложении, которым, собственно говоря, и является то предложение, с которого Павел начал писать, и которое получило много дополнительных придаточных предложений, то оно выглядело бы так: "Через грех Адама все люди стали грешниками и были отвержены от Бога; через праведность Иисуса Христа все люди стали праведными и восстановлены в истинных отношениях с Богом". Павел, собственно говоря, изложил это намного яснее в Первом послании к Коринфянам 15,21-22: "Ибо как смерть чрез человека, так чрез человека и воскресение мёртвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут".

Весь раздел нужно читать в свете двух великих иудейских идей.

1) Это идея *солидарности*. Иудей действительно никогда не думал о себе как об индивидууме, но всегда чувствовал себя частицей рода, семьи и народа, без которых он не может реально существовать. Доныне говорят, что если спросить австралийского аборигена его имя, он назовёт имя своего рода или племени. Он не думает о себе как о личности, но как о члене общества. Одним из наиболее ясных примеров к этому может служить обычай кровной мести у примитивных народов. Допустим, человек одного племени убил человека из другого племени. На племя убитого ложится долг отомстить второму племени; обида была нанесена роду, и на род падёт месть.

В Ветхом Завете есть один очень яркий пример этого. Это случай с Аханом, рассказанный в *Книге Иисуса Навина, глава 7*. После битвы при Иерихоне Ахан утаил для себя часть добычи вопреки прямому указанию Господа, согласно которому всё должно быть разрушено и уничтожено. Потом перед иудеями стояла задача взять город Гай, победа над которым не должна была быть сложной; однако предпринятый поход окончился полным поражением для иудеев. Почему? Потому что Ахан согрешил, и, следовательно, весь народ был заклеимён как грешник и понёс наказание Божие. Грех Ахана - не грех одного человека, но грех всего народа. Народ - в представлении древних иудеев, не скопище индивидуумов; он - монолит. Деяние индивидуума было деянием народа. Когда же Ахан сознался, был казнён не он один, но вся его семья. Ахан, опять-таки, не был отдельным членом, индивидуумом, отвечающим за самого себя; он был одним из однородной массы людей, из которой он не мог быть выделен.

Вот так Павел рассматривает и Адама. Адам не был индивидуумом. Он был одним из всего человечества, и, потому что он был одним из всего человечества, его грех был грехом всех людей.

Павел говорит, что в Адаме согрешили все люди. Если мы когда-нибудь сможем понять мысль Павла в этом месте, мы должны быть совершенно уверены, что он имеет в виду, и мы в равной степени должны отдавать себе отчёт в том, что Павел действительно так думал. Через всю историю христианской мысли красной нитью проходят попытки различных способов толкования этой концепции о связи между грехом Адама и всего человечества.

а) Полагали, что значение этого отрывка состоит в том, что "каждый человек сам по себе Адам". В реальном плане это значит, что, так же как согрешил Адам, так согрешили все люди, но не существует реальной связи между грехом Адама и грехами всего человечества, кроме той, что можно сказать, что грех Адама является типичным грехом всего человечества.

б) Существует так называемое правовое, юридическое толкование. Согласно этому толкованию Адам является *представителем* всего человечества, и вся человеческая раса участвует в деяниях её представителя. Однако, представитель этот должен быть *избран* народом, который он представляет, но об Адаме мы ни в каком смысле не могли сказать этого.

в) Существует толкование, согласно которому мы наследуем от Адама *стремление* ко греху. Это вполне правдоподобно, но Павел не это имеет в виду. Это вовсе не подошло бы ему для доказательства.

г) Этому разделу следует дать так называемое реалистическое толкование, а именно, что, вследствие солидарности всей человеческой расы, все человечество действительно согрешило в Адаме. Эта идея не представляла чего-то странного и необычного для иудея; в этом была подлинная вера иудейских мыслителей. Автор второй *Книги Ездры* хорошо понимал это: "Одно зерно зла было посеяно в сердце Адама в самом начале, и сколько злобности народило оно в наше время; и сколько оно ещё породит, пока оно попадёт на гумно". (4,30). "Первым Адам с злым сердцем преступил и был преодолён; и не только он, но также и все те, кто был рождён от него". (3,21).

2) Вторая главная мысль внутренне связана с этой в качестве аргумента Павла. *Смерть есть прямое следствие греха*. Иудеи верили, что если бы Адам не согрешил, человек был бы бессмертным. Экклезиаст писал: "С женщины начался грех, и из-за неё все умирают". В Книге Мудрости записано: "Бог создал человека для бессмертия и сделал его по своему образу; но через зависть дьявола смерть вошла в мир". В иудейском мирозерцании грех и смерть неразрывно связаны между собой. Именно это и хочет передать Павел в *Рим.* 5,12-14. Мы можем проследить ход его мысли через ряд идей.

а) Адам согрешил, потому что он нарушил один из прямых заветов Бога: не есть плода запретного дерева - и, вследствие того, что он согрешил, он умер, хотя по первоначальному замыслу он должен был быть бессмертным.

б) Закон был дан людям только во времена Моисея. Опять же, если нет закона, то не может быть и его нарушения; другими словами, не могло быть греха. Поэтому люди, жившие от Адама до Моисея, совершали, собственно, грехи, но не могли считаться грешниками, так как закона ещё не было.

в) Несмотря на то, что грех не мог быть им вменён, они всё же умирали. Они находились во власти смерти, хотя их нельзя было обвинить в нарушении закона.

г) Почему же они умирали? Потому что они согрешили в Адаме. Их сопричастность к его греху причинила их смерть, хотя не было закона, которого они могли нарушить. Именно это и использует Павел для доказательства того, что все люди согрешили в Адаме.

Мы дошли, таким образом, до сути одного аспекта мысли Павла. Согласно этой идее абсолютной солидарности человечества, все люди в буквальном смысле слова согрешили в Адаме, и, потому что смерть является обязательным следствием греха, смерть властвовала над людьми.

Однако, эта же самая концепция, в свете которой положение человека и человечества кажется совершенно безвыходным и безнадёжным, имеет и другую грань, которая освещает человечество ярким светом славы: в эту, казалось, безнадёжную ситуацию явился Иисус. Иисус принёс Богу совершенную добродетель. И точно так же, как все люди были причастны к греху Адама, так же все люди причастны к совершенной добродетели Иисуса; и, точно так же, как грех Адама стал причиной смерти, совершенная добродетель Иисуса побеждает смерть и даёт людям жизнь вечную. Торжествующий довод Павла заключается в том, что таким же образом, как человечество находилось в однородном единстве с Адамом, и было, поэтому, осуждено на смерть, оно находилось и в однородном единстве с Иисусом, и,

поэтому, оправдал их для жизни. Хотя данный с тех пор людям закон сделал грех много ужаснее, милосердие Христа преодолело осуждение, которое закон должен был навлечь на людей.

Это и есть аргумент Павла, и, с точки зрения иудейской теологии, он неопровержим. Однако, он имеет свое затруднение, так и свое великое достоинство.

1) Затруднение в этом аргументе состоит в следующем. Допустим, что мы примем историю Адама в буквальном смысле слова, *что наша связь с Адамом является чисто физической*. В этом вопросе у нас нет никакого выбора, так же как ребёнок не выбирает себе отца. Напротив же, наши *отношения к Христу являются добровольными*. Единение с Христом - нечто такое, что человек может либо принять, либо отклонить. Отношения с Христом в этом смысле отличаются от отношений человека с Адамом. В этом заключается затруднение понять аргументации Павла.

2) Важное достоинство аргументации Павла состоит в следующем. Павел сохраняет истину, согласно которой человечество оказалось в положении, из которого не было выхода; люди находились во власти греха и положение было безнадёжным. И в это положение пришёл Иисус Христос и принёс с собою нечто, что вывело людей из тупика безнадёжности. То, что Он делал, чем Он является, что даёт людям, - всё это даёт человеку возможность выйти из положения, в котором над ним безнадёжно властвовал грех. Мы можем ещё добавить довод Павла о том, что грех человека привёл его к гибели, и что он был спасён Христом.

Глава 6

1-11

Умереть, чтобы жить (Рим. 6,1-11)

Как Павел уже часто делал в этом письме, он продолжает спор с воображаемым оппонентом. Спор разгорелся из последнего предложения предыдущей главы: "Как грех царствовал, так и благодать воцарилась...", и мог протекать приблизительно так:

Оппонент: Ты только что сказал, что благодать Божия достаточно велика, чтобы каждый грех нашёл в ней прощения.

Павел: Именно так.

Оппонент: Ты, собственно говоря, утверждаешь, что благодать Божия самая удивительная вещь в этом мире.

Павел: Верно.

Оппонент: Ну, хорошо, давай будем продолжать грешить. Чем больше мы будем грешить, тем больше будет проявляться благодать. Грех не имеет никакого значения, ибо Бог всё равно простит. Собственно, мы можем пойти еще дальше, и можем сказать, что грех, это великолепная вещь, так как он даёт возможность проявиться благодати Божией. Из твоего довода можно сделать вывод, что грех влечёт за собой благодать; следовательно, грех должен быть хорошим делом, если он влечёт за собой величайшую награду в мире.

Первой реакцией Павла было отказаться от своего аргумента, с чувством полнейшего ужаса. "Ты предлагаешь, чтобы мы продолжали грешить", спрашивает он, "чтобы дать благодати больше возможностей проявиться? Бог запрещает нам следовать по такому неправдоподобному пути!"

Сделав такое отступление, он переходит к другому. "Ты никогда не думал", спрашивает он, "что произошло с тобой, когда ты был крещён?" Если мы попытаемся понять, что же хочет сказать Павел, мы должны помнить, что крещение в то время отличалось от того, каким оно

является нынче.

а) Крестились взрослые. Это не значит, что Новый Завет возражает против крещения детей. Однако крещение детей - это результат христианской семьи, и едва ли можно сказать, что во времена Павла могли существовать христианские семьи. Человек входил в христианскую Церковь как индивид, часто без семьи.

б) В ранней Церкви крещение было тесно связано с вероисповеданием. Человека крестили, когда он приобщался к Церкви, а ведь он приобщался к Церкви непосредственно от язычества. В крещении человек принимал решение, являвшееся водоразделом в его жизни, решение, которое означало, что он с корнем порывает с прошлым, решение, настолько определённое и однозначное, что это часто означало не меньше как начинать жизнь заново.

в) Обычно крещение производилось путём полного погружения в воду, и такой обычай придавал крещению такое символическое значение, которое не всегда придаёт кропление. Полное погружение человека в воду с головой символизировало погребение. Выход человека из воды символизировал, встать из гроба, воскреснуть из мёртвых. Крещение символизировало смерть и последующее воскресение. Человек умирал для одной жизни и возрождался для другой; он умирал для старой греховной жизни и возрождался для новой жизни благодати.

Для того чтобы понять это, следует также помнить, что Павел пользовался языком и иллюстрациями, понятными почти каждому его современнику. Всё это может показаться нам странным, но это вовсе не было странным для его современников.

Иудеям это было понятно. Когда язычник принимал иудейскую религию, это таинство состояло из трех процедур: жертвы, обрезания и крещения. Язычник принимал иудаизм через крещение. Ритуал был таков: принимавший крещение, обрезал волосы, ногти; он полностью обнажался. Купель должна вмещать 500 литров воды; каждая часть его тела должна была быть покрыта водой. Находясь в воде, он исповедовал свою веру перед тремя крестными отцами, а к нему обращались с определёнными увещаниями и благословениями. Считалось, что в результате этого ритуала наступало полное духовное возрождение; его называли маленьким новорождённым однодневным ребёнком. Все грехи прощены ему, потому что Бог не может наказать его за грехи, совершённые до рождения. Некоторые раввины считали перемену ребёнка столь полной, что ребёнок, родившийся у новообращённого считали первым, даже если у него были более старшие дети. Теоретически считалось, хотя никогда не проводилось в жизнь, что человек становится настолько новым, что он может жениться на своей сестре или даже на матери. Он не только был новообращённым человеком, но и иным человеком. Каждый иудей совершенно правильно понимал слова Павла о том, что крещёный человек является вполне новым.

Греки тоже понимали Павла. В это время единственной реальной греческой религией считались религиозные мистерии. Это были удивительные обряды. Они обещали человеку освобождение от забот, печалей и страхов этого мира; и это освобождение было в единении с неким богом. Все мистерии были драматическими представлениями, в основе которых лежали страсти какого-то бога, который страдал, умер и воскрес. История эта разыгрывалась как драматическое представление. Прежде чем человеку позволить посмотреть эту драму, его посвящали. Он проходил длинное обучение, где ему объясняли внутреннее содержание мистерии. Он проходил курс аскетической дисциплины. Его тщательно подготавливали. Драма разыгрывалась с использованием различных музыкальных и световых эффектов, таинств и воскурения фимиама. После окончания мистического действия, человек подвергался процедуре душевного переживания отождествления с богом. Прежде, чем подвергнуть человека этой процедуре, его посвящали. Это посвящение всегда рассматривалось как смерть, за которой следовало новое рождение, в ходе которого человек возрождался для вечной жизни. Один из подвергавшихся такой процедуре посвящения, рассказывает, что он был "подвергнут добровольной смерти". Мы знаем, что в одном из этих мистических действий

посвящавшийся назывался *моритурус*, то есть тот, кто должен умереть, и что его закапывали по голову в землю. После посвящения к нему обращались как к малому ребёнку, и кормили молоком, как новорождённого. В другом мистическом действе посвящавшийся молился: "Войди в мой дух, в мои мысли, во всю мою жизнь; ибо ты есть я и я есть ты". Для грека, прошедшего такую процедуру, не представляло никакой трудности понять, что значило у Павла умирание и воскресение - вновь в крещении, и, в результате этого, единение со Христом.

Мы ни единым словом не утверждаем, будто Павел заимствовал либо свои идеи, либо свои слова из иудейской или языческой практики; но мы говорим лишь, что он употребляет слова и иллюстрации, знакомые и понятные как иудеям, так и язычникам. В этом отрывке изложены три непреходящие истины.

1) Ужасное дело злоупотреблять милосердием Божиим и извинять этим своё греховное поведение. Подумаем об этом в человеческих категориях. Насколько презренным был бы сын, если бы он считал, что может свободно грешить, потому что он знает, что отец простит его. Это значило бы злоупотреблять любовью, с тем, чтобы разбить сердце любящего.

2) Человек, становящийся на путь христианства, принимает на себя обязательство вести иной образ жизни. Он умер для одного образа и рождён для другого. Нынче мы могли бы подчеркнуть тот факт, что принятие христианского образа жизни не обязательно должно вызывать такие существенные изменения в жизни человека. Павел же сказал бы, что оно должно существенно изменить его жизнь.

3) Но когда человек принимает Христа в свою жизнь, происходит нечто большее, нежели простая этическая перемена. В нём происходит действительное отождествление с Христом. Простая истина, в сущности, заключается в том, что этические изменения жизни человека невозможны без этого единства. Человек находится *во Христе*. Великий учёный предложил такую аналогию для этой фразы. Мы не можем жить нашей физической жизнью, если мы не находимся в воздухе, если воздух не находится внутри нас; если мы не во Христе, а Христос не в нас, мы не можем жить с Богом.

12-14

Вера и повседневная жизнь (Рим. 6,12-14)

Нет у Павла более типичного перехода, чем от предыдущего отрывка к этому. Предыдущий отрывок - произведение писателя-мистика. В нём говорилось о мистическом единении христианина со Христом, совершающееся при крещении. В нём Павел говорил о том, как должен жить христианин, чтобы он был настолько близок ко Христу, что можно было сказать, что вся его жизнь протекала в Нём. И вот, от мистических душевных переживаний Павел переходит к практическим вопросам.

Христианство - это не душевное переживание: это образ жизни. Быть христианином вовсе не значит всецело погрузиться в душевные переживания, какими бы прекрасными они ни были; это значит для него - жить в миру и вести определённый образ жизни, не прячась от нападок и не избегая проблем этого мира. В религиозной жизни считается обычным и нормальным сидеть в церкви и сопричастно чувствовать эмоциональные волны, проходящие над нами. Когда мы сидим одни, нас часто охватывает ощущение близости со Христом. Но это, так сказать, половинчатое христианство; ибо ощущение близости со Христом должно переходить в действие. Христианство никогда не может оставаться лишь внутренним душевным переживанием; оно должно проявляться на глазах всех людей.

Когда человек идёт в мир, он встречается с ужасной ситуацией. В понимании Павла, как Бог, так и грех ищут среди людей орудия для осуществления своих намерений. Бог не может действовать без людей. Если Бог хочет сказать слово, Ему нужен человек, который бы сказал это слово. Если Он хочет ободрить человека и побудить его к действию, Ему нужен другой

человек, который подвигнет его на это. Также обстоит дело и с грехом. Человека нужно сперва побудить ко греху. Грех тоже ищет людей, совращающих своими словами или поведением других людей к греху. Павел как бы говорит: "В этом мире идёт вечная борьба между грехом и Богом; выбирай, на чьей ты стороне". Мы стоим перед колоссальной альтернативой: стать орудием в руках Бога или в руках греха.

Человек может сказать на это: "Такой выбор не по моим силам. Я обязательно сделаю неверный выбор". Павел отвечает на это: "Не смущайся и не отчаивайся, грех не будет властвовать над тобой". Почему? Потому что мы теперь уже не под законом, но под благодатью. Почему это так? Потому что мы более не пытаемся выполнять требования закона, но пытаемся стать достойными даров любви. Мы более не смотрим на Бога как на сурового судью; мы смотрим на Него как на друга человеческих дум. Ничто в мире не вдохновляет так, как любовь. Кто, уходя от своего любимого, не желал бы стать лучшим? Жизнь христианина не является более бременем: это привилегия быть достойным её. Данией выразил это так: "Не ограничение, а вдохновение освобождает от греха; святым делает не Синай, а Голгофа". Многие спаслись не соблюдением закона, а моральной неспособностью причинить боль, горе или разочарование любимому или любящему человеку. Закон под угрозой страха может лишь наложить на человека ограничения; любовь же спасает человека от греха тем, что вдохновляет его стать лучше, чем прежде. Сознание христианина определяется не страхом, что Бог может сделать с ним, но сознанием того, что Бог сделал для него.

15-23

Исключительное владение (Рим. 6,15-23)

У людей определённого образа мышления такая теория свободной благодати всегда может вызвать искушение сказать: "Если прощение столь просто и столь неизбежно, как это тут утверждается, если единственное желание Бога заключается в том, чтобы простить людей и если Его милосердие настолько велико, чтобы покрыть любое пятно и всякий позор - то стоит ли вообще заботиться о грехе? Почему не поступать так, как нам хочется? В конечном счете, всё будет одинаково".

Павел оправдывает этот аргумент, воспроизводя картину. Он говорит: "Когда-то предавали вы себя и члены ваши в рабы нечистоте; когда вы были рабами греха, тогда были свободными от праведности. Но ныне вы отдались Богу и представили ваши члены в рабы праведности; и вы свободны от греха".

Чтобы понять это, необходимо знать положение раба. Слуга в нашем понимании - это человек, отдающий определённую согласованную часть своего времени своему хозяину, и получающий за это определённую зарплату. В течение этого времени он находится в распоряжении и к услугам своего хозяина и выполняет его распоряжения. Но по истечении этого времени он свободен делать всё, что захочет. В течение определённого времени он принадлежит своему хозяину, а в своё свободное время он принадлежит самому себе. Во времена Павла, однако, положение раба было совсем другим. В буквальном смысле этого слова, раб не имел личного времени; оно всецело принадлежало своему господину. Он являлся абсолютной собственностью своего господина. Именно эту картину видит Павел в своём воображении. Он говорит: "Когда вы были рабами греха, вы находились исключительно во власти греха. В то время вы не могли говорить ни о чём, кроме греха. Но вы выбрали своим господином Бога, и вы находитесь исключительно в Его власти. Теперь вы уже и говорить не можете о греховных делах; вы должны говорить лишь о святости".

Павел, якобы, извиняется за нарисованную им картину. Он говорит: "Я только провожу человеческую аналогию, чтобы ваш человеческий разум мог понять её смысл". Он просил прощения, потому что он не хотел бы сравнивать жизнь во Христе с какой бы то ни было формой рабства. Но эта картина ясно показывает, что у христианина не может быть иного

господина, кроме Бога. Христианин не может отдать часть своей жизни Богу, а другую часть - миру. Богу надо отдавать либо всё, либо ничего. Человек, сохраняющий какую-то часть своей жизни для чего-то иного, не отдавая её Богу, не является истинным христианином. Христианин, всецело подчиняет свою жизнь Христу. Человек, сделавший это, не может и подумать, что можно продолжать грешить оправдывая грех благодатью Божией.

Но Павел хочет нечто большее: "Вы от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя". Другими словами, он говорит: "Вы знали, что вы делали, и вы делали это по собственному желанию". Это интересно. Надо помнить, что этот отрывок возник в результате дискуссии при обсуждении о крещении. Следовательно, крещение есть крещение по наказу. Как мы уже видели, в ранней церкви крещение происходило в зрелом возрасте и являлось исповеданием веры. Это, следовательно, значит, что никого не принимали в христианскую церковь по чисто эмоциональному порыву. Ему давали наставления: он должен был знать, что он делает; его знакомили с учением Христа. Тогда, и только тогда, мог он принять решение войти в Церковь Христову. Человека, желающего стать членом монашеского ордера Бенедиктинцев, принимают с годичным испытательным сроком. В течение этого срока в его келье висит его мирская одежда. Он может в любое время снять своё монашеское платье, одеть свою мирскую и уйти, и никто не подумает о нём плохо. Лишь по окончании этого года его одежду уносят. Он вступает в ордер с открытыми глазами, хорошо понимая окружающее и тщательно взвесив своё решение.

Также обстоит дело и с христианством. Иисусу не нужны последователи, ещё не принявшие окончательного решения. Ему не нужно, чтобы человек выражал нестойкую верность, вызванную эмоциональным порывом. Церковь обязана представлять веру и показать не только все сокровища, которые она предлагает человеку, но и все связанные с ней требования всем желающим стать её членами.

Павел изображает различие между прежней жизнью. Жизнь прежняя характеризовалась *нечистой и беззаконием*; мир языческий, как мир нечистый, не знал понятия непорочности. Иустин Мученик рассказывает о страшных обычаях в Риме - оставлять ночью на форуме нежеланных детей, особенно девочек, которых в буквальном смысле слова выбрасывали на улицу. Некоторых из них подбирали бессердечные люди, содержавшие публичные дома. Поэтому Иустин Мученик говорит язычникам, что, вследствие их аморальности, с ними вполне может случиться, что они пойдут в публичный дом и могут, в совершенном неведении, прелюбодействовать с собственным ребёнком.

Языческий мир был беззаконным в том смысле, что единственным законом для людей были собственные похоти; и это беззаконие приводило к новым беззакониям. В этом и суть закона греха. Грех порождает грех. Когда мы в первый раз совершаем зло, мы, может быть, делаем это нерешительно, с дрожью и содроганием. Во второй раз это уже проще; а продолжая это, мы, в конце концов, делаем это без всяких усилий; грех теряет своё свойство страха. Когда мы впервые пытаемся потакать нашим слабостям; мы, может быть, будем довольствоваться малым; но со временем, чтобы получить то же самое удовольствие, нам нужно будет больше и больше. Грех ведёт к греху; беззаконие влечёт за собой беззаконие. Вступить на путь греха - значит пойти всё дальше и дальше по пути греха.

Жизнь новая совсем иная; это жизнь праведности. Греки определяли праведность как *давать человеку и Богу должное*. Христианин никогда не должен ослушаться Бога и не использовать другого человека для удовлетворения своих желаний. Христианская жизнь даёт истинное место Богу и уважает права человеческой личности. Такая жизнь ведёт к *очищению* от порока: по гречески *гагiasmос*. Все греческие существительные, оканчивающиеся на *-асмос*, обозначают ещё не завершённый процесс. *Гагiasmос* - очищение от грехов - путь к святости. Человек, отдающий свою жизнь Христу, не сразу становится совершенным человеком: борьба ещё ни в коем случае не окончена. Но христианство всегда считало более важным направление, по которому идёт человек, нежели стадию, которую он достиг. Как

только человек отдаётся Христу, начинается процесс посвящения человека, и он идёт по пути к святости.

Ежедневно оставляя

Что-то из помех,

К Богу ускоряя бег,

Станешь чище и добрей.

Роберт Луи Стивенсон сказал: "Путешествовать, имея надежду, - лучше прибытия к месту назначения". Отправиться в путь к великой цели - достойное дело, даже если никогда не придётся пройти весь путь до неё.

Павел заканчивает этот отрывок важным высказыванием, с двойной метафорой. "Ибо возмездие за грех - смерть, а дар Божий - жизнь вечная во Христе Иисусе". Он употребляет здесь два термина из воинского словаря. Уплата (в русском переводе возмездие) выражена греческим словом *опсония*. *Опсония* - жалование воина, что он зарабатывает в поте чела своего, рискуя жизнью своей; то есть то, что ему полагалось и не могло быть отнято у него. *Дар* (Божий) - выражен Павлом греческим словом *кариема* или, в латыни, *донативум*, - является вовсе не заработанным подарком, который получала иногда армия. По особым случаям, например, в день своего дня рождения, вступление на престол, или в годовщину вступления на престол, император выдавал армии добровольные и щедрые денежные подарки. Они не были заработаны, а были даром, от доброты и милости императора. Таким образом, Павел говорит следующее: "Если бы мы получали расплату по нашим заслугам, то это была бы смерть, но из своей благодати Бог даёт нам жизнь".

Глава 7

1-6

Новая верность (Рим. 7,1-6)

Павел редко писал так трудно и сложно, как в этом отрывке. Чарльз Додд, английский богослов, говорит, что для его исследования нам нужно забыть, что Павел говорит, и попытаться выяснить, что он подразумевал под этим.

Основная мысль этого отрывка сводится к правовому принципу, согласно которому со смертью прекращается действие всех договоров. "Павел начинает с иллюстрации к этой истине и хочет далее использовать её символ того, что происходит с христианином. До тех пор, пока жив муж женщины, она не может выйти замуж за другого без нарушения супружеской верности. Но если её муж умер, то договор, так сказать, аннулируется, и она свободна выйти замуж за кого она хочет. В связи с этим Павел мог сказать, что мы венчаны с грехом; но сей грех убил Христос; и, поэтому, мы теперь свободны и можем венчаться с Богом. Он, несомненно, хотел сказать именно это. Но в эту иллюстрацию привходит закон. И всё же Павел мог бы изложить это очень просто. Он мог сказать, что мы были обвенчаны с законом; что усилиями Христа закон был уничтожен; и теперь мы свободны венчаться с Богом. Но совершенно неожиданно он излагает это иначе, и, во внезапно нарисованной им картине, мы умираем для закона.

Но как же это может произойти? Через крещение мы причащаемся к смерти Христа. Это означает, что, умерши, мы освобождаемся от всех обязательств по отношению к закону и свободны для нового венчания. На этот раз мы венчаемся не с законом, но со Христом. Тогда христианское послушание приобретает характер, не наложенного извне повиновения писаному кодексу закона, но внутренней верности духу Иисуса Христа.

Павел противопоставляет эти два состояния человека - без Христа и со Христом. Пока мы не знали Христа, мы пытались регулировать жизнь через повиновение писаному кодексу

закона. Это было, когда мы жили *по плоти*. Под *плотью* Павел подразумевает не просто тело, потому что человек остаётся физическим телом до конца дней своих. В человеке есть нечто, что отзывается на соблазны греха, и именно эта часть человека является слабым местом, через которое проходит грех, и его Павел называет *плотью*.

Плоть - это человеческая природа, не имеющая никакой непосредственной связи с Богом, не получающей никакой помощи от Него. Павел говорит, что, когда человеческая природа была лишена Божией помощи, закон, в сущности, подвигал наши страсти на грех. Что он подразумевает под этим? Неоднократно возникает у него мысль, что закон действительно влечёт к греху, потому что самый факт запретности вещи придаёт ей определённую привлекательность. Когда у нас был только закон, мы были отданы на милость греху.

Далее Павел обращается к состоянию человека, когда он со Христом. Когда человек направляет свою жизнь в единении с Христом, он направляет её не послушанием писаному кодексу закона, который, в действительности, может будить в человеке желание согрешить, а верностью Иисусу ХРИСТУ душою и сердцем. Не закон, а любовь является лейтмотивом его жизни; и вдохновение любви может сделать его способным совершать то, что было бессильно помочь ему сделать закон со всеми его ограничениями.

7-13

Крайняя греховность греха (Рим. 7,7-13)

Здесь начинается один из величайших и один из наиболее трогательных разделов Нового Завета, ибо здесь Павел даёт нам свою собственную духовную автобиографию и раскрывает свое сердце и душу.

Павел разбирает мучительный парадокс закона. Сам по себе он прекрасен и велик. Он *свят*. То есть, он является самым гласом Божиим. Основное значение слова святой *гагиос* - *иное*. Оно определяет нечто, происходящее из *иной* сферы, нежели из этого мира. Закон божествен и в нём сам глас Божий. Он *праведен*. Мы видели, что основная идея греческого слова "праведность" состоит в том, что отдаётся должное и человеку, и Богу. Поэтому закон устанавливает все взаимоотношения, человеческие и божественные. Если бы человек в совершенстве соблюдал закон, он был бы в прекрасных отношениях с Богом и со своими соотечественниками. Закон *добр*. То есть, его предназначение состоит единственно в нашем наивысшем благоденствии. Он предназначен для того, чтобы сделать человека благочестивым.

Всё это правда. И всё же остаётся фактом, что этот закон представляет собой ту лазейку, сквозь которую грех проникает в человека. Как же это происходит? Существуют два основания, позволяющие утверждать, что закон является источником греха.

1) В нём определяется грех. Грех без закона, как говорит Павел, не существует. Пока проступок не определён через закон как грех, человек не может знать, что это грех. Мы можем найти какую-то отдалённую апологию в любой игре, например, в теннисе. Человек может позволить мячу отскочить больше, чем один раз, прежде чем он вернёт его через сетку; но пока не было правил, его нельзя было обвинять в какой-либо ошибке. Однако, потом устанавливаются правила, что мяч должен быть возвращён через сетку после того, как он лишь один раз отскочит, и что, если позволить ему отскочить дважды, это ошибка. Правила определяют, что такое ошибка, и то, что было дозволено раньше, пока они ещё не были установлены, теперь становится ошибкой. Так закон определяет грех. Мы можем провести более удачную аналогию.

Что извинительно ребёнку или нецивилизованному человеку из дикой страны, то непозволительно человеку зрелому из цивилизованной страны. Взрослый цивилизованный человек знает нормы поведения, которых не знает ребёнок или житель нецивилизованной страны; поэтому то, что извинительно для них, является проступком для него.

Закон создаёт грех в том смысле, что он определяет грех. В течение длительного времени, например, можно было ездить на автомобиле по обеим сторонам улицы; потом объявляют её улицей с односторонним движением, после чего регистрируется новое нарушение закона: движение в запрещённую сторону. Новый правовой регламент создаёт новые проступки. Закон, доводящий до сознания людей, что он из себя представляет, приводит к греху.

2) Но закон приводит к греху и в гораздо более серьёзном смысле. Странно, но факт, что жизнь устроена так, что запретная вещь всегда очаровывает. Иудейские раввины и мыслители видели, как это совершилось в Эдеме. Сперва Адам жил в невинности; ему была дана заповедь не трогать запретного дерева, и эта заповедь была дана ему только для его же пользы, но пришёл змей и тонко превратил этот запрет в искушение. Тот факт, что дерево было запретным, делал его желанным; так Адам был соvrащён к греху этим самым запретным плодом, и результатом этого была смерть.

Филон излагает всю историю аллегорически. *Змей* олицетворяет наслаждение, *Ева* - чувства. Наслаждение нередко желает именно запретного и идёт к своей цели через чувства. *Адам* олицетворяет *разум*, по мере того, как запретный плод всё более искушает чувства, разум сбивается с пути истинного, после чего приходит смерть.

В *Исповеди* Августина есть известный отрывок, в котором он рассказывает о прелести запретного:

"Рядом с нашим виноградником стояло грушевое дерево, обвешанное фруктами. Однажды, в бурную ночь, мы, воровские ребята, отправились, для того чтобы украсть и унести нашу добычу. Мы сняли много груш, но не для того, чтобы всласть наесться самим, а для того, чтобы бросить их свиньям, хотя мы всё же съели ровно столько, чтобы насладиться запретными плодами. Это были вкусные груши, но моя душа жаждала не груш, потому что дома у меня было много груш и они были лучше. Я срывал их просто для того, чтобы стать вором. Единственным наслаждением для меня в этом был пир беззакония, и его я вкусил досыта. Что же такое любил я в этой краже? Было ли это наслаждение поступать против закона, чтобы я, как узник под законными установлениями, получил изуродованную подделку свободы, делая запретное, с мрачным подобием важности? Желание украсть было пробуждено единственным запретом воровать".

Стоит только поместить нечто в категорию запрещённых вещей, или сделать какое-либо место недостижимым, как они тут же приобретают особую притягательную силу. Именно в этом смысле закон влечёт за собой грех.

Павел употребляет для определения греха одно очень хорошее и точное слово. "Грех", говорит он, "обольстил меня". В грехе всегда есть нечто обманчивое. Возн говорит, что греховный обман оказывает разлагающее действие в трёх аспектах.

1) Мы обманываемся относительно *удовлетворения*, которое мы можем получить в грехе. Ни один человек никогда не брал запретную вещь, не думая при этом, что она сделает его счастливым; но никто не находил счастья в ней.

2) Мы обманываемся относительно *оправданий*, которые могут говорить в пользу греха. Каждый человек считает, что он может оправдаться в том, что он совершил злое дело; но оправдание любого человека в присутствии Бога звучит тщетной попыткой.

3) Мы обманываемся *относительно возможности избежать последствий этого греха*. Ни один человек не грешит без надежды, что на этом всё и кончится и никакие последствия ему не угрожают. Но, рано или поздно, грехи наши найдут нас.

Выходит, что закон плохая вещь, коль он причиняет грех? Павел убеждён в том, что в этом установившемся порядке заключается мудрость.

Во-первых, он глубоко убеждён в том, что грех должен был быть определён как грех, независимо от последствий. Во-вторых, этот порядок показывает страшную природу греха,

потому что грех взял закон - нечто святое, праведное и доброе - и извратил его сущность, превратив его в нечто, что стало служить целям зла. Вот это и делает грех. Он может взять прелесть любви и превратить её в вожделение и похоть. Он может взять благородное стремление к независимости и превратить его в навязчивую идею добиваться денег и власти. Он может взять прелесть дружбы и превратить её в совращение ко злу. Вот это Карлайль и назвал "бесконечным проклятием греха". Уже одно то, что грех превратил закон в своих целях в плацдарм греха, показывает высшую греховность греха. Весь ужасный процесс не случаен; всё это должно нам убедительно показать, какой страшной вещью является грех, потому что он может осквернить самые прелестные вещи своим грязным прикосновением.

14-25

Положение человека (Рим. 7,14-25)

Павел обнажает свою душу; и он делится с нами своим жизненным опытом, который является таким типичным человеческим положением. Он знал, что есть доброе и хотел делать его, но как-то никогда не получалось. Он знал, что такое зло, и ему хотелось его делать, но как-то выходило, что он именно его и делал. Он чувствовал себя раздвоенной личностью. Всё было так, как будто в одном теле находились два человека, тянувшие его в разные направления. Его преследовало чувство полного крушения, его способность видеть, что есть добро и его полная неспособность делать его; его способность познавать зло и неспособность удержаться от него.

Современники Павла хорошо знали это чувство; знаем и мы его. Сенека говорил о "нашем бессилии в настоятельных делах". Он говорил о том, как люди ненавидят свои грехи и одновременно любят их. Римский поэт Овидий записал известный афоризм: "Я вижу лучшее, и одобряю его, но следую худшему".

Никто не знал этой проблемы лучше, чем иудеи. Они разрешили её, сказав, что в каждом человеке сожительствовают два существа, которые назывались *Йетсер гатоб* и *Йестер гара*. Иудеи были убеждены в том, что Бог создал человека таким - в нём постоянно существуют порыв к добру и злу.

Некоторые раввины верили, что злое начало было заложено в зародыше в чреве, ещё до того, как вообще родился человек. Это было "злая личность-двойник", "непримиримый враг человека". Он находился в нём, если нужно и всю жизнь, выжидая возможности погубить человека. Но иудеи равным образом ясно понимали, что никто никогда не должен уступать этому злему побуждению. Это опять-таки было чисто вопросом выбора.

В книге Премудрости Иисуса сына Сирахова сказано:

"Он от начала сотворил человека и оставил его в руке произволения его.

Если хочешь, соблюдешь заповеди и сохранишь благоугодную верность.

Он предложил тебе огонь и воду: на что хочешь, прострешь руку твою.

Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему.

Велика премудрость Господа, крепок Он могуществом и видит все.

Очи Его - на боящихся Его, и Он знает всякое дело человека.

Никому не заповедал Он поступать нечестиво и никому не дал позволения грешить" (Сир. 15,14-20).

Разные побуждения удерживают человека от злого побуждения. Имелся закон. Иудеи представляли себе Бога, говорящего так:

"Я создал для вас злое побуждение; я создал для вас закон в качестве противоядия, предохраняющего от порчи. Если вы будете соблюдать закон, вы не попадёте во власть злого

побуждения".

Кроме того, существует *воля и разум*.

"Когда Бог сотворил человека, Он вложил в него Свои чувства и Свои предрасположения; а потом, превыше всего этого, Он возвёл на престол священный руководящий разум".

Иудеи полагали, что когда к человеку подступает злое побуждение, его ум и благоразумие могут победить его изучением слова Божия, которое обеспечит защиту и безопасность; закон предоставляет собой предохраняющее противоядие: в такой момент можно было призвать на защиту добрые побуждения.

Павел знал всё это; он также знал, что, хотя теоретически это всё верно, на практике это не так. В природе человека то, что Павел называет *телом смерти* - сосуществуют такие моменты, отзывавшиеся на соблазны греха. В этом и заключается одна сторона ситуации человека: мы знаем, что хорошо, но делаем то, что плохо; то есть, мы никогда не бываем столь благочестивыми, сколько по нашему усмотрению мы должны бы быть. В одно и то же время нас преследует благо и грех.

С одной стороны этот отрывок можно было бы назвать обнаружением недостатков.

1) Он показывает *несостоятельность человеческого знания*. Если бы знание добра делать добро, то жизнь человеческая была бы проста. Однако, одно знание, само по себе, не делает человека благочестивым. То же самое можно сказать и о каждой профессии человека. Мы можем хорошо знать, как надо играть в шахматы; однако это ещё далеко до того, чтобы хорошо играть; мы можем знать, как пишутся стихи, то это ещё далеко до того, чтобы написать их. Мы можем знать, как надо вести себя в данной ситуации, но это ещё не значит, что будет безупречным в каждой ситуации. В этом и заключается различие между религией и моралью. Мораль - это знание кодекса; религия - знание человека; и лишь когда мы знаем Христа, мы можем делать то, что нам надо делать.

2) Он показывает *несостоятельность человеческих решений*. Намерение сделать что-то ещё очень далеко от его свершения. Человеческой природе присуща ещё одна важная слабость - отсутствие твёрдости силы воли. Воля человека наталкивается на проблемы, трудности, на противодействия - и они неудачно кончаются. Апостол Пётр принял однажды важное решение. Он сказал Христу: "хотя бы надлежало мне умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя". (Мат. 26,35), и всё же он поступил ужасно, когда настал решающий момент. Человеческая воля, если ей не придаёт силы Христос, обречена на поражение.

3) Он показывает *если недостаточность одного установления причин поражений*. Павел очень хорошо видел изъяны современного ему человека и общества, но был не в состоянии исправить положение. Он был подобен врачу, который может точно установить диагноз болезни, но был бессилен прописать нужное лечение. Один Иисус Христос не только знает, что неправильно, но и может исправить плохое в доброе; Он предлагает не критику, а помощь.

Глава 8

1-4

Освобождение нашей человеческой природы (Рим. 8,1-4)

Это очень трудный отрывок вследствие того, что он написан в чрезвычайно сжатой форме, потому что на протяжении всего отрывка Павел ссылается на то, о чём он говорил раньше.

Два слова употребляет Павел неоднократно в этой главе: плоть (*саркс*) и дух (*пневма*). Мы не сможем понять этот отрывок, если сперва не поймём в каком смысле Павел употребляет эти слова.

1) *Саркс* в буквальном смысле слова значит плоть. Уже самое беглое чтение писем Павла показывает, насколько часто и как он употребляет это слово в специфическом для него одного смысле. Собственно говоря, он употребляет его в трёх различных смыслах:

а) в буквальном смысле он говорит о физическом обрезании, то есть "во плоти" (*Рим. 3,28*).

б) он снова и снова употребляет словосочетание *ката сарка*, буквально *по плоти*, в соответствии с *плотью*, что чаще всего означает с *человеческой точки зрения*. Он говорит, например, что Авраам является нашим прародителем *ката сарка*, то есть с *человеческой точки зрения*, что Иисус является сыном Давида *ката сарка*, (*Рим. 1,3*), то есть по своей человеческой линии; что иудеи являются его родственниками *ката сарка* (*Рим. 9,3*), то есть с точки зрения человеческих отношений. Когда Павел употребляет словосочетание *ката сарка*, оно всегда означает, что он смотрит на вещи с человеческой точки зрения.

в) Однако, слово *саркс* выражает специфическое значение встречающееся только у Павла. Говоря о христианах, Павел говорит о днях, когда мы были *во плоти* (эн сарки) (*Рим. 1,5*). Он говорит о *живущих по плоти*, в противоположность тем, кто ведёт христианский образ жизни (*Рим. 8,4.5*). Он говорит, что живущие *по плоти* Богу угодить не могут (*Рим. 8,8*); что *помышления плотские* суть смерть (*Рим. 8,6.8*). Павел говорит о *жизни по плоти* (*Рим. 8,12*) своим друзьям христианам. "Но *вы не по плоти живёте*" (*Рим. 8,9*).

Ясно, особенно из последнего примера, что Павел употребляет слово *плоть* не просто в смысле тела, как это мы говорим *о плоти и крови*. Как же он тогда употребляет его? Он, собственно, имеет в виду, человеческую природу со всеми её слабостями и её уязвимости к греху. Он имеет в виду ту часть человека, через которую грех подчиняет себе человека, то есть грешную человеческую природу, без Христа; всё то, что связывает человека с мирским, а не с Богом. Жить по плоти - это значит жить жизнью, в которой преобладают веления и желания грешной человеческой природы вместо велений и любви к Богу. Плоть - это низкое в человеческой натуре.

Однако следует подчеркнуть, что когда Павел говорит об образе жизни человека, в котором преобладает плотское, *саркс*, он не имеет в виду одни только физические и половые грехи. Когда он приводит в Гал. 5,19-21 перечень дел плоти, он включает в него не только физические и половые грехи, но также идолослужение, ненависть, гнев, вражду, ереси, зависть, убийство. В его понимании плоть - не чисто физическое, но и духовное понятие; она человеческая природа во всей своей греховности и слабости; то есть, чем является человек, не имеющий ни бога, ни Христа.

2) *Дух*. Это слово употребляется в этой главе не менее двадцати раз. В Ветхом Завете оно имеет определённое значение. В древнееврейском языке *руах* имело два значения: а) оно значило не только *Дух*, но и *ветер*. В этом слове всегда заключалась идея мощи, присущей сильному быстрому ветру, б) В Ветхом Завете в этом слове всегда содержится значение чего-то большего, чем просто человеческое. *Дух*, по мысли Павла, представлял собой, божественную мощь.

Итак, Павел говорит в этом отрывке о времени, когда христианин всецело находился во власти своей греховной человеческой природы. В этом состоянии закон просто-напросто вёл человека к греху, и тщетный разрушенный человек становился всё хуже и хуже. Но когда он становился христианином, в его жизнь вселялась всё возрастающая мощь Духа Божия, и в результате этого он вступал в победоносную жизнь.

Во второй части отрывка Павел говорит о воздействии, оказываемом на нас деяниями Иисуса. Оно сложно и это трудно доступно пониманию; но Павел хочет сказать вот что: вспомним, что в начале он заявил, что все люди согрешили в Адаме. Мы видим, что иудейская концепция солидарности позволила Павлу утверждать, что все люди были, в буквальном смысле слова, причастны к греху Адама и, следовательно, - к смертной участи. Но эта картина имеет и другую сторону: в этот мир явился Иисус в совершенном подобии

человеческой природы; и Он принёс Богу жизнь абсолютного послушания и совершенного исполнения закона Божия. Иисус был совершенным человеком, и точно так же как мы были едины с Адамом, так же мы едины теперь с Ним; как мы были вовлечены, в грех Адама, мы теперь являемся соучастниками совершенства Христова! В Нём человечество принесло Богу совершенное послушание, точно так же как в Адаме человечество проявило к Богу роковое непослушание. Люди спасены, потому что они были соучастниками Адамова греха, а теперь являются соучастниками добродетели Христовой. Это был довод Павла; и для него, и для тех, кто слышал его, он был совершенно убедительным, как ни трудно нам понять его. Через то, что совершил Иисус, для христиан открылась жизнь, в которой господствует не плоть, Дух Божий, наполняющий человека великою неземною силою. Наказание за прошедшее снято, и силы для его грядущего обеспечены.

5-11

Два принципа жизни (Рим. 8,5-11)

Павел проводит чёткое различие между двумя образами жизни:

1) Жизнь, в которой господствует греховное человеческое начало; центром и средоточием жизни таких людей являются они сами, их собственная персона; их единственным законом - их желания, которые они удовлетворяют, где и когда хотят. Эта жизнь выражается у разных людей по-разному; сдержанная страсть, похоть, гордость, честолюбие и другие. Характерным для такой жизни является полная поглощённость вещами и делами, которым отдаётся всем сердцем человеческая природа, не имеющая Христа.

2) Жизнь, в которой царствует Дух Божий. Человек живёт во Христе как в воздухе, никогда не разлучаясь с Ним. Так же как он вдыхает воздух и воздух наполняет его лёгкие так и Христос наполняет существо его. У него нет своего собственного разума: его разум - Христос. У него нет своих собственных желаний; воля Христа - его единственный закон. Им управляют Дух и Христос; сосредоточием его жизни является Бог.

Эти два пути ведут в диаметрально противоположные направления. Жизнь, в которой доминируют желания и дела грешного человеческого существа, ведёт к смерти. В самом буквальном смысле слова, у неё нет будущего, потому что она уводит всё дальше и дальше от Бога. Позволить мирским делам полностью господствовать в своей жизни - самоуничтожение, духовное самоубийство.

Живущий такой жизнью человек совершенно теряет право предстать перед Богом. Он враждебен к Богу, возмущён Его законом и руководством. Бог не является его другом, а его врагом, и ни один человек никогда не выиграл последний бой против Него.

Жизнь, которую направляет Дух, центром которой является Христос и средоточием которой Бог, с каждым днём приближается к жизни небесной, даже когда она находится ещё на земле. Эта жизнь представляет собой непрерывное движение к Богу, так что конечный переход к смерти представляет собой естественный и неизбежный этап на этом пути. Она подобна Еноху, который ходил перед Богом и Бог взял его. Ребёнок сказал об этом так: "Енох был человеком, который ходил гулять с Богом, и однажды он не вернулся".

Как только Павел произнёс это, как его осенило неотвратимое возражение. Ему могут возразить: "Ты говоришь, что человек, направляемый Духом, идёт по пути жизни; но, в действительности, каждый человек должен умереть. Что ты хочешь сказать?" Павел отвечает на это так: "Все люди умирают, потому что они в одинаковом положении: в мир пришёл грех и вместе с ним пришла смерть как следствие этого греха. Неизбежно поэтому все люди умирают; но человек, которым управляет Дух, в сердце которого - Христос, умирает лишь для того, чтобы воскреснуть. Важная основополагающая мысль Павла заключается в том, что христианин нерасторжимо един с Христом. Христос умер и вновь воскрес, и человек нераздельно единый со Христом - с Тем, Кто победил смерть и разделяет с Ним Его победу.

Человек, управляемый Духом и одержимый Христом, находится на пути жизни; смерть представляет собой лишь неизбежный промежуток, который нужно пройти на этом пути.

12-17

Усыновление в семью Божию (Рим. 8,12-17)

В этом отрывке Павел вводит другую важную метафору, которой он описывает новые отношения между христианином и Богом. Он говорит об усыновлении христиан в семью Бога. Значение этого отрывка можно понять только после того, как мы уясним себе, каким сложным шагом в Римском государстве являлось усыновление.

Римское усыновление всегда проводилось очень серьёзно и сложно вследствие большого значения, придававшегося отцовской власти - *патрия потестас*. Отеческая власть управляла семьёй: власть абсолютная, власть над жизнью и смертью, как это было в раннюю эпоху Рима. По отношению к своему отцу римлянин никогда не был совершеннолетним. Сколько бы лет ему ни было, он находился всецело в отцовской власти, в полном распоряжении и абсолютно под руководством отца. Само собой разумеется, что такое положение делало принятие в другую семью - усыновление - чрезвычайно трудным и серьёзным шагом. При усыновлении человек переходил из-под одной отцовской власти под другую.

Это усыновление происходило в два этапа. Первый из них назывался *манципацио*, и осуществлялся в форме символической продажи, при этом использовались медные деньги и весы. Символический акт продажи проводился три раза. Отец дважды символически продавал своего сына и дважды выкупал его назад. Но после третьего раза он более не выкупал его, и действие отцовской власти считалось прекращённым. далее следовала церемония, носившая название *виндикацио*. Приёмный отец шёл к претору, должностному римскому лицу, и возбуждал юридический процесс о передаче усыновленного лица под его отцовскую власть - *патрия потестас*. По завершении всей этой процедуры усыновление считалось совершённым. Ясно, что этот шаг был серьёзным и впечатляющим.

Но самым важным в нарисованной Павлом картине являются те последствия, которые вытекали из акта усыновления. Акт усыновления влёл за собой четыре главных последствия:

1) Усыновлённое лицо теряло все свои права в своей прежней семье и получало все права законного сына в новой. Важней всего, в юридическом смысле он обретал нового отца.

2) Из этого вытекало, что он становился наследником имени своего нового отца. даже если у приёмного отца позже рождались другие сыновья, это не оказывало никакого влияния на его права. Он неизменно оставался сонаследником совместно с ними.

3) Юридически вся прежняя жизнь усыновлённого лица зачёркивалась начисто; так, например, все его долги аннулировались. На него смотрели как на нового человека, входящего в новую жизнь, с которой прошлое не имело ничего общего.

4) Юридически он всецело являлся сыном своего нового отца. Римская история даёт выдающийся пример того, что это было именно так. Император Клавдий усыновил Нерона, чтобы он мог наследовать его трон; между ними не было никакого кровного родства. У Клавдия уже была дочь Октавия для скрепления уз родства, Нерон захотел жениться на ней. Нерон и Октавия не состояли ни в каком кровном родстве, но по закону они являлись братом и сестрой, и, прежде чем они смогли пожениться, сенат должен был принять специальный закон.

Именно об этом думал Павел, когда он использовал ещё одну метафору из римской жизни, картину усыновления и введения в семью. Павел говорит, что дух Божий свидетельствует нашему духу, что мы действительно являемся детьми Божиими. Церемония усыновления проводилась в присутствии семи свидетелей. Предположим, что приёмный отец умер и возник спор о правах наследования приёмного сына; тогда выступали один или несколько свидетелей и клятвенно заверяли истинность акта усыновления. Таким образом,

гарантировалось право приёмного лица и оно получало наследство. Так, Павел говорит, сам дух Святой является свидетелем того, что мы приняты в семью Божию.

Таким образом мы видели, что, когда Павел описывал нам картину нашего усыновления в семью Божию, он вложил в эту короткую метафору всё значение, содержащееся в каждом этапе процедуры римского усыновления. Когда-то мы находились полностью во власти нашей собственной грешной человеческой натуры; но Бог, в своём милосердии, принял нас в своё абсолютное обладание. Преведняя жизнь не имеет более прав на нас; Бог же имеет абсолютное право. Проведное наше вычеркнуто начисто и долги наши утеряли силу; мы начинаем новую жизнь с Богом и становимся наследниками всех его сокровищ. Если это так, то мы становимся сонаследниками Иисуса Христа, Сына Божия. Мы наследуем то же, что наследует и Христос. Если Христу пришлось страдать, то мы тоже наследуем страдание; но если Христос был вознесён к жизни и славе, то мы тоже наследуем эту жизнь и славу.

Именно такую картину нарисовал нам Павел, что когда человек становится христианином, он входит в семью Божию. Человек ничего не делает для того, чтобы заслужить это; Бог-Отец, в своей изумительной любви и милосердии принял потерянного, беспомощного, бедного, погрязшего в долгах грешника в Свою семью, так что теперь все грехи его погашены и он наследует славу.

18-25

Славная надежда (Рим. 8,18-25)

Павел только что говорил о славе, данной усыновлением христианина в семью Божию; и вот он вновь возвращается к заботам мира сего. С проникательностью большого поэта рисует он эту картину. Он видит всю природу в ожидании грядущей славы. Вокруг себя он видит, что все творения земли обречены на гибель.

Померкнет всё земное и пройдёт.

Он видит умирающий мир, в котором увядает красота, а очарование подвержено тлению; но мир ждёт своего освобождения от этой ужасной участи и природа свободы славы Божией.

Рисуя эту картину, Павел использовал идеи, известные и понятные каждому иудею. Он говорит о современном ему мире и о грядущей славе. Иудейское мышление делило время на две части - век нынешний и век грядущий. Век нынешний был, по мнению иудеев, совсем плохим, подвластным греху, смерти и упадку. Однажды грянет День Господень, день Страшного Суда, когда земля будет поколеблена до основания; и из старого мира возникнет мир новый. Обновление мира было одно из великих мыслей иудаизма. В Ветхом Завете об этом говорится без всяких подробностей и уточнений. "Ибо вот Я творю новое небо и новую землю". (Ис. 65,17). Но во времена между Ветхим и Новым Заветом, и когда иудеи были угнетены, поработаны и подвергались гонениям, они лелеяли свою мечту об этой новой земле и об этом обновлённом мире.

Мечта об обновленном мире была дорога иудеям. Павел знал это, и наделяет творения Божий сознанием. Он думает о природе, жаждущей прихода того дня, когда власть греха будет побеждена, смерть и тление уйдут навсегда и придёт слава Божия. С образной проникательностью говорит Павел, что природа находится даже в более ужасном состоянии, чем человек. Человек согрешил умышленно, а природа - непроизвольно. Природа была вовлечена невольно в греховное падение человека. "Проклята земля за тебя", сказал Бог Адаму после грехопадения (Быт. 3,17). Таким образом, в поэтическом видении представляется Павлу природа, ждущая своего освобождения от смерти и тления, принесённые в мир грехопадением человека.

Если это верно для природы, то вернее для человека. Поэтому Павел говорит далее о страстных устремлениях человеческих. В восприятии Святого Духа человечество видит предвестника грядущей славы; теперь оно страстно желает в полной мере осуществить то,

что даёт усыновление в семью Господа Бога. Это окончательное усыновление явится искуплением для их тел. Павел не представлял себе человека бесплотным духом в состоянии славы Божией. В этом мире человек является единством тела и духа; в мире славы также обретёт спасение весь человек: и его душа, и тело. Но тело его более не будет жертвой тлена и орудием греха; это будет духовное тело, пригодное для жизни духовного человека.

После этого следует важная фраза: "Мы спасены в надежде". Жизнь Павла озаряла светлая истина: положение человеческой жизни не безнадежно. Павел не был пессимистом. Английский писатель-фантаст Герберт Уэллс сказал однажды: "Человек, начавший (жизнь) в пещере; окончит (её) в кишках болезнями развалинах трущоб". Но Павел не таков. Он видел грех человека и состояние, в котором находился мир; но он видел также искупающую силу Бога и выход из всего этого. Он видел в надежде. Именно поэтому жизнь была для Павла не отчаянным ожиданием конца опутанного грехом, смертью и тленом мира; она для него стала страстным ожиданием освобождения, обновления и воссоздания, которые осуществит слава и сила Господа.

В 19 стихе Павел использует чудесное слово *анокарадокия* - надежда. Греческое слово обозначает позу человека с вытянутой вперёд головой пристально разглядывающего горизонт и жадно ищущего признаки восхода зари славы. Жизнь для Павла не усталое изматывающее ожидание, а живое трепетное предвкушение. Христианин связан с общечеловеческой ситуацией; в которой он вынужден вести борьбу со своей собственной злой человеческой природой, и жить в мире смерти и тлена. Тем не менее, христианин живёт не только в этом мире; он живёт также и во Христе. Он видит не только этот мир, но больше: он видит Бога. Он видит не только последствия человеческого грехопадения, но и силу благодати Божией и Его любви. Поэтому, основным значением жизни христианина является надежда, а не отчаяние. Христианин ждёт не смерти, а жизни.

26-30

Всё от Бога (Рим. 8,26-30)

Первые два стиха представляют собой один из самых важных отрывков Нового Завета, затрагивающих тему молитвы. Павел говорит, что вследствие нашей слабости мы не знаем, о чём нам следует молиться, но все молитвы, которые мы должны возносить, возносятся Святым Духом. Додд определяет молитву следующим образом: "Молитва - это божественное, находящееся внутри нас и взывающее к Божественному, находящемуся выше нас". Существуют две очевидные причины, почему мы не можем сами правильно молиться. Во-первых, мы не можем правильно молиться потому, что не можем предвидеть будущее. Мы не можем видеть на год и даже на час вперёд; мы можем, поэтому, молиться во спасение от того, что, быть может, принесло бы нам только добро, и напротив, молить Бога о том, что, быть может, принесёт нам крайний вред. Во-вторых, мы не можем правильно молиться ещё и потому, что в каждой данной ситуации мы не знаем, что было бы для нас лучше. Мы часто оказываемся в положении ребёнка, который хочет вещь, которая обязательно причинит ему боль; и Бог оказывается в положении родителя, который должен отказать своему ребёнку в выполнении его просьбы или побудить его сделать то, чего он не хочет делать, потому что Он намного лучше знает, что будет на пользу ребёнку, нежели сам ребёнок.

Даже греки знали это. Пифагор запрещал своим ученикам молиться за себя, потому что, говорил он, вследствие своего невежества они не могли знать, что целесообразно для них. Ксенофан сообщает нам, что Сократ учил своих учеников просто молиться о хороших вещах и не пытаться определять их точно, а оставить это на усмотрение Бога, что есть хорошее. Додд излагает это так: мы не можем знать своих собственных реальных нужд; нашим конечным разумом мы не можем знать планов Божиих; в конечном счёте, мы можем довести до Бога лишь невысказанный вздох, который Дух Святой переведёт за нас Богу.

По представлению Павла, молитва, как и всё прочее - от Бога. Павел знал, что своими

усилиями человек не может оправдаться перед Богом; и что своим разумом он не может знать, о чём ему следует молиться. В конечном счёте правильная молитва выглядит просто: "Отче, в руки Твои предаю дух мой. Не моя воля, но Твоя да будет".

Но Павел идёт дальше. Он говорит, что любящим Бога, призванным по Его изволению, хорошо известно, что Бог устраивает все дела к их благу. Жизненный опыт христиан показал им, что, в конечном результате, всё придёт к лучшему. Не обязательно быть очень старым, чтобы оглянуться назад и увидеть, что то, что мы считали бедствием, несчастьем, в конечном счете, содействовало к нашему благу; то, что казалось крайне разочаровывающим, стало значительным благословением.

Но следует отметить, что такой опыт приходит только к *любящим Бога*. У стоиков была замечательная идея, которую Павел возможно припоминал, когда он писал этот отрывок. Одной из важных концепций стоицизма является понятие *логоса* Божия, Божественного разума. Стоики верили, что мир проникнут этим *логосом*. *Логос* придавал смысл всему. *Логос* удерживает звёзды и планеты на предназначенных орбитах, регулирует установленный порядок чередования дня и ночи, лета и зимы, весны и осени. *Логос* - это Ум и Разум Божий, во вселенной, создающий порядок и устраняющий хаос.

Стоики шли ещё дальше. Они верили, что *логос* не только создаёт порядок во вселенной, но имеет также план и цель жизни для каждого человека. Другими словами, стоики верили, что с человеком не может произойти ничего, что не шло бы непосредственно от Бога и, что не входило бы в план, имевшийся для этого человека у Бога. Эпиктет пишет: "Имей смелость взглянуть к Богу и сказать: "Поступай со мной от ныне, как ты хочешь. Я един с Тобой, я Твой; я ни от чего не уклоняюсь, коль скоро Ты думаешь, что это хорошо. Веди меня, куда хочешь, одень меня во что хочешь. Хочешь Ты, чтобы я занял какую-то должность, или уклонился от неё, оставался здесь или бежал, был богатым или бедным? За всё это буду защищать Тебя пред людьми". Стоики учили, что доля каждого человека состоит в *принятии* предназначенной ему доли. Человек, принимающий посланное ему Богом, живёт в мире; тот же, кто сопротивляется, борется бессмысленно против неотвратимых намерений и целей Бога.

Павел думал точно так же. Он говорил, что всё, в конечном счёте, содействует ко благу, но только для тех, *кто любит Бога*. Если человек любит и принимает Бога и верует в Него; если человек убеждён в том, что Бог - премудрый и вселюбящий Отец, - Он может смиренно принять всё, что Он посылает ему. Человек может пойти к врачу, который пропишет ему курс лечения, который может быть неприятным и даже болезненным, но если он верит в мудрость и знания врача, он следует его наставлениям. Так же поступаем и мы, если мы любим Бога. Но кто не любит Бога и не верит в Него, он легко может возмущаться против того, что с ним происходит и даже бороться против Божией воли. Лишь для человека, любящего Бога и верящего Ему, всё, в конечном счёте, содействует ко благу, ибо всё идёт от Отца, который в своей мудрости, любви и власти ведёт всё к благу.

Павел идёт дальше этого; он говорит о духовном опыте каждого христианина. В Синодальном издании перевода Библии это изложено так: "Кого Он предузнал, тем и предопределил (быть) подобным образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями; а кого он предопределил, тех и призвал; а кого и призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил". В толковании этого отрывка имелись серьёзные неточности. Чтобы правильно понять его, нужно знать, что Павел никогда не рассматривал его как изложение своей теологии или философии; это - нечто вроде лирического выражения чувств опыта христианина. Если взять этот отрывок как изложение теологии и философии и применить к его толкованию сухую логику, то получится, что Бог избрал одних, но не избрал других. Но Павел вовсе не хотел сказать этого.

Подумаем о жизненном опыте христианина. Чем больше христианин думает о своём опыте, тем больше он убеждается в том, что в нём нет ничего, что бы он сделал сам, но что

всё от Бога. Иисус Христос пришёл в этот мир; Он жил; Он пошёл на распятие; Он воскрес из мёртвых. Мы не сделали ничего, чтобы свершить всё это: это деяние Бога. Мы слышали благую весть об этой чудесной любви. Мы *не сочинили*, а лишь *получили* её. Любовь пробудилась в наших сердцах, пришло признание греха и с этим пришло переживание прощения и спасение. Мы этого не достигли сами: все от Бога. Вот о чём Павел в этом отрывке думает.

В Ветхом Завете мы встречаем слово *знать* в образном употреблении: "Я признал тебя в пустыне, в земле жаждущей". (Ос. 13,5). "Только вас признал Я из всех племён земли". (Ам. 3,2). Когда Библия говорит, что Бог признал (знал) кого-нибудь, это всегда означает, что у Него определённая цель, план и задание для этого человека. И если мы опять же оглянемся назад на наш христианский опыт, то можем только сказать: "Я не сделал этого; я бы никогда не мог сделать этого, всё сделал Бог". И мы хорошо знаем, что мы не лишены при этом свободы воли.

Бог признал Израиля, но настал день, когда Израиль отрёкся от судьбы, предназначенной для него Богом. Невидимая рука Господа ведёт нас в нашей жизни, но до конца каждого дня мы можем отвергнуть направляющую руку и пойти своим собственным путём.

Каждый христианин глубоко убеждён, что всё от Бога, что сам он не сделал ничего, но что всё сделал Бог. Это и имеет здесь в виду Павел. Это значит, что с самого начала Бог предопределил нас для спасения; что в надлежащий час он призвал нас; но гордыня человеческого сердца может разбить план Господа, и неповиновение человека может отвергнуть Его призыв.

31-39

Любовь, от которой нас ничто не может отлучить (Рим. 8,31-39)

Это один из самых лирических отрывков Павла. В стихе 32 находим мы прекрасное напоминание, которое должно быть знакомо каждому иудею, если он хорошо знает Ветхий Завет. Павел фактически говорит: "Бог для нас не пожалел Своего собственного Сына: это, действительно окончательная гарантия в том, что Он любит нас настолько, что может дать нам всё, что нужно". Павел определяет Бога теми же словами, которыми сам Бог определил Авраама, когда он доказал Ему свою крайнюю верность, выразив готовность пожертвовать своего сына Исаака по приказу Бога. Бог сказал Аврааму: "не пожалел сына твоего, единственного твоего, для меня" (*Быт. 22,12*). Павел, по-видимому, хочет сказать: "Подумайте о величайшем примере преданности человека Богу; верность Бога к вам такова же". Именно потому что Авраам был столь предан Богу, что он был готов пожертвовать своё самое дорогое, Бог столь же верен людям, что Он пожертвовал Своего единственного Сына за них. Воистину, в такую преданность мы можем верить полностью.

Трудно, однако, знать точно, что же хотел Павел сказать в стихах 33-35. Эти стихи можно понять двояко, и каждый из этих вариантов содержит в себе превосходный смысл и драгоценную истину.

1) Мы можем рассматривать эти стихи как два утверждения, за которыми следуют два вопроса, представляющие собой два заключения, вытекающие из этих утверждений: а) Бог оправдывает людей - это утверждение. Если это так, то кто же может осудить людей? Если человек оправдан Богом, то он спасён от всех осуждений, б) Наша вера во Христа, Который умер и воскрес и Который будет жить вечно - это утверждение. Если это так, то есть ли что-нибудь в этом или ином мире, что могло бы отлучить нас от нашего воскресшего Господа?

Если мы прочтём стихи так, то мы уясним для себя две важные истины: а) Бог оправдал нас; и поэтому никто не может осудить нас. б) Христос воскрес; и поэтому ничто никогда не может разлучить нас с Ним.

2) Но можно прочитать эти стихи и иначе. Бог оправдал нас. Кто тогда может осудить нас?

Ответ таков, что Судия всех людей - Иисус Христос. Он один имеет право осудить, - но Он далёк от того, чтобы осуждать нас, ибо Он сидит одесную Бога и ходатайствует за нас, и поэтому мы спасены.

Но может быть и так, что в стихе 34 Павел приходит к чудесным откровениям. Он говорит о четырёх деяниях Иисуса: 1) Он умер; 2) Он воскрес; 3) Он сидит одесную Бога; 4) Он ходатайствует за нас. Вероисповедание ранней Церкви, которое и ныне является самым существенным из всех христианских убеждений, гласит: "Он был распят, мёртв и погребён; на третий день Он воскрес из мёртвых и усажен одесную Бога; откуда Он придёт, чтобы судить живых и мёртвых". Три элемента в утверждении Павла идентичны символу веры раннего христианства: что *Иисус* умер, воскрес и находится по правую руку Бога. Но *четвёртый* элемент отличен. Согласно символу веры раннего христианства Иисус придёт, чтобы *быть Судией живых и мёртвых*. У Павла же сказано, что Христос находится одесную Бога для того, чтобы *ходатайствовать за нас*. Павел как бы говорит: "Вы думаете об Иисусе как о Судии, который находится там, чтобы осуждать; и Он вполне мог бы делать это, ибо Он заслужил это право. Но вы ошибаетесь: Он находится там не для того, чтобы быть обвинителем, но защитником, ходатайствующим за нас".

Я думаю, что правильнее будет, если мы возьмём второй вышеизложенный вариант. Одним громадным прыжком мысли Павел узрел Христа не как Судью, а как любящего человеческие души.

В любовном восторге и в поэтическом пылу воспеваает Павел далее мысль о том, что ничто не может отлучить нас от любви Божией в нашем воскресшем Господе, Иисусе Христе.

1) Ни скорбь, ни теснота, ни опасность не могут отлучить нас (стих 35). Земные несчастья не могут разлучить человека, с Богом.

2) В стихах 38-39 Павел приводит список ужасов. Ни *жизнь*, ни *смерть* не могут отлучить нас от Христа. В жизни мы живём со Христом; в смерти мы умираем с Ним; и, потому что мы умираем с Ним, мы также и воскреснем с Ним. Смерть вовсе не разлучает со Христом; она лишь шаг ближе к Нему; она не конец, но "врата на горизонте", ведущие в присутствие Иисуса Христа.

Ангелы силы не могут отлучить нас от Него. В это время иудеи имели уже высоко развитую веру в ангелов. Всё имело своего ангела. Был ангел ветра, туч, снега, града и изморози, грома и молнии, жары и холода, времён года. Раввины говорили, что на свете всё, даже травинка, имеет своего ангела. Согласно теории раввинов, имелось три чина ангелов. В первый чин входили ангелы тронов, херувимы и серафимы; во второй - ангелы могущества королевской власти и князей; в третий - ангелы, архангелы и начала. Об этих ангелах Павел говорит неоднократно (*Еф. 1,21; 3,10; 6,12; Кол. 2,10.15; 1 Кор. 15,24*). Раввины также полагали - а Павел когда-то тоже был раввином, что ангелы были враждебны человеку. Иудеи полагали, что сотворение Богом человека вызвало недовольство ангелов. Как будто бы они не желали делить Бога ещё с чем-то, и место, занимаемое теперь им в сердце Бога, вызывало их зависть и недовольство. У раввинов была легенда о том, что, когда Бог явился Моисею на Синае и дал ему и людям закон, Его сопровождали сонмы ангелов, которые позавидовали Израилю, когда ему был дан закон; и они нападали на Моисея, когда он подымался на гору, и якобы, оставили бы его, если бы не вмешался Бог. Павел, мысливший в категориях своего времени, говорит: "Даже завистливые, ревнивые ангелы не могут отлучить нас от любви Бога, как бы сильно они этого не хотели".

Никакие времена не могут разлучить нас со Христом. Павел говорит о *настоящем и будущем* (стих 38). Мы уже знаем, что иудеи делили время на *век нынешний* и *век грядущий*. Павел в этой фразе говорит: "В этом мире нас ничто не может отлучить от Бога в Иисусе Христе; придёт день, когда этот мир сотрясётся и взойдёт заря нового века. Но это ничего не изменит для христиан; даже тогда, когда этот мир погибнет и грядёт новый мир, связи со

Христом пребудут неизменными".

Никакие пагубные силы не разлучат нас от Христа. Павел говорит о *высотах и глубинах*, и употребляет эти понятия здесь как астрологические термины. Древний мир преследовала мысль о господстве звёзд над человеком. Они верили, что человек рождается под определённой звездой и этим определяется его судьба. Некоторые люди ещё и сегодня верят в это; но древний мир действительно преследовала эта мысль. *Высота (гунсома)* - было время, когда звезда находилась в своём зените и оказывала наибольшее влияние; *глубина (гатос)* время, когда звезда находилась в самой низкой точке, в ожидании взойти и оказать влияние на судьбу человека. Именно этих преследуемых людей своего времени Павел уверял: "Звёзды не могут повредить вам. Когда они восходят, они бессильны отлучить вас от любви Божией".

Никакой другой мир (стих 39 - никакая иная тварь) не может отлучить нас от Бога. Для выражения понятия *другой* Павел употребляет греческое слово (*геторос*), которое фактически означает *иной*. Павел говорит: "Допустим, при каком-нибудь диком полёте фантазии, возник бы мир отличный от нашего, но даже тогда вы всё же будете спасены: вы всё ещё будете погружены в любовь Божию". Здесь перед нами видение, которое должно избавить всех от одиночества и страха. Павел говорит: "Вы можете предоставить себе любые события этого или иного мира, но ничто из них не в состоянии отлучить христианина от любви Божией в Иисусе Христе, Господа всех ужасов и Властелина всех миров. Чего же нам тогда ещё бояться?"

Глава 9

1-5

Проблема иудеев

В главах 9-11 Павел пытается рассмотреть одну из наиболее сложных и запутанных проблем, которую Должна была решить Церковь - проблему иудеев. Иудеи были избранным Богом народом; им было предназначено исключительное место в предназначениях Бога; и всё же, когда в мир явился Сын Божий, они отвергли Его и распяли Его. Как это могло произойти? Как объяснить такой парадокс? Именно эту проблему пытается решить Павел в этих последующих главах. Это сложные и трудные главы, и, поэтому, прежде чем мы приступим к их детальному изучению, будет уместно изложить сперва главные черты даваемого Павлом решения. Прежде чем приступить к пониманию мыслей Павла, важно отметить, что главы эти были написаны не в гневе, а с болью в сердце. Он никогда не мог забыть, что сам был иудеем, и с радостью отдал бы свою жизнь, если бы смог привести этим своих братьев к Иисусу Христу.

Павел никогда не отрицает, что Израиль был избранным народом. Бог усыновил иудеев как своих собственных детей; Он дал им завет, службы в Храме и закон; Он придал им свет Своей славы; Он дал им патриархов. Но превыше всего этого: ведь и Иисус был иудеем. Павел принимал как аксиому и отправную точку то особое место, которое иудеи занимали в осуществлении Его системы спасения.

Павел делает одно важное утверждение неоспоримо, что иудеи, как народ, отвергли и распяли Иисуса; но также верно и то, что *не все иудеи отвергли Его*; некоторые приняли Его и верили Ему, ибо все первые последователи Христа были иудеями.

Затем Павел оглядывается назад на историю и приходит к заключению, что лишь одно расовое происхождение от Авраама ещё не является основанием считать себя иудеем. В истории Израиля ясно видно, что вновь и вновь на него обращался промысел Божий - Павел называет это *предопределением*; вследствие этого Бог избирал одних из расовых потомков Авраама, но отвергал других. Так, например, из непосредственных потомков Авраама, сын его Исаак, родившийся по обещанию Господа, был избран, а Измаил, происшедшего от

обычного врождённого желания, был отвергнут. Так и у Исаака: сын его Иаков был избран, а единокровный его брат - близнец Исав, отвергнут был. Такой отбор производился не по их добродетелям; это избрание явилось исключительно плодом особой мудрости Бога и Его власти.

Далее, действительно избранными никогда не был весь народ - ими являются *лишь его праведная часть*, те немногие, которые были верны Богу, когда все остальные отвернулись от Него. Так было во времена Илии, когда семь тысяч иудеев оставались верными Богу, после того, как остальная часть народа Израиля ушла за Ваалом. Это составляло существенную часть учения Исаии, сказавшего: "Ибо, хотя бы народа у тебя, Израиль, было столько, сколько песку морского, только остаток его обратится" (Ис. 10,22; Рим. 9,27). Первым пунктом Павла является его утверждение, что никогда не было такого, чтобы весь народ был избранным народом. Всегда был отбор по предопределению Бога.

Справедлив ли Бог, избирая одних и отвергая других? И если одни избираются, а другие отвергаются, без всяких заслуг или ошибок с их стороны, то разве можно их винить в том, что они отвергают Христа, и как не можно возносить хвалу тем, кто принимает Его? Довод, который здесь приводит Павел, может ошеломить нас и вызвать у нас сомнение. Короче говоря, Бог волен делать, что Он пожелает, и человек не может и не имеет права подвергать сомнению Его решения, какими бы непостижимыми они ему не показались. Глина не даёт наставлений горшечнику. Мастер может сделать два сосуда: один - в качестве украшения, а другой - для каждодневного употребления, но самим сосудам до этого нет никакого дела. Именно так может Бог поступать с людьми. Павел приводит в пример египетского фараона, и говорит (Рим. 9,17), что он был именно для того поставлен на сцену истории, чтобы быть орудием, через которое Бог покажет свою карающую мощь. В любом случае народ Израиля был предупреждён о предопределении для язычников, и о том, что он, народ Израиля, будет отвергнут. Ведь писал же пророк Осия: "и там, где говорили им: вы не мой народ; будут говорить им: вы сыны Бога живого (Ос. 1,10; Рим. 9,25).

Однако такое отвержение народа Израиля не было бессердечным и случайным. Врата были закрыты для иудеев для того, чтобы открыть их для язычников. Бог ожесточил сердца Израиля и ослепил их глаза с единственной целью: открыть путь к вере для язычников. Это странный и страшный аргумент; если отбросить всё несущественное, то это значит, что Бог может сделать всё, что Он захочет с любым человеком или народом, и что Он умышленно затмил разум и глаза Израиля для того, чтобы могли войти язычники.

В чём же заключалась фундаментальная ошибка иудеев? В свете того, что мы только что сказали, этот вопрос может прозвучать крайне странно. Но, как это ни парадоксально, Павел считает, что, хотя отвержение Израиля и явилось деянием Господа, это совершенно не обязательно должно было произойти. Павел не может избавиться от извечного парадокса (и он не хочет совершенно отбросить его), что всё от Бога, и, в то же время, человек обладает свободой воли. Фундаментальная ошибка иудеев заключалась в том, что они хотели своими собственными усилиями и деяниями вступить в истинные отношения с Богом. Они старались заслужить спасение, в то время как язычники просто в своей вере принимали предложенное им Богом спасение. Иудеям следовало знать, что единственным путём к Богу является путь веры, а человеческие свершения никуда не ведут. Ведь сказал же Исаия: "верующий в Него не постыдится" (Ис. 28,16; Рим. 10,11). А разве Иоиль не сказал: "Всякий, кто призовет имя Господне спасётся" (Иоиль 2,32; Рим. 10,13). Конечно правда, что никто не может обрести веру до тех пор, пока не услышит предложения Господа. Но ведь Израилю это предложение было сделано. Они же цеплялись за путь человеческих деяний, соблюдая закон, абсолютно полагаясь на закон и свои деяния; но они должны были знать, что путь к Богу - это путь веры, ибо пророки говорили им это.

Следует ещё раз подчеркнуть, что всё это деяние Господа и свершено было это для того, чтобы позволить язычникам войти во врата веры. И Павел обращается поэтому к язычникам.

Он наставляет их оставить гордыню. Они как дикие ветви маслины, привитые к садовому дереву. Они не более иудеев достигли своего спасения; в действительности, они находятся в зависимости от иудеев: они лишь привитые ветви, а корень и ствол дерева всё ещё составляет избранный народ. Факт их собственного предопределения и отвержение иудеев не должен разбудить гордыни в сердцах язычников. Если же это произойдёт, то отвержение может постигнуть и их, и это, несомненно, и произойдёт, как оно произошло с иудеями.

Это всё? Ничуть. Цель Господа заключалась в том, чтобы вызвать у иудеев ревность к отношениям, достигнутыми язычниками с Богом и побудить их обратиться к Нему и просить Его, чтобы и они были допущены к этим отношениям с Богом. Разве Моисей не сказал: "Я возражу их не народом, народом бессмысленным огорчу их"? (*Втор. 32,21; Рим. 10,19*). В конечном результате язычники станут орудием, которым будут спасены иудеи. "И так весь Израиль спасётся" (*Рим. 11,26*).

Так заканчивает Павел свой довод. Мы можем подвести следующие итоги.

- 1) Израиль является избранным народом.
- 2) Быть иудеем это нечто большее, чем расовое происхождение. Внутри народа всегда происходил отбор, и оставшаяся часть всегда оставалась верной Богу.
- 3) Такой отбор и не представляет собой ничего несправедливого, ибо Бог волен делать то, что он хочет.
- 4) Бог ожесточил сердца иудеев, но лишь для того, чтобы открыть врата язычникам.
- 5) Ошибка Израиля заключалась в том, что он упорно цеплялся за веру в человеческие деяния, основанные на законе; надлежащий же путь к Богу идёт через совершенно доверчивое сердце.
- 6) Язычники не должны гордиться, ибо они являются лишь дикими ветвями маслины, привитыми к подлинной маслине. Они должны помнить об этом.
- 7) Но это ещё не всё: особое положение, которое получили язычники, вызовет такую зависть у иудеев, что, в конце концов, язычники введут и их во врата веры.
- 8) Итак, в результате, будут спасены все - и иудеи, и язычники. Завершением довода Павла является слава. Он сказал вначале, что одни были избраны, другие отвергнуты. Заканчивает он тем, что воля Божия заключается в том, чтобы все были бы спасены.

Трагическая несостоятельность (Рим. 9,1-5)

Павел делает попытку объяснить, почему же иудеи отвергли Иисуса Христа. Он начинает это не с гневом, а с печалью. Здесь нет ни бурного гнева, ни взрыва яростного проклятия; здесь только горькое сожаление разбитого сердца. Павел подобен Богу, которого он любил и которому он служил: он ненавидел грех, но любил грешников.

Никто не начнёт спасать людей, сперва не полюбив их. Павел смотрит на иудеев не как на народ, который нужно гневно бичевать, но который достоин страстной любви и сожаления.

Павел охотно отдал бы свою жизнь, если бы он смог этим привести их ко Христу. Возможно, он вспоминал один из величайших эпизодов истории народа Израиля: когда Моисей подымался на гору, чтобы получить закон из рук Господа; народ, оставшийся внизу, согрешил, сотворив золотого тельца и поклонясь ему. Это вызвало гнев Божий на них, и тогда Моисей обратился к Богу с великою молитвою: "Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал" (*Исх. 32,32*).

Ради братьев своих он согласен сам быть проклятым, если этим можно изгладить их грех. Павел употребляет ужасное греческое слово "*анафема*". То, что было предано анафеме, было *проклято*, посвящалось Богу и было обречено на полное оставление. Если брали языческий город, то всё в нём было обречено на полное уничтожение, ибо всё было осквернено (*Втор.*

3,6; 2, 4; *Иис. Н.* 6,17; 7,1-26). Если человек пытался отвратить Израиля от поклонения истинному Богу, его беспощадно предавали полному уничтожению (*Втор.* 13, 8-11). Самым дорогим в жизни Павла было как раз то, что ничто не могло отлучить его от любви Бога в Иисусе Христе. Но если бы это могло помочь спасению его братьев по плоти, он согласился бы даже быть отвергнутым, отлученным от Бога. Здесь мы снова встречаемся с великой истиной, что лишь тот может спасти грешника, кто любит его. Когда сын или дочь поступили где-то нехорошо и навлекли на себя наказание, многие отцы и матери предпочли бы сами вынести это наказание. Как это говорит Павел у Майера в его поэме *Святой Павел*:

И трепет - страстное желанье

пронзает тело, словно звук трубы:

Спасти их! отдать жизнь свою за их спасенье,

их жизни вечной ради умереть,

пожертвовать собой за всех.

Вот так чувствует Бог. Так чувствовал Павел. Также должны чувствовать и мы.

Павел ни на минуту не отрицал то особое место, которое занимают иудеи в плане Божиим. И он перечисляет их привилегии.

1) В особенном смысле того слова они были детьми Божьими, специально избранными, специально усыновлёнными в семью Бога. "Вы сыны Господа, Бога нашего" (*Втор.* 14,1). "Не он ли Отец твой, который усвоил тебя, создал тебя?" (*Втор.* 32,6). "Израиль есть сын Мой, первенец Мой" (*Исх.* 4,22). "Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал сына Моего" (*Ос.* 11,1). Библия заполнена такими и подобными мыслями об особых сыновних отношениях Израиля и об отказе его принять эти отношения в полном смысле этого слова. Борэм где-то рассказывает о том, как он в детстве был в гостях в доме друга. В одну комнату этого дома было запрещено входить. И вот однажды, когда Борэм находился как раз напротив двери в эту комнату, дверь эта отворилась и он увидел в комнате мальчика своего возраста, но в ужасном состоянии - в состоянии животного идиотизма. Он видел, как к мальчику подошла его мать. Она увидела здорового Борэма и после этого посмотрела на своего сына и это поразительное различие, должно быть, пронзило ей сердце. Он увидел, как она опустилась на колени около мальчика-идиота и услышал крик полный муки: "Я кормила тебя, одевала, и любила тебя - а ты никогда не узнавал меня". Именно это, может быть, сказал Бог Израилю, только в том случае оно носило худший характер, так как отвержение Израиля было сознательным и преднамеренным. Разбить Божье сердце - ужасное дело.

2) У Израиля была слава. Выражения *шекина* или *кабоф* снова и снова упоминаются в его истории. То божественное сияние света, которое опускалось, когда Господь посещал Свой народ (*Исх.* 16,10; 24,16.17; 29,43; 33,18-22). Израиль видел славу Божию и всё-таки отверг Его. Нам дано увидеть славу любви Господа и Его благодати в лице Иисуса Христа; ужасно, если мы после этого избираем земные пути.

3) Израиль имел заветы. Завет - это отношение, в которое вступали между собой два человека, сделка к обоюдной выгоде, соглашение к взаимной дружбе. Вновь и вновь обращался Господь к народу Израиля и вступал с ним в особые отношения. Он поступил так с Авраамом, с Исааком, с Иаковом, и на горе Синай, когда он дал Израилю закон.

Ириней Лионский выделяет четыре великих повода, по которым Бог вступал в соглашения с людьми. Первым был завет с Ноем после потопа; символом его была радуга, которая являлась знаком Господа о том, что потоп не повторится. Вторым был завет, положен между Богом и Авраамом и его символом было обрезание. Третьим был завет, поставлен Господом между Ним и народом Израиля на горе Синай, и в основу его был положен закон. Четвёртый - это Новый Завет в Иисусе Христе.

Изумительно, что Господь обращался к людям и вступал с ними в отношения, основанные на взаимных гарантиях. Бог никогда не оставлял людей на произвол судьбы. Он не раз обращался к ним, чтобы затем покидать их. Он много раз обращался к людям и Он продолжает вновь и вновь обращаться к отдельным людям, к душам отдельных людей. Он стоит у дверей и стучит, и в этом та страшная ответственность, которую может взять на себя человек, если он решит не открывать дверь.

4) У них был закон. Израиль никогда не мог ссылаться на незнание воли Божией; Господь сказал ему, что делать. Если иудеи грешили, то они грешили сознательно, а не по незнанию; а грех сознательный - грех против света, то есть, самый ужасный грех.

5) Они имели Богослужение в храме. Богослужение, в сущности, представляет собой приближение души к Богу. И Господь дал иудеям через богослужение в храме особый подход в обращении к Нему. Если же врата к Богу были закрыты, то они сами закрывали их.

6) У них были обетования. Израиль никогда не мог сказать, что он не знал своей судьбы. Господь говорил ему о задачах, которые Он намерен возложить на него, и какие Он намеревался дать ему привилегии. Иудеи знали, что им предстоит свершить великие деяния в божественном промысле.

7) У них были отцы. Они имели традиции и историю; и остаётся только пожалеть таких людей, которые могут изменить своим традициям и стыдиться своего происхождения.

8) И вот главное. От них Христос по плоти. Всё остальное было лишь подготовкой к этому; и всё же, когда Он пришёл, они отвергли Его. Самое большое огорчение, которое можно причинить человеку, предоставившему своему ребёнку трудом и жертвами все возможности для достижения успеха: жертв экономившего и труд - это потом увидеть, что из-за непослушания, бунтарства или потворствования своим слабостям, он не воспользовался своими возможностями. В этом трагедия, так как она демонстрирует впустую растроченные усилия любящего сердца и крушение его мечты. Трагедия Израиля состоит в том, что Господь готовил его ко дню пришествия Своего Сына, но все эти приготовления оказались тщетными. Не только закон Божий нарушил Израиль, он и оттолкнул с презрением любовь Божию. Слова Павла изливают не гнев - в них излито разбитое сердце Бога.

6-13

Избрание Божие (Рим. 9,6-13)

Если израильтяне отвергли и распяли Иисуса, Сына Божия, значит ли это, что цели Господа были расстроены и план Его потерпел крушение? Чтобы опровергнуть это, Павел приводит странный довод: не *все* израильтяне отвергли Иисуса; некоторые из них приняли Его, ибо все первые Его последователи были, как и Павел, иудеями. Если, говорит Павел, обратиться к истории Израиля, мы снова и снова увидим, как происходил процесс отбора. Мы неоднократно увидим, что в божественный замысел входили не все израильтяне. Некоторые входили, а другие нет. Его планы и взаимоотношения не распространялись на весь народ, и никогда не входили в Его замысел *все* те, кто мог претендовать на происхождение от Авраама. На фоне Его плана принималось во внимание не только просто физическое происхождение, но непрерывно действовал также принцип отбора, избрание Божие.

Для доказательства своего довода Павел приводит два примера из истории Израиля и подкрепляет их цитатами. У Авраама было два сына: Измаил, сын рабыни Агари и Исаак, сын его жены Сарры. Оба они были прямыми кровными потомками Авраама; Сарра родила сына будучи настолько старой, что, говоря по-человечески, было невозможно. Когда Исаак вырос, Измаил однажды посмеялся над ним; это возмутило Сарру и она потребовала, чтобы Измаил и Агарь были изгнаны и чтобы Исаак остался единственным наследником. Аврааму очень не хотелось прогонять их, но Бог приказал ему сделать это "ибо в Исааке наречётся тебе семя" (*Быт. 21,12*). Ведь Измаил был плодом обычного человеческого

влечения; Исаак же был Сыном Божьего обетования (*Быт.* 18,10-14). Настоящая наследственная линия должна была считаться лишь по ребёнку, родившемуся по обетованию. Вот первое доказательство того, что не все физические потомки Авраама могли считаться принадлежащими к избранному народу. Внутри народа продолжал действовать процесс отбора и избрания Божия.

Далее, Павел цитирует другой пример. Когда Ревекка была беременна, Бог сказал ей, что в чреве её два сына которые явятся отцами двух народов, но что в будущем старший из них будет служить и подчиняться младшему (*Быт.* 25,23). И вот родились близнецы Исав и Иаков. Исав был старшим, и всё же выбор Бога пал на Иакова, и именно по линии Иакова должна была осуществляться воля Божия. Чтобы окончательно разрешить спор и закрепить свои доводы, Павел цитирует *Мал.* 1,2-3, где Бог говорит пророку: "Иакова я возлюбил, а Исава возненавидел".

Павел утверждает, что быть иудеем - нечто больше, чем простое происхождение от Авраама; избранным народом являются не просто все потомки Авраама, но что внутри семьи и народа Израиля во всей истории шёл непрерывный процесс отбора. Такой аргумент любой иудей поймёт и примет. Арабы являются потомками Измаила, сына Авраама по плоти и крови, но иудеям никогда бы и в голову не пришло, что арабы являются избранным народом. Едомиты были потомками Исава, что в действительности подразумевает Малахия. А ведь Исав был кровным сыном Исаака, да и братом-близнецом Иакова, но ни один иудей никогда не сказал бы, что Едомиты каким-то образом причастны к избранному народу. С точки зрения иудеев Павел доказал своё утверждение: внутри семьи кровных потомков Авраама действительно происходил процесс избрания.

Павел приводит следующее утверждение: выбор производился вовсе не по деяниям и добродетелям. В доказательство Павел приводит тот факт, что выбран был Иаков, а Исав отвергнут когда они ещё не *родились*. Выбор был сделан, когда они находились ещё в утробе матери. Наш ум опять же может ошеломить такой аргумент. Перед нами опять встаёт образ Бога, который совершенно произвольно выбирает одного и отвергает другого. Для нас этот аргумент не является обоснованным, потому что он возлагает на Бога вину за действия, которое этически кажутся неоправданными. Но факт остаётся фактом: этот аргумент убедительный для иудея. И даже для нас в самой сути этого довода остаётся одна великая истина: всё от Бога; за всем стоит Его деяние; даже то, что кажется на первый взгляд произвольным и случайным, исходит от Него. Ничто в этом мире не идёт бесцельным путём.

14-18

Высшая воля Божия (Рим. 9, 14-18)

Павел начинает отвечать на те вопросы и возражения, которые возникают в нашем уме. Он утверждал, что на протяжении всей истории Израиля продолжался процесс отбора и выбора; он подчеркнул, что этот выбор не основывался на особых достоинствах людей, но исключительно на воле Божией. На это оппонент спрашивает: "Разве это справедливо? Разве справедливо поступает Бог, пользуясь методом произвольного отбора?" На это Павел отвечает, что Бог может делать, что Ему угодно. В страшные времена Римской империи, когда ничья жизнь не была в безопасности и любой человек мог умереть по прихоти подозрительного и ни перед кем не ответственного императора. Гальба, став императором, сказал, что он может теперь сделать всё, что захочет и с кем захочет. Именно это Павел и говорит о Боге в этом отрывке.

Для доказательства своего утверждения он приводит два примера и подкрепляет их цитатами из Священного Писания. Первый - из *Ис.* 33,19. Моисей умоляет Бога, дать ему какое-нибудь реальное доказательство того, что Он действительно с народом Израиля. Бог отвечает на это, что Он помилует того, кого Он выберет для этого. Его отношение любящего милосердия к народу зависит исключительно от Него самого. Другой пример взят из истории

борьбы Израиля за освобождение из египетского плена и из-под власти фараона. Когда Моисей впервые явился к фараону и просил его об освобождении Израиля из плена, он предупредил фараона, что Бог для того и поставил фараона на сцену истории, чтобы показать всем божественную силу Свою, и чтобы он, фараон, послужил всем людям примером того, что произойдёт с человеком, который противится ей (*Исх. 9,16*).

И опять наш разум отказывается принять этот довод. Конечно, будет неверно утверждать, что Бог может делать всё, что угодно. Он не может сделать ничего такого, что противоречило бы Его природе. Он не может быть ответственным за любое несправедливое деяние, которое, в сущности, нарушает Его собственные законы. Нам трудно и даже невозможно представить себе Бога, безответственно одевающего милосердием одних, а не других, и возводящего на престол короля, которому предназначена лишь роль куклы или манекена для демонстрации Его собственной мстительной силы. Но для иудея этот довод был бы обоснованным и убедительным, ибо, опять-таки, он означает, что за всем стоит Бог.

Опять же в основании этого довода лежит великая истина. Невозможно судить об отношениях между Богом и людьми в категории *справедливости*. Человек вообще не может требовать от Бога чего-либо. Творение не имеет никаких прав требовать чего-то от Творца. Но как только в рамках этих отношений ставится вопрос о справедливости, тут же получаем ответ: перед Богом человек не имеет никаких заслуг и не может требовать чего-либо от Него. В отношениях Бога с людьми существенными элементами являются Его воля и Его милосердие.

19-29

Горшечник и глина. (Рим. 9,19-29)

В предыдущем абзаце Павел показал, что на протяжении всей истории Израиля шёл непрерывный процесс отбора и выбора Богом. Встаёт совершенно естественное возражение: если за всем этим процессом отбора и выбора, осуществляемы самим Богом, то как же, собственно, может Бог порицать людей, которые отвергли Его? Следовательно, в этом вовсе не может быть их вины, но вина Бога. Ответ Павла резок, почти груб. Он говорит, что ни один человек не имеет права спорить с Богом. Когда горшечник делает сосуд, то последний не может возражать горшечнику, он имеет абсолютную власть над горшком. Из одного куска глины он может сделать сосуд для торжественных целей, а из другого - горшок для будничного употребления, а сама глина не может возразить против этого и не имеет никакого права протестовать. Собственно говоря, Павел взял эту картину у Иеремии (*Иер. 18,1-6*). В связи с этим можно обратить внимание на два обстоятельства:

1) На наш взгляд это плохая аналогия. Один крупный комментатор Нового Завета сказал, что это один из тех немногих отрывков, который лучше бы и не был написан Павлом. Существует принципиальное различие между человеческим существом и куском глины. Человеческое существо - это *личность*, а кусок глины - *вещь*. Может быть, вы и можете сделать всё, что захотите с *вещью*, но вы не можете делать всё, что вам угодно с *личностью*. У глины не может возникнуть желание возразить или задать вопрос; она не может чувствовать и думать, смущаться и мучаться. Человеку, пережившему ужасное горе, не станет легче, если ему скажут, что у него нет никакого права жаловаться, потому что Бог может делать, что Ему угодно. Это признак тирана, а не любящего Отца. Лейтмотивом Евангелия как раз и является мысль, что Бог *не* обращается с людьми так, как гончар с куском глины; Он обращается с ними, как любящий отец со своим ребёнком.

2) Но, сказав это, мы должны помнить ещё одно: Павел написал это с болью в сердце. Он был потрясён тем фактом, что избранный Богом народ, его соплеменники, отвергли и распяли Сына Божия. Не то чтобы Павел *жаждал* сказать всё это: он был к этому вынужден. Он мог найти этому лишь одно объяснение: для своих собственных целей Бог каким-то образом ослепил свой народ.

Во всяком случае, Павел не ставит здесь точку. Он говорит далее, что отвержение иудеями Сына Божия должно было произойти, чтобы язычники могли войти во врата веры. Но этот довод, по-нашему не может быть назван удовлетворяющим. Одно дело предполагать, что Бог *воспользовался* создавшимся трагическим положением, чтобы извлечь из него какое-то добро; но совсем другое сказать, что Он дал эту трагическую ситуацию, чтобы извлечь из неё пользу. Павел говорит, что Бог умышленно затуманил разум, ослепил глаза и ожесточил сердца большей части народа Израиля, чтобы открыть врата язычникам. Следует, конечно, помнить, что этот довод привёл не богослов, спокойно сидящий в своём кабинете и создающий теории. Это довод человека, отчаянно ищущего всей своей душой объяснение непостижимому факту. В конце концов Павел смог найти лишь один ответ: Бог сам сделал это. Опять же следует помнить, что Павел спорил с Иудеями, и он знал, что может привести лишь одно обоснование своего довода: цитаты из их же собственных священных книг. И для доказательства того, что отвержение иудеев и принятие язычников были Предсказаны в писаниях пророков, Павел продолжает Цитировать пророков. Осия говорит, что Бог сказал, что он сделает своим народом народ, который не был Его народом (*Ос. 2,23*), и будет говорить им: "Вы сыны Бога живого" (*Ос. 1,10*). Павел показал, что Исаия предвидел, что будет уничтожен весь народ Израиля, кроме небольшой его части (*Ис. 10,22.23; 37,32*). Павел утверждает, что Израиль мог бы предвидеть свою судьбу, если бы только понял пророков. Нетрудно критиковать Павла, изучая этот отрывок, но следует помнить, что Павел, отчаянно страдая за свой народ, цеплялся за мысль, что так или иначе - всё от Бога, всё дело рук Божиих. Кроме этого ему ничего иного, не оставалось сказать.

30-33

Ошибка иудеев (Рим. 9,30-33)

Здесь Павел сопоставляет два образа чувств к Богу. С одной стороны имелся иудейский образ чувств. Иудеи ставили своей целью достижение праведности в глазах Бога и эту праведность они думали заслужить. Можно выразить это иначе и тогда будет видно, что же это значит. В основе своей иудейская мысль состояла в том, что человек, строго выполняющий требования послушания, может обеспечить себе, так сказать, положительный баланс. В результате этого Господь останется у него в долгу и должен будет дать ему спасение. Но было ясно, что это значило идти на верный проигрыш, ибо человеческое несовершенство никогда не удовлетворит совершенство Бога; что бы человек ни сделал - это всё же не смогло бы компенсировать и части того, что Бог сделал для него.

Именно к такому выводу пришёл Павел. Как он иудей тратил всю свою жизнь в поисках закона, выполнение которого обеспечило бы ему праведность в глазах Бога, но никогда не смог найти его, потому что такого закона вообще нет. Язычник же никогда и не приступал к этим поискам, но когда он сталкивался внезапно с непостижимой любовью Божией в Иисусе Христе, он просто отдавался на волю этой любви в истинной вере. Это было так, как будто язычник увидел распятие и сказал: "Если Бог меня так любит, я могу доверить Ему свою жизнь и душу".

Иудеи пытались сделать Бога своим должником; язычники были согласны быть в долгу у Бога. Иудеи верили, что они могут получить спасение, делая что-то для Бога; язычники же были поражены тем, что Бог сделал для них. Иудеи искали путь к Богу на стезях деяний, язычники же пришли к Нему стезями веры.

Я не мог соблюсти закон

И был к смерти осуждён.

Грех преследовал меня

Сердце жёг сильнее огня,

И я мог найти покой

Лишь в скале Христа святой!

На это Павел сказал бы "Аминь".

Камень представляет собой одну из характерных отсылок, встречающихся у ранних христианских авторов. В Ветхом Завете встречается несколько довольно загадочных упоминаний о камне. В *книге пророка Исаии* 8,14 сказано, что Бог будет *"камнем преткновения и скалою соблазна* для обоих домов Израиля"... В той же книге 28,16 Бог говорит: "Я полагаю в основание на Сионе камень, *камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утверждённый*". В *книге пророка Даниила* 2,34.35.44-45 также имеется упоминание о таинственном *камне*. В *Псалме* 117,22 записано: *"Камень, который отвергли строители, сделался главою угла"*.

Когда христиане начали искать в Ветхом Завете предсказания о пришествии Христа, они пришли посредством этих упоминаний к чудесному камню, отождествляя Иисуса с ним. Основанием для этого стала евангельская история, в которой Иисус сам цитирует (*Пс.* 117,22) о себе (*Мат.* 21,42). Этот камень, являющийся надёжным основанием, краеугольным, связывающим все строение, камень, сначала отвергнутый строителями, а потом ставший самым важным камнем из всех камней - христиане принимали за аллегорический образ самого Христа.

Приведённая здесь Павлом цитата представляет собой комбинацию *Ис.* 8,14 и 28,16. Христиане, включая Павла, понимали эту цитату так: Бог предназначил Своего Сына стать основой жизни каждого человека; однако, когда Он пришёл, иудеи отвергли Его, и потому этот дар Божий, предназначенный для спасения иудеев, стал причиной их проклятия. Эта картина камня восхищала христиан. Мы встречаем её вновь и вновь в Новом Завете (*Деян.* 4,11; *Еф.* 2,20; *1 Пет.* 2,4-6).

В сущности, за всем этим стоит следующая вечная истина: Иисус был послан в этот мир, чтобы быть Спасителем человечества; но Он одновременно является и пробным камнем, мерилем, по которому будет судим каждый человек. Если сердце человека исходит любовью и покорностью к Нему, то Иисус явится для него спасением. Если же сердце человека останется неподвижным и злобно-бунтарским, то Иисус явится для него проклятием. Иисус пришёл в мир для нашего спасения, но, в соответствии с отношением к Нему, человеку может быть дано или спасение или же осуждение на проклятие.

Глава 10

1-13

Неуместное рвение (Рим. 10,1-13)

Павел высказал несколько неприятных для иудеев мыслей. Он говорил им истины, которые тяжело было слышать и принимать. Весь раздел от главы 9 до 11 *Послания к Римлянам* осуждает отношения израильтян к Богу. Но от начала до конца в нём отсутствует и гнев: в нём звучит лишь страстное тоскующее желание и искренняя тоска. Единственное желание Павла - спасти иудеев.

Если мы хотим привлечь людей к христианской вере, наше отношение должно быть именно таким же. Знаменитые проповедники знали это. "Не бранитесь", говорил один из них. "Всегда старайтесь не повышать голоса", говорил другой. Один из великих современных проповедников определил проповедь "умалением людей". Иисус оплакивал Иерусалим. Нам знакома проповедь, которая гневными словами проклинает грешников, но Павел всегда говорит истину с любовью.

Павел был вполне готов согласиться с тем, что иудеи "имеют ревность по Боге"; но он также видел, что эта ревность была неправильно направлена. Иудейская религия была основана на выполнении закона. Однако ясно, что такое повиновение мог оказывать только

человек, относящийся чрезвычайно серьёзно к своей религии. Это было не просто. Повиновение могло часто вызывать крайние затруднения и осложнять жизнь различными неприятностями.

Возьмём, например, закон субботы. В нём было установлено, какое расстояние человек может пройти в субботу. Там также было установлено, что человек может поднимать предмет не тяжелее двух сушеных винных ягод, что никакой пищи в субботу нельзя готовить. В случае болезни, в субботу можно было предпринимать меры, предотвращающие ухудшение состояния больного, но нельзя ничего делать для поправления его здоровья. Ещё и в настоящее время есть в этой стране ортодоксальные иудеи, которые в субботу не поправят огня в печи и не включают света. Если все же необходимо поправить огонь в печи, то на это нанимают язычника. Достаточно богатые иудеи иногда устанавливают реле времени, включающее свет в сумерки в субботу, чтобы не делать этого самим.

Это достойно не улыбки, а восхищения. Идти путём, начертанным законом, было не просто. Никто и не стал бы на него, если бы он не принимал его серьёзно. Иудеи всегда были усердными и остались такими доныне. Павлу было не трудно воздать им должное в этом, но их усердие было неправильно применено и неверно направлено.

В четвёртой книге Маккавеев приводится поразительный случай. Иудейский жрец Елеазар был приведён к Антиоху Епифану, поставившего перед собою цель искоренить иудейскую религию. Антиох приказал Елеазару есть свинину. Старый жрец отказался. "Нет, даже если ты вырвешь мои глаза и сожжёшь мои внутренности. Мы, о Антиох, - сказал он, - живущие в соответствии с божественным законом, не представляем себе повинности более обязывающей, чем повиновение нашему закону". Если даже и умереть, то так, чтобы отцы приняли его как "святого и непорочного". Его приказали отстегать кнутом. "Кнуты рвали с него мясо, кровь ручьями потекла и рёбра его обнажились от ран". Он упал и солдат ударил его ногой. Его стойкость вызвала сострадание у солдат и они принесли ему приправленное мясо - не свинину - и сказали ему, чтобы он ел его и сказал, что он ел свинину. Он отказался. В конце концов, его убили. "За Твой закон от жгучих мучений умираю", стонал он в молитве. "Он противился", говорит автор, "ради закона до смертельной агонии".

И ради чего всё это? *Из-за свинины: есть или не есть её.* Кажется непостижимым, что человек должен умереть таким образом ради такого закона. Но иудеи умирали так. Воистину, они с рвением и усердием относились к закону. Никто не может сказать, что они не были безрассудно серьёзными в своём служении Богу.

Они считали, что таким повиновением закону человек заслужит доверие Господа. Ничто не показывает лучше взгляды иудеев, чем их деление человечества на три класса. Были благочестивые, то есть те, которые добивались положительного баланса; но были и неблагочестивые, которые имели отрицательный баланс, имелись же ещё и такие, которые находились между положительным и отрицательным балансом, которые, сделав ещё одно хорошее дело, попадали в класс благочестивых. Всё это сводилось к закону и деяниям. На это Павел отвечает: "Конец закона - Христос". Под этим он подразумевает следующее: "Христос - конец законного подхода". Отношения между Богом и человеком более не являются отношениями между заимодавцем и должником, чиновником и служащим, судьей и подсудимым. Благодаря Иисусу Христу, человек более не стоит перед задачей удовлетворить требования Божественной справедливости; ему нужно только принять Его любовь. Он более не должен заслуживать расположения Бога; ему надо только принять Его благодать, любовь и милосердие, которые ему даются совершенно безвозмездно.

Для доказательства этого Павел пользуется двумя цитатами из Ветхого Завета. Сперва он приводит цитату из *Лев. 18,5*, где сказано, что если человек точно исполняет заветы закона, он обретёт жизнь. Это правда - *но никто никогда не сделал этого*. Далее Павел цитирует *Втор. 30,12.13*, где Моисей говорит, что закон Божий не является недоступным и невозможным; он в устах человека, в его жизни и сердце. В этом отрывке Павел говорит

аллегорично: не наши усилия привели Христа в этот мир и воскресили Его. И не нашими деяниями заслужено великодушие. Всё свершено для нас и нам остаётся лишь принять это.

Стихи 9 и 10 имеют первостепенное значение. В них изложена основа первого христианского вероисповедания.

1) Человек должен признать *Иисуса Христа Господом*. Слово *куриос* означает Господь. Оно является ключевым для раннего христианства, и имеет четыре различные по степени значения: (а) Обычное обращение, выражающее уважение к человеку, подобно русскому "*государь*", (б) Обычный титул римских императоров, (в) Обычный титул греческих богов, стоящий перед именем Бога. *Куриос серапис* - это Господь Бог. (г) В греческих переводах иудейских священных книг "*куриос*" обычно употребляется для перевода Божественного имени Ягве, Иегова. Поэтому, если человек называл Иисуса *куриос*, он равнял его с императором и Богом. Он этим давал ему самое почётное место в своей жизни; он обещал ему своё безоговорочное послушание и благоговейное почитание. Назвать Иисуса "*куриос*" значило считать его единственным в своём роде". Поэтому человек-христианин должен понимать эту абсолютную уникальность Иисуса Христа.

2) Человек должен верить, что Иисус воскрес из мёртвых. Воскресение из мёртвых имело принципиальное значение для христианской веры. Христианин должен верить не только в то, что Иисус *жил*, но и что Он *живёт*. Он не только должен *знать о Христе*, но он должен *знать* Его. Христианин не изучает историческую личность, какой бы великой она ни была; он живёт с реальной действительностью. Христианин должен знать не только Христа *мученика*, но и *Христа победителя*.

3) Человек не только должен верить сердцем; он должен исповедовать свою веру своими устами. Христианство - это вера плюс исповедание её. Оно включает свидетельство перед людьми. Не только Бог, но и наши соплеменники должны знать за кого мы.

Иудею было бы трудно поверить, что путь к Богу лежит не через закон; такая вера и такое принятие были потрясающе и невероятно новыми для него. Ему было бы также трудно поверить, что путь к Богу открыт *каждому*. В его представлении язычники находились совсем не в том положении, в котором были иудеи. Поэтому Павел завершает свой аргумент цитатой из Ис. 28,16: "верующий в него не постыдится". Здесь нет слова о законе; всё основано на вере. Потом Павел цитирует Иоилия 2;32: "*Всякий, кто призовет имя Господне, спасётся*". Здесь нет никаких ограничений: обещание дано *каждому*; нет никакого различия между иудеем и эллином.

В сущности, этот отрывок является призывом к иудеям оставить путь соблюдения закона и ступить на путь благодати. Он призывает к исследованию этого, ибо их рвение ложно направлено. Это призыв прислушаться к пророкам, которые уже давно заявили, что вера - единственный путь к Богу, и что этот путь открыт каждому.

14-21

Разрушение оправданий (Рим. 10,14-21)

Большинство комментаторов согласны в том, что это один из самых трудных и неясных отрывков в Послании к Римлянам. Кажется, что этот отрывок представляет собой не столько завершённый отрывок, сколько конспект. Будто склад его речи подобен телеграмме. Возможно, перед нами заметки какого-то обращения, в котором Павел пытался убедить иудеев, что они впали в заблуждение. В основном схема такова: в предыдущем отрывке Павел говорил, что путь к Богу ведет не через деяния и закон, а через веру и доверие. Но на это можно возразить: а как быть, если иудеи никогда не слышали об этом? Ответ Павла относится именно к этому возражению, и, отвечая на него всесторонне, он подкрепляет каждый аспект цитатой из Священного Писания.

Давайте рассмотрим возражения и приведённые на них цитаты из Священного Писания

один за другим.

1) Первое возражение гласит: "Как призвать Того, в Кого не уверовали? Нельзя верить в Бога, если не слышишь о Нём. Как услышать без проповедующего? И как проповедовать, если не будут посланы?" На это возражение Павел отвечает, цитируя из *Ис. 52,7*, в котором пророк указывает на то, что люди с радостью встречают тех, кто благовествует благие вести. Итак, первый ответ Павла таков: "Вы не можете сказать, что к вам никто не был послан проповедовать: Исаия описывает этих самых посланников-благовестников, а Исаия жил давно".

2) Второе возражение: "Но, в сущности, Израиль не слушал благовествования, даже если довод верен. Что же скажете на это?" Павел отвечает: "Неверие Израиля можно было ожидать, ибо, ещё очень давно Исаия был вынужден сказать в отчаянии: "Господи, кто поверил слышанному от нас?" (*Ис. 53,1*). Верно, что Израиль не принял благовествования от Бога, и в своём отказе шёл к своему предназначению; история повторилась.

3) Третье возражение является повторением первого: "Но что, если я буду настаивать на том, что они никогда не имели возможности услышать о Нём?" На этот раз Павел цитирует *Пс. 18,5*: "По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их". Ответ же его таков: "Нет оснований утверждать, что у Израиля не было возможности слышать; ибо в Писании ясно сказано, что благовествование Божие провозглашено *всем* на земле".

4) Четвертое возражение таково: "Что, если Израиль не понял благовествования?" Очевидно смысл следующий: "А что, если это послание было настолько трудно понять, что, даже услышав его, Израиль не смог понять его смысл?" И вот здесь-то отрывок становится действительно трудным. Но ответ Павла звучит так: "Израиль может быть и не понял, но язычники поняли. Они правильно восприняли значение этого предложения, когда оно неожиданно нежданно пришло к ним". Чтобы доказать это Павел цитирует два отрывка; первый из *Втор. 32,21*, где Бог говорит, что из-за непослушания и противления Израиля, Он передаст Свою благосклонность другому народу, а они, иудеи, будут завидовать народу, который (прежде) не был народом. Второй отрывок взял Павел из *Ис. 65,1*, где Бог говорит, что странным образом "Меня нашли не искавшие Меня".

Наконец, Павел устанавливает, что на протяжении всей истории Бог простирал руки Свои, призывая Израиль, но он оставался всё время непослушным и упрямым.

Подобный отрывок может показаться нам странным и неубедительным; может также показаться, что некоторые, по крайней мере, из цитированных текстов, были вырваны Павлом из контекста и им было придано значение, которого им никогда не предназначалось. Но всё же этот отрывок имеет непреходящее значение: в нем изложено убеждение, что некоторые формы незнания непростительны.

1) Сюда относится неведение, происходящее от пренебрежения знанием. Существует юридический принцип, согласно которому искренняя неосведомлённость может послужить оправданием, чего пренебрежение знанием никогда не может. Человека нельзя порицать за то, что он никогда не мог узнать; но его можно обвинить пренебрежением узнать то, что всегда было доступно для него. Например, если человек подписывает договор, не читая его условий, то он не может впоследствии пожаловаться, узнав, что условия договора совершенно не соответствуют его представлениям. Если мы пренебрегли подготовиться для выполнения определённой задачи, если нам для этого предоставили все возможности, то мы должны быть осуждены. Человек несёт ответственность за незнание того, что он мог узнать.

2) Сюда относится неведение, исходящее из преднамеренной слепоты. Человек обладает неограниченной и роковой способностью не замечать того, чего не хотят видеть, не слышать того, чего не хотят слышать. Он может отлично сознавать губительность некоторых привычек, определённого образа жизни или дружеских связей, но он может попросту отказаться смотреть фактам в лицо. Умышленно закрывать глаза может иногда оказаться добродетелью,

но чаще всего это безумие.

3) Сюда относится неведение, являющееся по существу, ложью. Случаи, вызывающие у нас сомнение, в действительности встречаются намного реже, чем мы обыкновенно предполагаем. По существу, лишь очень редко мы можем сказать: "Я никогда бы не подумал, что всё может так случиться". Бог дал нам сознание и руководство Его Святого Духа; а мы часто заявляем, что мы не знали чего-то; хотя, если бы мы были честными, нам пришлось бы согласиться с тем, что в тайнах сердца нашего нам была известна истина.

Об этом отрывке нужно сказать ещё одно. В доводе, в его настоящем виде, содержится противоречие. В этом отрывке Павел хотел доказать личную ответственность иудеев. Им следовало знать лучше, но они отвергали призыв Бога. Но ведь Павел аргументировал тем, что всё от Бога, и что человек может повлиять на весь ход событий не более, чем глина на работу гончара. Он поставил рядом два положения: всё от Бога, и во всём человеку дан выбор. Павел даже не пытается разрешить эту дилемму, ибо она является результатом человеческого опыта. Мы знаем, что за всем стоит Бог и одновременно знаем, что мы обладаем свободой воли и можем принять или отклонить предложение Бога. Парадокс положения человека и состоит именно в том, что Бог направляет всё, а человек обладает свободой воли.

Глава 11

1-12

Черствое сердце (Рим. 11,1-12)

Теперь следовало ответить на вопрос, который обязан был задать каждый иудей: Значит ли всё это, что Бог отрекся от Своего народа? Сердце Павла не могло вынести такого вопроса. Ведь он сам принадлежит к этому народу. Поэтому он обращается к идее, проходящей через большую часть Ветхого Завета. В своё время Илия был в отчаянии (3 Цар. 19,10-18). Илия пришёл к заключению, что он один остался верным Богу. Но Бог ответил ему, что в действительности в Израиле было ещё семь тысяч, не преклонивших колен пред Ваалом. Так в мышление и в философию иудеев вошла идея *об остатке*.

Пророки начали понимать, что никогда не было и никогда не будет такого, чтобы весь народ был верен Богу; но, тем не менее, в народе всегда оставался остаток, никогда не изменявший своей вере и не ставивший под сомнение свою веру в Бога. Пророки, один за другим, сознавали это. *Амос* (9,8-10) представляет себе Бога, просеивающего людей как зерно в решете, пока не останутся только одни благочестивые. *Михей* (2,12; 5,3) имел видение, что Бог собирает остатки Израиля. У *Софонии* (3,12.13) та же идея. Иеремия предвидел, что весь остаток будет собран из всех стран, где они рассеяны (*Иер.* 23, 3). Иезекииль, индивидуалист, был убеждён, что человек не может быть спасён ни расовой, ни наследственной праведностью (*Иез.* 14,14.20.22). Но более всего преобладала эта идея у Исаии. Он дал своему сыну имя Шеар-Ясув, что значит "*спасение остатка*". Снова и снова возвращается он к идее оставшегося верным Богу остатка, который будет спасён Богом (*Ис.* 7,3; 8,2.18; 9,12; 6,9-13).

Эта идея - заря великой истины. Как выразился один знаменитый учёный: "Ни одна церковь, ни один народ не может получить спасение в целом". Идея "*избранного народа*" несостоятельна по этой фундаментальной причине. Взаимоотношения с Богом носят чисто индивидуальный характер. Человек должен и отдать своё сердце и подчинить свою жизнь Богу, который не призывает людей толпами: "У Него есть ключ к сердцу каждого". Человек не спасён уже потому, что он член семьи или народа, либо унаследовал праведность или спасение от своих предков; человек спасён потому, что он лично решил принять Бога. Поэтому не весь народ, взятый в общей массе, - Избранный народ. Остаток составляют отдельные мужчины и женщины, отдавшие своё сердце Богу.

Павел утверждает, что народ Израиля не был отвергнут; но истинными иудеями является не весь народ в целом, а сохранившийся в нём верный Богу остаток.

А что же будет с остальными? И вот при этом Павлу приходит страшная мысль. Он представляет себе, что Бог насылает какое-то оцепенение на них, какую-то вялую сонливость, сквозь которую они не могут и не хотят слышать. Он связывает воедино целый ряд отрывков из Ветхого Завета в одну мысль, чтобы доказать это (*Втор.* 29,4; *Ис.* 6,9.10; 29,10). Павел также цитирует *Псалом* 68,23.24: "Да будет трапеза их сетью". Мысль здесь состоит в том, что люди наслаждаются, сидя удобно на своём пиру; и чувство покоя и безопасности стало их погибелью. Они чувствуют себя столь надёжно в своей воображаемой безопасности, что враг может совершенно незаметно напасть на них. Именно таковыми были израильтяне. Они чувствовали себя настолько самоуверенно, столь в безопасности, и удобно в сознании своей принадлежности к Избранному Народу, - что, именно, это сознание явилось причиной их гибели.

Настанет день, когда они вовсе не смогут видеть, и когда они будут ходить ощупью с согбенными спинами, подобно слепцам, бредущим, спотыкаясь в темноте. Стих 7 гласит: "а прочие ожесточились". Павел использует греческий глагол *пороун*. Но соответствующее существительное *поросые* позволит лучше передать его смысл. Существительное *поросые* - медицинский термин и означает оmozолозeлoсть. Этот термин применялся для обозначения костной мозоли, образующейся вокруг трещин кости или в месте перелома; это твердое костное образование, содействующее заживанию. Если мозоль образуется на теле, оно теряет свою чувствительность. Разум большей части людей стал нечувствительным, невосприимчивым; они более не могут слышать и чувствовать призывы Бога.

Это может случиться с каждым. Если человек идёт слишком далеко своим путём, он становится нечувствительным к призывам Бога. Если он продолжает грешить, он становится, в конце концов, нечувствительным, невосприимчивым к ужасу грехов и к прелести добродетели. Человек, достаточно долго проживший в отвратительных условиях, становится, в результате, нечувствительным к ним. Как писал поэт Роберт Берне:

Не беспокоит груз грехов
Опасность их укрывания;
Но как черствеет всё внутри,
Немеют осязания.

Точно так же, как мозоль может образоваться на ладони, она может оказаться и на сердце. Это-то именно, и произошло с большинством израильтян. Боже, упаси нас от этого!

Но Павел хочет сказать больше: Израильтян постигла трагическая судьба; но Бог опять же решил извлечь из этого печального события благо, потому что эта нечувствительность израильтян открыла язычникам врата к Богу. Потому, что Израиль не пожелал слушать благую весть, она достигла тех, которые с радостью приняли её. Отказ Израиля обогатил мир.

Затем Павел излагает свои заветные мысли. Если отказ Израиля принять благую весть обогатил мир, открыв дверь благодати язычникам, то какие же сокровища, ожидают мир в конце, когда будет полностью осуществлён план Бога и Израиль тоже преступит врата веры?

Итак, в конце концов, за трагедией приходит надежда. Израиль стал бесчувственным, сердце его очерствело; язычники же пришли через веру и доверие к любви Божией; но придёт день, когда любовь Божия растопит лёд чёрствых сердец, и язычники и израильтяне войдут к Богу. Павел глубоко убеждён, что в конечном результате ничто не может разрушить любовь Божию.

Дикая маслина - привилегия и предупреждение (Рим. 11,13-24)

До сих пор Павел обращался к иудеям, а теперь он обращается к язычникам. Являясь апостолом язычников, он никогда не может забыть своего народа. В самом деле, его главная цель состоит в том, чтобы возбудить у иудеев ревность, показав им, что сделало христианство для язычников. Один из наиболее убедительных путей вызвать в человеке желание принять христианство заключается в том, чтобы он увидел, что оно дало людям и что оно может дать ему.

В одном сражении был ранен солдат. Священник выполз к нему и сделал всё, что он мог для воина, и когда армия отступила, он остался с ним. В жаркое время дня он давал ему воды испить из своей фляжки, хотя сам он томился жаждой. Ночью, когда стало холодно, он накрыл воина своим собственным плащом, а потом завернул его и в свои другие одежды, чтобы уберечь его от холода. Потом воин взглянул на священника и спросил: "Отче, ты христианин?" - "я пытаюсь быть им", - ответил священник.

"Если", сказал раненый воин, "Христианство побуждает человека делать то, что ты сделал для меня, то расскажи мне о нём, потому что я хочу его". Христианство в действии пробудило в нём желание к вере, которая создает такую жизнь. Надежда, молитва и стремление Павла состояли в том, чтобы показать иудеям, что христианство дало язычникам и пробудить в них желание принять его.

Если бы иудеи приняли его, это было бы для Павла раем. Если отвержение иудеев совершило такое великое благо, если это отвержение примирило язычников с Богом, - то какая же великая слава должна явиться миру, когда к Богу войдут иудеи. Если даже трагическое несчастье - отвержение - привело к такому чудесному результату, то каким будет тот счастливый конец, когда трагедия отвержения сменится славой принятия? Павел может лишь сказать, что это подобно воскресению из мёртвых.

Далее Павел рисует две картины, показывающие, что иудеи не могли быть окончательно отвергнуты. Всю пищу нужно было перед едой сперва предложить Богу. В законе сказано (*Чис. 15,19.20*), что первую часть приготовленного теста следовало принести в жертву Богу, после чего всё тесто становилось священным. Не нужно было приносить, так сказать, в жертву каждый отдельный ломтик хлеба. Принесение в жертву первой части делало священным всё тесто. Было обычным явлением сажать в местах, посвящённых Богу, священные деревья, которые посвящались Богу, и в последствии каждая ветвь такого Дерева считалась посвящённой Богу.

Отсюда Павел заключает: патриархи были посвящены Богу, они обладали способностью слышать голос Бога и исполняли Его Слово. Они были особым образом избраны Богом и посвящены Ему. От них произошёл весь народ Израиля, и точно так же, как первая горсть теста, посвящённая Богу, делала священным всё тесто, а посвящённый Богу отросток делал священным всё дерево, так и особое посвящение его патриархов делало весь народ в совершенно особом смысле посвящённым Богу. В этом заключается истина; остатки Израиля не сами по себе такие сильные, они унаследовали веру от предков. Каждый из нас живёт до некоторой степени от духовного наследия прошлого. Никто из нас не является телом своих рук. Мы представляем собой произведение своих родителей и предков; даже если мы далеко ушли от них, от своего наследия, и стыдимся его, мы не можем полностью отречься от благодати и верности, сделавших нас тем, чем мы являемся.

Павел продолжает свою мысль, употребляя сложную аллегория. Пророки неоднократно изображали народ Израиля в виде оливкового дерева Господа. Это было вполне естественно, потому что маслина была самым типичным и самым полезным деревом Средиземноморья. "Зеленеющей маслиною, красующеюся приятными плодами, именовал тебя Господь" (*Иер. 11,16*). "Расширятся ветви его, - и будет красота его как маслины" (*Ос. 14,6*). Поэтому Павел изображает язычников как ветви дикой маслины, привитой на культурной садовой маслине,

которой является народ Израиля. С точки зрения садоводства это совершенно невозможно. Прививают культурную маслину на дикий ствол, чтобы получить культурную плодоносящую маслину. Метод, нарисованный Павлом, никогда не применялся на практике, потому что он не дал бы полезных результатов. Однако, совершенно ясно, что Павел хочет сказать этим. Язычники находились в пустыне, в их местах среди дикого вереска, а теперь, актом Божественного милосердия, они оказались привитыми на богатую и плодоносящую садовую маслину.

Исходя из сказанного выше, Павел считает необходимым сказать два важных слова.

1) Во-первых, это *слово предупреждения*. У язычников легко могло бы возникнуть презрительное отношение к другим. Разве иудеям не было отказано, чтобы им можно было войти. В мире, где Иудеев все ненавидели, такое отношение не представляло бы ничего особенного. Но предупредительное слово Павла всё-таки полезно. В сущности, он говорит, что *христианство не могло бы возникнуть, если бы не было бы сперва иудаизма*. Тот день будет несчастьем, когда христианская Церковь забудет, чем она обязана корням, из которых она возникла. Она столь многим обязана иудаизму, что сможет отплатить лишь тем, что принесёт христианство иудеям. Так Павел предостерегает язычников от презрения к иудеям. Если из-за неверия природные ветви были обломаны, то ещё легче это может произойти с только что привитыми ветвями, неумолимо заявляет Павел.

2) Во-вторых, это *слово надежды*. Язычники познали доброту Господа, а иудеи - Его строгость. Если язычники будут и далее пребывать в этой вере, то они и далее пребудут в Божией благодати; но если иудеи отойдут от своего неверия и придут к вере, то и они будут вновь привиты. Если, говорит Павел, возможно привить дикую ветвь на садовую маслину, то насколько проще и естественней будет привить на неё собственные ветви маслины? Павел снова мечтает о том дне, когда иудеи войдут к Богу.

Многое в этом отрывке трудно понять. Павел мыслит в образах, совершенно не свойственных для нынешнего мира; но одна мысль совершенно ясна - прямая связь между иудаизмом и христианством, между старым и новым. Здесь дан ответ тем, кто хотел бы отбросить Ветхий Завет, как книгу, относящуюся исключительно к истории Израиля, и не имеющую никакого отношения к христианству. Только глупец может отбросить лестницу, при помощи которой он поднялся вверх. Лишь глупая ветвь отрежет себя от своего ствола. Иудейская вера - это корень, из которого выросло христианство. Совершенство может быть достигнуто лишь в том случае, если дикая и садовая маслины образуют единство, и когда на родительском древе не останется ни одной не привитой ветви.

25-32

Чтобы все было по милости (Рим. 11,25-32)

Павел приближается к концу своих доводов. Он столкнулся со смутной и болезненной для него, как иудея, ситуацией. Он должен был найти какое-то объяснение тому факту, что избранный Богом народ отверг Его Сына, когда Он явился в мир. Павел никогда не закрывал глаза на этот трагический факт, но он нашел способ, связать всю эту трагическую ситуацию с предначертаниями Бога. Иудеи действительно отвергли Христа; но, как считал Павел, это должно было произойти, чтобы к Нему могли приобщиться язычники. Чтобы сохранить идею об абсолютной самостоятельности целей и предначертаний Божиих, Павел даже утверждал, что это Он Сам ожесточил сердца Иудеев с тем, чтобы этим отворить врата язычникам; но, даже после этого, - как парадоксально это ни звучит, - Павел продолжает настаивать на личной ответственности Иудеев за то, что они не приняли предложение Бога. Он одновременно придерживался идеи суверенитета Божьего и человеческой ответственности. Но затем Павел вводит ещё один элемент: надежду. Его довод немного сложный и чтобы облегчить его понимание нам придётся расчленить его и выделить различные вложенные в нём моменты.

1) Павел уверен в том, что сердца иудеев очерствели не совершенно и не окончательно. Очерствение служило целям Божиим, и, после их совершения, оно будет снято.

2) Павел излагает *парадоксальное* положение иудеев в предназначениях Господа. Чтобы язычники тоже могли войти, и, чтобы могли быть воплощены универсальные предначертания Евангелия, иудеи попали в такое положение, когда они стали врагами Господа. В связи с этим Павел употребляет греческое слово *эхтрои*, которое не так-то просто перевести, потому что оно имеет одновременно и активное и пассивное значение: оно может быть переведено и как "*ненавидящий*" и как "*ненавидимый*". Возможно, что в данном отрывке его следует читать в двух значениях. Иудеи были враждебно настроены к Богу и отказались принять Его жертву, и, поэтому, они вызвали Его недовольство. Именно в таком положении находились иудеи в тот час. Но ничто не могло изменить того факта, что иудеи являлись Избранным Богом Народом. Они занимали особое место в Его плане. Независимо от того, что они делают, Бог никогда не мог отступить от Своего слова. Он положил Свой завет между Собой и их отцами, и он исполнится. Поэтому Павлу было ясно, и он цитирует для этого *Ис. 59,20.21*, что отвержение Иудеев не является окончательным; они тоже должны придти к Богу.

3) И здесь Павлу приходит странная мысль. "Бог", говорит он, "всех заключил в непослушание, чтобы всех помиловать". Но одного Павел не мог себе представить: что любой человек любого народа может заслужить спасение. Опять-таки, если иудеи соблюдали бы полное повиновение воле Божией, то они могли бы считать, что заслужили по праву спасение Господа. Итак, Павел говорит, что Бог толкнул иудеев к неповиновению для того, чтобы, когда это спасение придёт к ним, было совершенно ясно, что оно является актом Его милосердия, а никоим образом результатом их заслуг. Ни иудей, ни язычник не может быть спасен иначе, как через милосердие Божие.

Довод Павла может показаться странным с многих точек зрения, а приводимые им "доказательства" - неубедительными. Некоторые из его высказываний могут даже потрясти разум и сердце. Но нельзя утверждать, что этот довод здесь совершенно неуместен, ибо за него стоит важное явление - *философия истории*. Согласно Павлу *Бог руководил всем*. Ничто не двинется с места без цели. Даже самое душераздирающее событие происходит только по Божьему предначертанию для претворения Его целей. События никогда не могут выйти из-под абсолютного контроля Бога. Цели Господа никогда не могут быть тщетными.

Говорят, что однажды в штормовую ночь ребёнок, стоявший у окна своей комнаты и видевший бешеные порывы ветра, сказал: "Бог, должно быть, потерял управление своими ветрами". Согласно Павлу, этого-то никогда не могло произойти. Ничто никогда не может выйти из-под контроля и управления Бога: всё служит Его целям.

В дополнение к этому Павел мог бы высказать ещё одно потрясающее убеждение. Павел настаивал бы на том, что во всём и посредством всего цель Бога заключается в: *спасении, а не разрушении*. Вполне возможно, что Павел мог пойти ещё дальше и сказать, что все эти предначертания Божий должны служить спасению людей *против их воли*. В конце концов, Павел пришёл к выводу, что не гнев Божий преследует людей, а Его любовь.

Положение Израиля трогательно изображено в первой половине песни:

Жизнь моя терялась в суете,

О Христе не думал и не знал,

Что за грешников Он пострадал

Там на кресте.

Слово Божье грех открыло мой.

Погибал я в страшной пустоте.

Вдруг Христа увидел пред собой

Там на кресте.

Бог любви открыл спасенья план.

Благодать явилась в полноте.

Примиритель грешным людям дан

Там на кресте.

В подобном положении находились израильтяне. Они вели действительно борьбу против Бога; и они ведут её и теперь. Но любовь Божия всегда с ними. Как бы мы ни читали главы 9-11 Послания к Римлянам, в конечном счете, это незавершенная история преследующей любви.

33-36

Крик восхищенного сердца (Рим. 11,33-36)

Павел никогда не написал более характерного отрывка. Здесь теология выливается в поэзию. Здесь поиски пытливого ума сменяются обожанием, идущим от сердца. В конечном результате всё должно превратиться в тайну, которую человек не может понять сейчас, но суть которой любовь. Если человек может сказать, что всё от Бога, что всё получило своё бытие через Бога, и что в Нём они найдут своё свершение, - что остаётся ещё сказать? В этой ситуации опять же есть определённое противоречие. Бог дал человеку разум и он обязан использовать его для достижения пределов человеческого познания. Но верно, что иногда этот предел достигнут человеческим разумом, и тогда остаётся лишь признать это и обожать.

И лучше смог я б восхвалять,

Кем дано мне всё постигать.

Всеми силами своего великого ума, боролся Павел с проблемой, раздиравшей его душу и сердце. Он не утверждает, что разрешил её, как решают геометрическую задачу; но он говорит, что, сделав всё возможное, он будет удовлетворен тем, что всё во власти любви и силы Господа. Часто в жизни остается только сказать: "Я не могу понять Твоего разума, но всем моим сердцем я доверюсь Твоей любви. Да исполнится воля Твоя!"

Глава 12

1-2

Разумное служение и обновление (Рим 12,1.2)

Здесь Павел применяет те же принципы письма, что и при переписке со своими друзьями. Свои письма Павел всегда заканчивает практическими советами. Он может растекаться мыслью в бесконечности, но никогда не теряется в нем; всегда он заканчивает свои письма, стоя ногами на твердой почве. Павел обладает всем необходимым для исследования глубочайших теологических вопросов; однако он всегда возвращается к этическим требованиям, которые управляют жизнью каждого человека.

"Представьте тела ваши в жертву Богу", - говорит он. Нет требования более характерного для христианства. Как мы уже видели, эллин никогда не сказал бы ничего подобного. Для него лишь дух имел значение; тело являлось тюрьмой для души, чем-то презираемым и даже постыдным. Но ни один истинный христианин никогда не верил в это. Христианин считает, что его тело и душа принадлежат Богу, и он может так же служить Ему своим телом, как и разумом и душой.

Тело является храмом Святого Духа и инструментом, через который воздействует Святой Дух. Сам факт воплощения ведь, в сущности, означает, что Бог не почитал презренным для себя принять облик человеческий, жить в нём и действовать через него. Возьмем, к примеру,

церковь или собор. Они построены для богослужений. Но они должны быть спроектированы разумом архитектора и построены руками мастеров и рабочих, и лишь после этого они становятся святыней, где встречаются люди, чтобы поклоняться Богу. Они являются плодом ума, тела и духа людей.

"Итак, - говорит Павел, - представьте тела ваши, все ваши будничные дела, обыкновенную работу в цеху, на фабрике, на судовой верфи, в шахте, - и пожертвуйте всё это Богу как акт служения вашему Господу". Греческое слово *латреиа*, которое в стихе 1 этой главы переведено как *служение*, имеет интересную историю. Оно происходит от глагола *латреуеин*. Первоначально оно означало *работать по найму или за плату* и применялось к человеку, отдававшему свою рабочую силу за плату. Оно означает не рабство, но добровольное обязательство выполнить работу. Позже оно получило общее значение *служить*, но оно и означало *ню, чему человек отдаёт всю свою жизнь*. Так могли сказать, что человек *латреуин каллеи*, что означало *отдать свою жизнь служению красоте*. Здесь это слово по своему значению приблизилось к значению *посвятить свою жизнь*. Наконец, оно прямо применялось для *службы богам*. В Библии оно никогда не обозначает службы человеку; а служение Богу и почитание Бога.

Это очень примечательный факт. Истинное почитание Бога - это жертвование Ему своего тела и всего того, что мы ежедневно делаем. Истинное служение - это не принесение в жертву Богу ни церковной службы, какой бы величественной и прекрасной она бы ни была, ни обряда, каким изумительным он бы ни был. *Истинное богослужение - это принесение в жертву Ему своей будничной жизни*, не церковные священнодействия, но восприятие всего мира как храма Бога живого.

Человек может сказать: "Я иду в церковь, чтобы служить Богу", но он должен бы иметь право сказать: "Я иду на фабрику, в цех, в бюро, в школу, в гараж, в депо, на шахту, на судовой верфь, на поле, в сад, в хлев, чтобы служить Богу".

Это, продолжает Павел, требует радикального изменения всего. Мы не должны приспособляться к миру, и мир не должен преобразовать нас. Для выражения этой мысли Павел употребляет два почти непереводаемых греческих слова, для передачи смысла которых необходимы предложения. То, что мы перевели "приспособиться к миру", передано словом *сюсшешматиссестай*; корень этого слова - *шешма*, то есть, *внешняя форма*, различная от года к году и от одного дня к другому. *Шешма* - внешняя форма человека в семнадцать лет, отличается от той, когда ему семьдесят; она разная, когда человек идёт работать или когда он идет к обеду. Она непрерывно меняется. Поэтому Павел говорит: "Не пытайтесь сообразовать свою жизнь с веком мира сего; не уподобляйтесь хамелеону, принимающему окраску окружающей среды".

Далее Павел употребляет слово *метаморфоссестай*, переведённое нами "преобразованный". Корень этого греческого слова - *морфе* значит в сущности, *неизменяемая форма или элемент*. Человек в семнадцать и семьдесят лет имеет совершенно иные внешние формы - *шешма*, но *морфе* у него одна и та же; внешняя форма человека меняется, но внутренне он остаётся той же личностью. Итак, Павел говорит следующее: "Для того, чтобы почитать Бога и служить Ему, мы должны измениться не внешне, а внутренне; должна измениться наша личность. Что же собой представляет это изменение? Павел выразил бы это так: когда мы живём сами по себе, то мы живём жизнью - *ката сарка*, в которой доминирующее значение играет низшая человеческая природа; во Христе же мы живём иной жизнью - *ката Христос*, или *ката пневма*, в которой доминирует Христос или Дух. Человеческая сущность изменилась радикально; теперь человек живёт жизнью, в центре которой стоит не он сам, а Христос.

Павел говорит, что это должно произойти вследствие обновления нашего разума. Для передачи понятия *обновление*, Павел употребляет слово *анакаиносис*. В греческом языке существуют два определения *новый* - *неос* и *каинос*. *Неос* обозначает *новый в плане временном*; *каинос* - обозначает *новый по характеру или по природе*. Так, только что

фабрицированный карандаш означает *неос*; но, человек, который раньше был грешником, а теперь находится на пути освящения - *каинос*. Когда Христос приходит в жизнь человека, то этот человек *обновляется*; у него тогда иной разум, потому что в нём теперь разум Христа.

Когда Христос становится центром жизни человека, он может истинно служить Ему; то есть посвящать каждый момент своей жизни и каждое своё действие Богу.

3-8

Один за всех, все за одного (Рим. 12,3-8)

Одна из любимых тем Павла - это Церковь, как одно тело Христово (ср. 1 *Кор.* 12,12-27). Члены тела не ссорятся друг с другом, не завидуют друг другу и не спорят о важности того или другого. Каждая часть тела выполняет свою функцию, какое бы важное или скромное место она ни занимала. Павел был убеждён, что христианская Церковь должна быть такой. Каждый член имеет свою задачу, и только тогда, когда каждый член вносит свою долю, всё тело Церкви функционирует слажено.

В этом разделе изложены очень важные нормы христианской жизни.

1) Прежде всего, мы должны познать самих себя. Одна из фундаментальных заповедей греческой мудрости гласила: "Человек, познай самого себя". Мы не достигнем многого в этом мире, если не выясним, что мы можем сделать и чего мы не можем. Объективная оценка наших собственных возможностей, без тщеславия и без ложной скромности - одно из первых условий полезной жизни.

2) Во-вторых, мы должны принимать себя такими, какие мы есть и воспользоваться данными нам Богом дарованиями. Мы не должны завидовать способностям других, или сожалеть о том, что иные способности нам не были даны. Мы должны принять себя такими, какие мы есть и употреблять свои дарования. Может быть, нам придётся примириться с тем, что наше служение - лишь скромная и едва заметная доля в общей работе. Одним из важных принципов стоицизма была вера, что в каждой живой твари есть искра Божественного. Скептики смеялись над этой теорией. "Бог в червях?" спрашивал скептик. "Бог в навозных жуках?" Стоик же отвечал: "А почему же и нет? Разве не может дождевой червь служить Богу? Или ты считаешь, что только генерал хороший воин? Разве не может вестовой или лагерный дежурный драться отлично и отдать свою жизнь за правое дело? Ты должен быть счастлив, если, служа Господу, выполняешь Его великие предназначения так же добросовестно, как и червь".

Эффективность жизни вселенной зиждется на смирении самых скромных тварей. Павел этим хочет сказать, что человек должен принять себя таким, каким он есть; и даже если он вдруг обнаружит, что его вклад незаметен и не заслужит ни хвалы, ни выдающегося положения, он должен всё же вносить свой вклад, оставаясь твёрдо убеждённым в его важности и в том, что без его вклада мир и Церковь никогда не смогут стать тем, чем они должны стать.

3) В-третьих, Павел в действительности утверждает, что все способности человека от Бога. Эти способности - дарования, и Павел называет их *харисмата*. В Новом Завете *харисма* - это нечто, данное человеку от Бога, чего он сам никогда не смог бы приобрести или достичь. В сущности, жизнь действительно такова. Иной человек всю жизнь играет на скрипке, и всё же никогда не сможет играть так, как Давид Ойстрах, который обладает не только техникой исполнения; у него есть ещё нечто - *харисма*, дар Божий. Один человек может работать всю свою жизнь и всё же останется неуклюже с инструментами, деревом или металлом; другой же с особым искусством украшает дерево или металлы, а инструменты являются частью как бы его самого; у него есть нечто больше - *харисма*, дар Божий.

Один человек может вечно упражняться и не уметь тронуть сердца слушателей, другой же выходит на подмостки или на кафедру - и слушатели уже в его руках; у него есть ещё нечто -

харисма, дар Божий. Человек может трудиться всю жизнь и не быть в состоянии излагать свои мысли живо и понятно на бумаге, другой же видит, как без усилия его мысли развиваются и ложатся перед ним на бумагу; У него есть нечто дополнительное - *харисма*, дар Божий.

У каждого человека есть *харисма*, свой дар Божий. Это может быть дарование писать, проповедовать, строить здания, сеять семена, украшать дерево, манипулировать цифрами, играть на фортепьяно, петь песни, учить детей, играть в футбол или в хоккей. Это нечто - дар Божий.

4) В-четвертых, каким бы даром человек не обладал, он должен использовать его не в целях достижения личного успеха и престижа, а с убеждением, что это его обязанность и привилегия вносить вклад во всеобщее дело.

Давайте посмотрим, какие дарования Павел счёл нужным отметить особо.

1) Дар *пророчества*. В Новом Завете пророчество лишь в исключительных случаях связано с предсказанием будущего; оно обычно относится к *изложению* слова Божия. Пророк - человек, который может возвещать Слово Христово с авторитетом сведущего знатока. Чтобы возвещать Христа другим людям, человек, во-первых, должен знать Его сам. "Этому приходу нужен человек", сказал отец Карлейля, "который знал бы Христа не из вторых рук".

2) Дар *к практическим деяниям*. Знаменательно, что практическое служение стоит так высоко в приведённом Павлом перечне. Часто может случаться, что тот или иной никогда не получит привилегии стоять перед народом и благовествовать Христа; но каждый может ежедневно доказывать свою любовь к Христу в деяниях, служа своим братьям во Христе.

3) Дар *учить*. Необходимо не только возвещать и проповедовать Евангелие Христа; его необходимо также *объяснять*. Может быть, именно в этом заключается самый важный недостаток Церкви настоящего времени. Увещевания и призывы, не подкреплённые учением, остаются пустыми звуками.

4) Дар *проповеди*. В увещевании главным элементом должно быть *ободрение*. В военноморском уставе существует правило, согласно которому офицер не должен вести с другим офицером обескураживающие разговоры о каких бы то ни было предприятиях во время службы. Бывает увещевание, которое звучит обескураживающе. Настоящая проповедь направлена не столько на то, чтобы утешить человека адским пламенем, сколько на то, чтобы побудить его к счастливой жизни во Христе.

5) Дар *участия*. Раздавать следует в *простой сердечности*. Павел использует здесь греческое слово *гаплотес*, которое трудно перевести, потому что оно несёт в себе одновременно значение простоты и щедрости. В одном из великих комментариев приведён отрывок из "Завета Иссахара", который иллюстрирует значение этого слова: "И мой отец благословил меня, видя, что я жил в простоте (*гаплотес*). И я не был назойлив в действиях, не был я несправедливым и завистливым по отношению к моим соседям. Я не говорил дурно о ком-нибудь и не разрушал ничьей жизни, но я шёл целеустремлённо (букв. с *гаплотес* моих глаз). Каждого бедного и каждого страдающего снабжал я плодами земли в простоте (*гаплотес*), сердца моего. Простой (*гаплогус*) человек не жаждет золота, не ворует у соседа, не нужны ему всевозможные лакомства и яства; ему не нужно разнообразие в одежде, не стремится он прожить долгую жизнь, но принимает во всём волю Божию. Он живёт справедливо и смотрит на всё скромно (*гаплотес*). Бывают дающие, которые чрезмерно суются в личные дела другого, когда они дают; читают мораль, причём дар их предназначен не столько для удовлетворения нужды другого, сколько для Удовлетворения своего личного тщеславия; такой дающий испытывает скорее тяжёлую обязанность, нежели чувство *искренней* радости, он даёт всегда с определённым намерением, не просто ощущая радость от собственного дара. Христианский дар - это дар в простоте сердца (*гаплотес*), из чувства простого милосердия, дающий чистую радость.

6) *Дар и призвание занимать руководящую должность*, Павел говорит, если кто призван к этому, тот должен исполнять это с усердием. Одно из наиболее тяжёлых Проблем Церкви в настоящее время является именно нахождение руководителей во всех сферах её работы. Всё менее и менее людей с готовностью служить с чувством ответственности; людей, готовых пожертвовать своим досугом и своими наслаждениями и принять на себя руководство. Часто они ссылаются на непригодность и недостойность, хотя истинной причиной является лень и нежелание. Павел говорит, что взявший на себя такое руководство, должен осуществлять его *с усердием*.

7) *Дар милосердия*. Милосердие должно проявляться с великодушием и сердечностью, говорит Павел. Можно простить человека таким образом, что само прощение имеет форму оскорбления. Можно простить человека и одновременно показать своё осуждение и презрение. Когда нам приходится прощать грешника, мы всегда должны помнить, что мы тоже грешники. "Вот там, шёл бы я, если бы не милосердие Божие", сказал Джордж Уайтфильд, смотря на преступника, идущего к виселице. Можно таким образом простить человека, что это ещё глубже толкнёт его на дно; но есть и такое прощение, которое поднимает его из грязи. Истинное прощение всегда основано на любви, но никогда не на чувстве превосходства.

9-13

Христианин в повседневных занятиях (Рим. 12,9-13)

Павел даёт своим людям краткие правила поведения в их будничной жизни. Давайте рассмотрим их одно за другим.

1) Любовь должна быть совершенно искренней. В ней не должно быть ни лицемерия, ни притворства, ни низменных побуждений. Существует любовь по расчету, когда чувства подогреваются возможной выгодой. Существует и эгоистическая любовь, которая желает получить гораздо больше, чем даёт. Христианская любовь очищена от эгоизма: это чистое чувство сердца, направленное на других людей.

2) Следует отвращаться от зла и прилепляться к добру. Говорят, что единственным спасением человека от греха является его способность ужасаться при виде его до глубины души. Карлейль сказал, что мы должны видеть беспредельную красоту святости и бесконечное проклятие греха. Павел употребляет убедительные слова. Кто-то сказал, что лишь та добродетель безопасна, которая не облечена страстью. Человек должен *ненавидеть* зло и *любить* добро. Нам должно быть ясно одно: многие люди ненавидят не *зло*, но *следствия зла*. Никто не может считаться добродетельным, если он добродетельный лишь потому, что боится тех последствий, которые могут возникнуть при плохом поведении. Как это сказано у английского поэта Роберта Бернса:

Ужасы ада - кнут палача -

Удерживают негодяя;

Но лишь задета честь твоя, -

Запомни: ты дошёл до края.

Не бояться последствий бесчестия, но страстно любить честность - вот путь к истинной благодетельности.

3) Мы должны нежно любить друг друга братской любовью. Для передачи значения "нежность" Павел употребляет греческое слово *филосторгос*, а *сторге* означает *семейная любовь*. Мы должны любить друг друга, потому что мы члены одной семьи. Мы не чужие друг другу в лоне христианской церкви; ещё менее мы изолированные друг от друга индивидуумы; мы братья и сестры, потому что у нас один Отец - Бог.

4) Мы должны предупреждать друг друга в почтительности. Большая доля неприятностей

и забот, возникающих внутри церкви, возникают в связи с проблемами прав, привилегий и престижа. Кому-то не дали его или её места; не поблагодарили, кем-то пренебрегли. Отличительной чертой истинного христианина всегда являлось смирение. Одним из скромнейших людей был святой и ученый ректор Кернс. Кто-то вспоминает случай, показывающий Кернса таким, каким он был. Он был членом президиума на большом собрании. При его появлении раздалась овация. Кернс остановился, чтобы пропустить вперёд своего соседа и стал сам аплодировать; он не мог себе представить, что эта овация была в его честь. Не так-то легко дать кому-то другому первенство в почестях. В каждом из нас осталось ещё достаточно от естественного человека, который желает получить все, что ему по праву полагается. Однако христианин не имеет никаких прав - он имеет только обязанности.

5) Мы не должны ослаблять наше рвение. В жизни христианина должна быть определённая сила и энергия; в ней нет места спячке. Христианин не может пассивно принимать события, ибо мир - это поле битвы между добром и злом, времени мало, и жизнь является лишь приготовлением к вечности. Он может сгореть дотла, но не должен зарости мхом.

6) Дух наш должен всегда пламенеть. Воскресший Христос не мог выносить лишь того человека, который не был ни холоден, ни горяч (*Отк.* 3,15-16). Сегодня люди могут смотреть неодобрительно на энтузиазм; современным стал лозунг: "Мне это совершенно безразлично". Но христианин - человек в высшей степени серьёзный; он пламенеет Духом.

7) Седьмое предписание может означать одно из двух. В древних списках встречаются два варианта. В одних записано: "Господу служите"; в других же: "Приспособляйтесь", что значит: "воспользуйтесь возможностями". Причина этого разночтения состоит в следующем. Все древние писцы пользовались сокращениями на письме. В частности, всегда сокращались часто употребляемые слова. Одним из типичных способов сокращения, применявшихся в то время, являлось стяжение - опускание гласных при письме, как делают в стенографии, и проведение прямой линии над оставшимися буквами. По-гречески же *Господь* - *куриос*, а *время* - *кайрос*, а сокращённо - стяженная форма для обоих слов - *крс*. В отрывке, столь заполненном практическими наставлениями, вероятней, что Павел сказал: "воспользуйтесь удобным случаем, если он представится". В жизни представляются различные возможности: возможность узнать что-нибудь новое или же устранить что-то ошибочное; возможность предупредить кого-либо или же ободрить его; возможность помочь или утешить. Одна из трагедий жизни состоит в том, что мы так часто не можем использовать такие возможности, если они нам представляются. "Три вещи уходят безвозвратно - выпущенная стрела, сказанное слово и упущенная возможность".

8) Мы должны утешаться надеждою. Когда Александр Македонский отправлялся в один из своих восточных походов, он раздавал своим друзьям различные дары. В своей щедрости он раздал почти всё своё состояние. "Государь", сказал один из его друзей, "у Вас ничего не останется для себя". "О да, у меня останется", сказал Александр, "у меня ещё осталась надежда". Христианин должен быть, по существу, оптимистом. Именно потому, что Бог есть Бог, христианин может быть всегда уверен в том, что "лучшее ещё впереди". Именно потому, что он знает о милосердии, доступном для каждого, и о силе, которая приобрела совершенство в немощи, христианин знает, что любая задача ему по плечу. "В жизни нет безнадежных ситуаций; есть лишь люди, потерявшие надежду при столкновении с ними". Никогда не может быть христианина, потерявшего надежду.

9) Мы должны встречать страдания с победоносной стойкостью. Некто сказал однажды доблестному страдальцу: "Страдания скрашивают всю жизнь, не правда ли?" "Да", сказал храбрый страдалец, "они скрашивают всю жизнь, но я предлагаю выбирать краску". Когда на Бетховена надвигалось ужасное несчастье полной глухоты и жизнь казалась одним непрерывным горем, он сказал: "Я возьму жизнь за горло". Как это выразил Вильям Купер:

Избавлены от горя,

Мы радостно гласим:
Неведомое завтра
Встречаем бодро с Ним;
И будет в нём ненастье -
Он к свету поведёт,
Надеждою окрылит,
В дом вечный позовёт.

Когда Царь Вавилона Навуходоносор бросил Седраха, Мисаха и Авденаго в раскалённую печь, он был удивлён, что она не причинила им никакого вреда. Он спросил: "Разве эти трое не были брошены в пламя?" Ему подтвердили, что это так и было. Тогда он сказал: "вот я вижу четырёх мужей несвязанных, ходящих среди огня, и нет им вреда; и вид четвёртого подобен Сыну Божию". (*Дан. 3,24.25*). Человек может перенести всё, если он со Христом.

10) Мы должны быть постоянны в молитве. Разве не бывает такое в нашей жизни, что проходят дни и недели, а мы не говорим с Богом? Когда человек не молится Богу, он лишается защиты и силы Бога Всемогущего. Человек не удивляется неудачам в жизни, если он постоянно молится.

11) Мы должны принимать участие в нуждах святых. В мире, где мысль всех заостряется на том, чтобы получать, христианин думает о том, чтобы отдавать, потому что он знает: "то, что мы пытаемся удержать, мы теряем, а то, что мы отдаём, мы имеем."

12) Мы должны ревновать о странноприимстве. Новый Завет снова и снова настаивает на обязательстве держать свои двери открытыми для странников (*Евр. 13,2; 1 Тим. 3,2; Тим. 1,8; 1 Петр. 4,9*). В своём переводе Тиндейл употребил великолепное слово, изображая это так: "Христианин в своём расположении должен быть подобен гавани, то есть прибежищем. Эгоистически самодовлеющий дом никогда не может быть счастливым. Христианство - это религия открытой руки, открытого сердца и открытой двери."

14-21

Христианин и его собраты (Рим. 12,14-21)

Павел излагает далее правила и принципы, которыми надобно руководиться в отношениях с братьями,

1) Христианин должен встречать гонения молитвою за своих гонителей. В древности греческий философ Платон сказал, что благородный человек скорее пострадает от зла, нежели причинит его; а ненавидеть - всегда зло. Если Христианин обижен, оскорблён или ему причинена иная боль, он имеет перед собой пример своего Господа, ибо Он, при распятии молился за прощение тех, кто пригвоздил Его ко кресту.

Не было более великой силы, влекущей людей к христианству, чем это спокойное всепрощение, которое проявляли миру мученики во все века. Стефан умер, молясь за прощение тех, кто побил его камнями до смерти (*Деян. 7,60*). Среди убивших его был и молодой человек по имени Савл, который позже стал Павлом, апостолом язычников и рабом Христа. Впечатление от смерти Стефана явилось, несомненно, одним из моментов, приведших его к обращению ко Христу. Как сказал Августин: "За обращение Павла Церковь обязана молитве Стефана". Многие гонители стали последователями веры, которую они прежде пытались уничтожить, потому что они видели, как могут прощать христиане.

2) Он должен радоваться с радующимися и плакать с плачущими. Едва ли существуют ещё такие узы, как общая скорбь. У одного писателя мы встречаем высказывание американской негритянки. Одна госпожа встретила служанку-негритянку своего соседа и говорит ей: "Я

хочу выразить тебе моё соболезнование по поводу смерти твоей тётушки Людмилы. Тебе, должно быть, очень не хватает её. Вы ведь так дружили". "Да, мадам", отвечала служанка, "мне жаль, что она умерла, но мы никогда не были друзьями". "Почему ж", возразила первая, "я думала, что вы были друзьями. Я часто видела вас вместе смеющимися или болтающими". "Да, мадам", отвечала вторая, "мы часто смеялись и болтали вместе, но мы были лишь знакомы. Видите ли, мисс Руфь, мы никогда не плакали вместе. Люди должны поплакать вместе, прежде чем они станут друзьями".

Узы совместно пролитых слез - самые прочные узы. И всё же, намного проще поплакать вместе с теми, кто плачет, чем радоваться с теми, кто радуется. Когда-то в IV веке учитель Церкви и патриарх Константинопольский Иоанн Златоуст писал по этому поводу так: "Нужно быть более нравственным христианином, чтобы радоваться с радующимися, чем для того, чтобы плакать с плачущими. Ибо природа сама великолепно делает это; и нет такого жестокосердного, который бы не заплакал над человеком, попавшим в беду; первое же требует от человека наличие очень благородной души, которая не только уберегла бы его от зависти, но и дала бы ему возможность разделить удовольствие с уважаемым человеком". Действительно, намного труднее поздравить кого-нибудь с его успехом, особенно если его успех вызывает в нас разочарование, чем посочувствовать его печали и неудачи. Лишь тогда, когда самолюбие убито в человеке, он может также радоваться успеху другого человека, как и своему.

3) Христиане должны жить в согласии друг с другом. Однажды, после одной из своих крупных побед, адмирал Нельсон послал сообщение, в котором он изложил причину этой победы: "Мне выпало счастье командовать отрядом, состоящим из братьев". Именно таким отрядом братьев должна быть христианская церковь. Лейтон писал однажды: "Для управления христианской церковью не применяются никакие принудительные нормы; но мир и согласие, любезность и искреннее рвение обязательны". Если в церкви возник раздор, то надежда на добрые дела тщетна.

4) Христианин не должен высокоумствоваться, но последовать смиренным: избегать проявления всякой гордости и чванства. Христиане должны всегда помнить, что критерии, которыми мир судит человека, могут отличаться от норм, по которым судит человека Бог. Святость никак не связана с чином, богатством или происхождением. Доктор Джеймс Блек очень живо описал сцену, происходившую вероятно в одной из ранних христианских общин. После обращения в новую веру, аристократ в первый раз приходит к церковной службе. Он входит в помещение. Пресвитер указывает ему место: "Пожалуйста, садись сюда". "Но", отвечает новообращённый, "я не могу сесть там, потому что тогда мне придётся сидеть рядом с моим рабом". "Сядь, пожалуйста, сюда", повторяет пресвитер. "Но, ни в коем случае, рядом с моим рабом", повторяет новообращённый. "Может быть, ты всё же сядешь сюда?" повторяет вновь пресвитер. И новообращённый, наконец, садится рядом со своим рабом и даёт ему поцелуй мира. Таково было действие христианства, и лишь оно одно могло совершить такое в Римской Империи. Единственным местом, где хозяин и его раб сидели бок о бок, была христианская церковь. В ней и ныне отсутствуют все земные различия между людьми, ибо "у Него нет лицепрятия" (Кол. 3,25).

5) Христиане должны печься "о добром пред всеми человеками". Все должны видеть наше благочинное, честное поведение. Павел понимал, что христианское поведение не просто должно казаться примерным, оно должно быть таким, и все должны это видеть. Жёстким и даже очень неприглядным может показаться так называемое христианство; но истинное христианство прекрасно и в своём проявлении.

6) Христианин должен жить в мире со всеми людьми. Но Павел прибавляет к этому две отговорки. Во-первых, он говорит *если возможно*. Может наступить положение, в котором нормы учтивости необходимо подчинить принципиальным требованиям. Христианство - не беззаботная терпимость, допускающая всё и закрывающая глаза на всё. Может настать время,

когда необходимо бороться, и если оно настанет, христианин не уклонится от борьбы. Во-вторых, Павел говорит: "если это возможно *с вашей стороны*". Он хорошо понимал, что одним проще жить в мире, чем другим. Он знал, что один человек может проявлять за один час больше выдержки, чем другой за всю жизнь. Следует также помнить, что быть добродетельными одним намного легче, чем другим: это убережёт нас одновременно как от критики других, как и от уныния.

7) Христиане должны удерживаться всех замыслов о мщении. Павел приводит три причины: (а) Мсть входит в компетенцию не человека, а Бога. В конечном счёте, ни одно человеческое существо не имеет права судить кого-нибудь другого; лишь Бог может судить человека, (б) Чтобы тронуть человека, уместно сердечное отношение, а не мщение. Мсть может сломить дух человека; а доброта тронет его сердце. Делая добро своему врагу, говорит Павел, "ты соберёшь на голову ему горящие уголья". Это, однако, не значит, что тем самым мы навлечём на него дополнительные кары, но оно побудит его к страшному стыду, в) Кто снизойдет до мести, будет побеждён злом. Зло никогда не одолевается злом. Если на ненависть ответить большей ненавистью, то она только увеличится; но если на неё ответить любовью, то противоядие найдено. Как сказал Букер Вашингтон: "Я никому не позволю унижить меня до того, чтобы я ненавидел его". Единственно действенный способ обезвредить врага - это превратить его в друга.

Глава 13

1-7

Христианин и государство (Рим. 13,1-7)

С первого взгляда это чрезвычайно странный отрывок, ибо, кажется, что в нём христианам даётся совет соблюдать абсолютную покорность гражданской власти. Но, в сущности, это заповедь, проходящая красной нитью через весь Новый Завет. В 1 *Тим.* 2,1-2 читаем: "Итак, прежде всего, прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков. За царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте". В Послании к *Титу* 3,1 даётся совет проповеднику: "Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело". В 1 *Пет.* 2,13-17 читаем: "Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, Правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, - Ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству людей, -... Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите".

Можно было бы предположить, что эти строки были написаны в те времена, когда римское правительство ещё не начало подвергать гонениям христиан. Мы знаем, например, из книги Деяния святых Апостолов, что, как это сказано у римского историка Гиббона, суд языческих судей часто представлял собой самое надёжное укрытие от ярости толпы иудеев. Не раз мы видим, как Павел находит защиту у беспристрастного римского судопроизводства. Но интересным и примечательным является то, что через годы и столетия, когда начали свирепствовать гонения, и христиан рассматривали как преступников, отцы христианской церкви продолжали говорить точно такие же слова

Иустин Мученик (*Апология* 1,17) пишет: "везде мы охотнее всех других людей стараемся платить установленные вами налоги, как обычные, так и чрезвычайные, как учил нас Иисус. Мы лишь поклоняемся Богу, но во всём остальном мы служим вам, признавая вас как царей и правителей людей и молясь, чтобы вы и ваша царская власть выносили здравые решения". Афинагор, умоляя о мире для христиан (глава 37) пишет: "Мы заслуживаем одобрения, потому что мы молимся о вашем правительстве, чтобы вы могли, по справедливости, получить царство, сын от отца, и чтобы ваша империя расширялась и увеличивалась до тех

пор, пока все люди не будут подвластны вашему правлению". Тертуллиан (*Апология*, гл. 30) пишет об этом более пространно: "Мы обращаемся с молитвами о наших князях к вечному, истинному, живому Богу, милости которого они сами должны желать превыше всего... Неизменно и за всех наших императоров возносим мы молитвы. Мы молимся о продлении жизни, о безопасности и сохранности империи; о защите императорского дома, о смелых армиях, о верном сенате, достойном народе, покое для мира, за всё, что может пожелать человек или кесарь, император". Он продолжает, что христиане иначе не могут как почитать императора "потому что он призван нашим Господом в слуги Его". И заканчивает Тертуллиан так: "Кесарь более наш, чем ваш, потому что Бог назначил его". Арнобий (4,36) разъясняет, что в христианских собраниях "просят о мире и прощении для всех начальствующих".

Последовательное и формальное учение христианской Церкви гласило, что следует повиноваться гражданской власти и возносить за неё молитвы, даже если во главе этой власти стоял такой человек как Нерон.

Какая же мысль и вера стоят за этими высказываниями?

1) У Павла был один неопровержимый повод для того, чтобы подчёркивать покорность гражданской власти. Иудеи слыли пресловутыми мятежниками. Палестина, особенно Галилея, постоянно бурлила и бунтовала. Кроме того, были zeloty, которые были убеждены в том, что у иудеев нет иного царя кроме Бога, и что никому, помимо Бога, не следует давать какую-либо дань. Они даже не соглашались с чем-то вроде политики пассивного сопротивления. Они были убеждены, что Бог не поможет им, если они сами не встанут на путь насильственных действий, чтобы помочь себе. Их целью было сделать любое гражданское правление невозможным. Они были известны как люди, всегда носившие при себе кинжал. Это были фанатики - террористы, поклявшиеся применять неизменно террористические методы борьбы. Они выступали не только против правительства Рима, но они разрушали дома, сжигали урожаи и убивали семьи своих же сограждан иудеев, плативших дань Римскому правительству.

Павел считал это совершенно бессмысленным. Это, в действительности, было прямым отрицанием норм христианской этики. Но всё же, по крайней мере, среди одной части иудейского населения, это было нормальным поведением. Возможно, что Павел именно потому так подробно и определённо говорит об этом, что хотел отделить христианство от бунтарского иудаизма и ясно показать, что христианство и достойная гражданственность неотделимы друг от друга.

2) Однако, отношения между христианами и государством не носят лишь только преходящий характер. Вполне возможно, что Павел думал при этом об обстоятельствах, возникших в связи с волнениями иудеев, но, несомненно, учитывал и другие обстоятельства. Прежде всего, никто не может отмежеваться от общества, в котором он живёт. Ни один человек не может, добросовестно изолировать себя от народа. Как его член он пользуется определёнными выгодами, которыми он не располагал бы, живи он сам по себе; но, опять же, он не может логично претендовать на все привилегии и отказываться от выполнения всех обязательств, связанных с социальной жизнью. Точно так же как он является частью тела церкви, так он является и частью тела народа: в этом мире нет и не может быть ничего подобного изолированному индивидууму. Человек имеет свои обязательства по отношению к государству, и он должен исполнять их даже в том случае, если на троне сидит Нерон.

3) Человек обязан государству своей защитой. Это была ещё идея Платона, что государство существует для обеспечения справедливости и безопасности и гарантирует человеку безопасность от диких зверей и дикарей. Как говорили: "Люди собирались за стеной, чтобы жить в безопасности". Государство - это, по существу, организация группы людей, договорившихся между собой поддерживать друг с другом определённые отношения при соблюдении определённых законов. Без этих законов и без их соблюдения, главенствовал бы сильный, эгоистический и безнравственный человек; слабый потерпел бы обязательно

неудачу и был вытеснен; в жизни общества главенствовал бы закон джунглей. Каждый рядовой человек обязан своей безопасностью государству, и, поэтому, несёт и определённые обязательства по отношению к нему.

4) Простой человек обязан государству большим количеством услуг, которые были бы недоступны для него. Человек не мог бы иметь свои индивидуальные системы водоснабжения, освещения, канализации или транспорта. Эти системы доступны лишь в условиях сожителства людей. И было бы совершенно ненормальным, если бы человек пользовался всеми этими благами и удобствами, но отказывался принять на себя соответствующую долю ответственности. Это один из тех убедительных доводов, почему для христианина является делом чести быть примерным гражданином и принимать участие в выполнении всех обязательств, связанных с гражданством.

5) Кроме того, Павел рассматривал государство вообще, и Римскую Империю в частности, как предопределённый Богом инструмент для спасения мира от хаоса. Уберите эту империю и мир разлетится вдребезги. В сущности, именно этот *пакс Романа* - римский мир - давал христианским миссионерам возможность благовествовать. Идеально людей должна связывать друг с Другом христианская любовь; но этого ещё нет, посему их объединяет государство.

Павел рассматривал государство как орудие в руках Бога, спасающее мир от хаоса. Те, кто управлял государством, выполнял, по мнению Павла, свою роль в этой великой задаче. Независимо от того, поступали они сознательно или бессознательно, они выполняли предназначение Божие, и христиане должны были, по мнению Павла, помогать им в этом, а не мешать.

8-10

Долги, которые следует платить и долг, который никогда нельзя уплатить (Рим. 13,8-10)

В предыдущем отрывке рассматривались так званные "общественные долги" человека. В 7-ом стихе приводятся два из них: *оброк* и *подать*. С фразой *отдавать должное* (оброк) Павел подразумевает налоги, которые платили все подвластные Риму народы. Дань (оброк), которую римляне взимали с подвластных народов, состояла из трёх частей: *поземельный налог*, по которому человек должен был платить - наличными или натурой - одну десятую долю всего зерна и пятую долю вина и фруктов, собранных на его земле. Во-вторых, это был *подоходный налог*, по которому человек платил один процент со своего дохода. И, в-третьих, это был *подушный налог*, который платил каждый от четырнадцати до шестидесяти пяти лет. Под податями Павел подразумевает местные налоги. Сюда входили таможенные сборы, пошлины на ввозимые и вывозимые товары, сборы за пользование главными дорогами при переезде через мосты, за вход на рынок или гавань, за право владеть животными или пользоваться ручной тележкой или телегой. Павел настаивал на том, что христианин должен платить свой оброк и свои подати как государству, так и местным властям, сколь бы неприятно это ни было.

Потом Павел обращается к личным долгам, предостерегая: "Не оставайтесь должными никому ничем". Казалось бы, об этом и не стоило бы и говорить, но имелись люди, извращавшие молитву "Отче наш", слова "Прости нам грехи наши, как мы прощаем должников наших", и претендовавших на прощение всех их денежных обязательств. Павел должен был напомнить своим ученикам, что христианство не только не оправдывает отказывающихся от своих обязательств по отношению к своим братьям; но что оно является основанием самого безукоризненного выполнения всех обязательств.

Он говорит далее о долге, который человек должен платить каждый день: любить друг друга, хотя он всё же будет вечно оставаться должником. Ориген из Александрии сказал: "Долг любить остаётся с нами и никогда не покидает нас; это долг, который мы отдаём

каждый день, и, в то же время мы остаёмся должными". Павел утверждает, что если человек честно пытается выполнить долг любви, он автоматически соблюдает все заповеди. Он не будет прелюбодействовать, ибо, если два человека допустят, чтобы их страсть одолела Их, то это случается не потому, что они очень любят друг друга, но что они слишком мало любят друг друга; истинная любовь характеризуется одновременно уважением и самообладанием, которые оберегают от греха. Он также не убьёт, потому что любовь всегда стремится создавать, а не разрушать; любовь - благочинна и всегда ищет способ обезвредить врага, не убивая его, но пытаясь сделать его другом. Он никогда не станет красть, ибо любви больше свойственно давать, нежели брать. Он не пожелает также и чужого, ибо домогательство чужого (*эпитуния*) - подсознательное желание запретного плода, а любовь очищает сердце настолько, что такое желание вовсе угаснет.

Существует известная поговорка: "Люби Бога и делай, что тебе хочется". Если любовь является главной движущей силой человеческого сердца, если во всей его жизни доминирует любовь к Богу и любовь к своим братьям, то ему не нужно иного закона.

11-14

Своевременное предостережение (Рим. 13,11-14)

Как и многих великих людей, Павла преследовала мысль о скоротечности времени. Эндрю Марвелл всегда слышал "проносящуюся мимо крылатую колесницу времени". Китса тоже преследовала мысль, что его жизнь прервётся раньше, чем его перо изложит то, что кипело в его переполненном мозгу. Павел думал при этом не только о скоротечности времени. Он ожидал Второго Пришествия Христа. Раннехристианская церковь ждала Его в любой момент, и, поэтому, она старалась быть всегда готовой к нему. Это ожидание со временем теряло свою остроту и, наконец, ослабело; но одно бесспорно: ни один человек не знает, когда Бог прикажет ему идти. Времени остаётся всё меньше и меньше, ибо с каждым днём мы на один день ближе к этому моменту. И мы должны в каждый момент быть готовыми.

Последние стихи этого отрывка знамениты тем, что, читая их, Августин обратился. Как оно случилось он рассказывает в своей *Исповеди*. Он бродил по саду подавленный, потому что не смог найти пути к добродетельной жизни и восклицал тоскливо: "Когда же? Когда же наконец? Всё завтра, да завтра - почему же не сегодня? Почему не сейчас положить конец этой порочности?" Вдруг он услышал как будто детский голос, говоривший: "Бери и читай; бери и читай". Он напряг свой ум, чтобы вспомнить какую-нибудь детскую игру, в которой встречаются эти слова, но не мог вспомнить ни одной. Он поспешил назад к скамье, где сидел его друг Алипий, и где он оставил том Посланий апостола Павла. "Я схватил его и прочитал первый попавшийся мне на глаза отрывок: "не предаваясь ни пированию и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти. Но облекитесь в Господа (нашего) Иисуса Христа, и пощения о плоти не превращайте в похоти". Я не хотел читать далее, да мне и не нужно было делать этого. Как только я закончил читать это предложение, как будто свет убеждённости влился в моё сердце и все тени сомнения рассеялись. Я заложил страницу пальцем и закрыл книгу, повернулся к Алипию и со спокойным видом рассказал ему об этом". (Августин *"Исповедь"* гл.12). Именно этими словами говорил Бог с Августином. Английский поэт-романтик Самюэль Тэйлор Кольридж сказал, что он верит в то, что Библия была написана по вдохновению свыше, потому что: "Она ищет меня". Слово Божие всегда может найти и убедить сердце человека.

Интересно рассмотреть эти шесть грехов, выбранных Павлом и являвшихся типичными для отвергавших Христа.

1) Во-первых, *пиршество (комос)*. Это интересное слово. Первоначально *комос* означало компанию друзей, сопровождавших победителя игр домой, распевавших песни и прославлявших его победу. Позже это слово стало обозначать шумную компанию пирующих

бражников, буянящих ночью по улицам города. Оно обозначает пиршество, которое унижает достоинство человека и причиняет неудобство другим.

2) *Пьянство (мете)*. Для греков пьянство было особенно постыдным делом. Они пили много вина. Даже дети пили его. Завтрак у них назывался *акратизма* и состоял из ломтя хлеба, обмакнутого в вино. И всё же, пьянство считалось особенно постыдным делом, ибо греки пили довольно сильно разбавленное вино из-за недостатка хорошей воды. Пьянство считалось пороком не только для христианина, но и для язычника.

3) *Сладострастие (коите)*. В буквальном переводе *коите* - это постель, но со значением желания обладать запретной постелью. Этот грех был типичным для язычников. Это слово характеризует человека, совершенно не ценящего верность и всегда и везде удовлетворяющего свою похоть.

4) *Распутство (аселгеиа)*. Это слово *аселгеиа* является одним из самых отвратительных слов в греческом языке. Оно обозначает не только аморальность, но характеризует человека, совершенно лишённого стыда. Большинство людей стремятся скрыть свои пагубные поступки, но человек, в сердце которого *аселгеиа*, давно уже не обращает на это никакого внимания. Его не беспокоит, кто его видит; его не волнует, какое общественное осуждение он вызывает к своей особе; его не заботит, что люди думают о нём. Слово *аселгеиа* является характеристикой человека, который осмеливается публично делать вещи, которые вообще считаются неприличными.

5) *Ссора (эрис)*. Слово *эрис* обозначает дух, порождаемый необузданным и нечистым соперничеством. Побудительной причиной его является стремление добиться места, власти и престижа, к нему относится и ненависть к тем кто может обойти тебя. Это, собственно говоря, грех, ставящий только себя впереди и выше, и представляющий сам по себе полное отрицание христианской любви.

6) *Зависть (зелос)*. Слово *зелос* не обязательно следует рассматривать как плохое слово. Это слово может обозначать благородное соревнование человека, столкнувшегося с великодушием характера другого человека и стремящегося достичь того же. Но это слово так же может обозначать ту зависть, которая с великим удовольствием лишила бы человека его благородства и превосходства. В таком случае оно обозначает дух, недовольный тем, что у него есть, и ревностно следящий за всяким благом, данным другому, а не ему.

Глава 14

1

Уважение к сомневающимся (Рим. 14,1)

В настоящей главе Павел рассматривает особую случайную проблему в Римской Церкви, но с ней Церковь сталкивается постоянно, постоянно требуя решения. В Римской церкви, очевидно, были два направления. Сторонники одного направления верили, что с христианской свободой несообразны все прежние запреты, что прежние законы о пище и еде стали неуместными, что смысл христианства не заключается в соблюдении какого-либо дня или дней. Павел ясно показывает, что именно такова точка зрения христианской веры. Но, с другой стороны, имелись и такие, которые были полны сомнений; они считали, что есть мяса не полагается, и верили в строгое соблюдение субботы. Павел называет такого крайне сомневающегося человека - человеком *немощного в вере*. Что подразумевает он под этим? Такой человек слаб в вере по двум причинам.

1) Он ещё не познал значения христианской свободы; Душе своей он всё ещё является законником, и видит в христианстве тоже комплект правил и установок.

2) Он ещё не освободился от веры в эффективность деяний человеческих. В сердце своём он верит, что он может получить благорасположение Бога, выполняя определённые вещи и

воздерживаясь от других. В сущности, он ещё пытается заслужить правильные отношения с Богом и ещё не вступил на путь милосердия, всё ещё думая больше о том, что он может сделать для Бога, нежели о том, что сделал Бог для него.

Павел наставляет более сильных в вере братьев принимать в свою общину такого человека, и не пытаться осаждать его постоянными порицаниями.

Эта проблема была актуальна не только во времена Павла. Ещё и в наши дни в Церкви имеются две точки зрения. С одной стороны имеется более свободомыслящая точка зрения, которая не видит ничего плохого во многих вещах и согласна с тем, что многие невинные развлечения могут практиковаться в христианской Церкви. Но существует также и более узкая точка зрения, которая считает многие соизволения, в которых свободомыслящие не видят никакого зла, оскорбительными.

Павел полностью сочувствует более свободному взгляду; но, одновременно он говорит, что, если один из таких слабых братьев придёт в христианскую церковь, его следует принять с братским сочувствием. В отношениях с братьями более узкой точки зрения следует особенно избегать трёх опасностей:

1) Следует избегать *раздражения*. Нетерпеливые приставания ни к чему не ведут. Насколько бы ни отличалась наша точка зрения, мы должны попытаться познакомиться с его точкой зрения и понять её.

2) Следует избегать *насмешек*. Всякий человек почувствует себя уязвлённым, если смеются над тем, что для него ценно. Смеяться над убеждениями другого человека - большой грех. Они даже могут быть скорее предрассудками, нежели верою: но никто не должен смеяться над тем, что другие считают священным. Кроме того, смех никогда не побудит другого человека занять более широкую точку зрения: это скорее приведёт к тому, что он решительней замкнётся в свою непреклонность.

3) Следует избегать также *презрения*. Было бы совершенно неправильно рассматривать человека, стоящего на более строгой позиции, как старомодного чудака, взгляды которого можно презирать. Взгляды человека - это его личное дело и их следует уважать. Не следует ожидать добродушного расположения человека к нашим взглядам, если у нас нет подлинного уважения к его взглядам. Из всех отношений к нашему собрату, самым нехристианским является презрение.

Прежде чем оставить этот стих, следует отметить, что возможен и такой его перевод: "Немощного в вере принимайте, но не вступайте с ним сразу в обсуждение вопросов, могущих вызвать сомнения". Есть люди, вера которых столь сильна, что никакие споры и вопросы не могут поколебать её. Но есть и такие, вера которых слаба и умные рассуждения лишь напрасно тревожат её.

Вполне возможно, что в наш век слишком уж любят обсуждать и спорить. Произвести впечатление, что христианство состоит лишь из серии спорных вопросов и ответов - пагубно. "Мы уже поставили все вопросы, которые можно поставить", говорил английский писатель Гильберт Кейт Честертон, "пора прекратить поиски вопросов и искать ответы". "Скажите мне, в чём вы уверены", говорил Гёте, "сомнений же у меня хватает". Есть одно хорошее правило, которого надо придерживаться, чтобы любое обсуждение не зашло в тупик: даже если это отчаянный спор или обсуждались вопросы, на которые нет определённого ответа, обсуждение должно заканчиваться утвердительной посылкой. Многие вопросы могут оставаться без ответа, но некоторая доля уверенности должна остаться непоколебимой.

2-4

Терпимость ко взглядам другого человека (Рим. 14,2-4)

Здесь находит отражение один из насущных спорных вопросов Римской церкви. В ней были такие, которые относительно еды вообще не соблюдали никаких законов и запретов и

ели всё; но были и те, которые сознательно воздерживались от употребления мяса и ели только овощи. В древнем мире было много сект и религий, соблюдавших строжайшие законы относительно пищи. То же делали иудеи. В *Левит* 11 приведён список животных, которых позволено и которых нельзя есть. Одна из сект иудеев - ессеи - отличались особой строгостью: у них были общинные обеды, перед которыми они купались и переодевались в особые одежды. Пища должна была быть приготовлена только жрецами, иначе они не могли есть её. У пифагорейцев тоже были свои особые законы относительно пищи. Пифагор учил, что душа человека - падшее божество, обречённое пребывать в теле как в могиле. Он верил в перевоплощение, вследствие чего душа может пребывать в человеке, животном, в растении, в бесконечной цепи бытия. Освобождение от этой цепи бытия было найдено в достижении абсолютной чистоты и дисциплины; а эта дисциплина включала в себя молчание, учение, самоанализ и воздержание от скоромного. Почти в каждой христианской общине можно было встретить людей, соблюдавших особые законы и запреты в еде.

И вот та же проблема. Внутри церкви имелось более строгое и более свободное направление. Павел метко указывает на грядущую опасность. Можно было предполагать, что более умеренная часть христиан будет презирать щепетильность более строгой части, и, ещё вероятней, что последняя строго осудит то, что, по их мнению, является распушенностью в более умеренной части. Эта ситуация такая же реальная и опасная для Церкви и в наше время.

Для того, чтобы разрешить её, Павел устанавливает важный принцип: никто не имеет права осуждать слугу другого человека. Слуга ответствен лишь перед своим господином. Но все люди - слуги Божии. Нам не приличествует судить, ещё менее осуждать их. Это право принадлежит исключительно одному Богу. Не нашим осуждением осуждается человек, но лишь Божьим. И, продолжает Павел, если человек честно живёт в соответствии со своими принципами, Бог может оправдать его.

Многие церковные общины раздвоены, потому что придерживающиеся более свободных взглядов гневно презирают тех, которых они считают несгибаемыми консерваторами; а также потому что люди, придерживающиеся более строгих взглядов, склонны осуждать тех, кто делает то, что по мнению первых является неправильным. У нас нет права осуждать друг друга. "Я умоляю вас милосердием Христа", сказал Кромвель в своё время упорным шотландцам, "подумайте ведь и о том, что и вы можете ошибаться". Мы должны устранить из нашей церкви как склонность к осуждению, так и презрение к своим братьям по вере. Оставим осуждение других Богу, а самим нам надо только стремиться сочувствовать другим и понимать их.

5-6

Разные пути к одной цели (Рим. 14,5.6)

Павел затрагивает ещё одну проблему, по которой взгляды более и менее строгих братьев могут расходиться. Представители более непреклонной линии придают большое значение соблюдению особого дня. И это являлось отличительной чертой иудеев. Павел неоднократно был озабочен людьми, которые превращали особые дни в предмет преклонения. В Послании к Галатам (4,10.11), Павел писал: "Наблюдаете дни, месяцы, времена и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас". В Послании к Колоссянам (2,16.17) Павел писал: "Итак, никто да не осуждает вас за пищу, или питье, или за какой-нибудь праздник, или новомесечие, или субботу: Это есть тень будущего, а тело - во Христе". Иудеи сделали себе тиранство из субботы, окружив её дебрями установлений и запретов. В намерения Павла вовсе не входило упразднение дня Господа. Совсем не то, но он боялся, как бы у людей не сложилось впечатление, что сущность христианства состоит лишь в соблюдении одного особого дня.

Христианство - это неизмеримо больше, чем просто соблюдение дня Господа. Мери Слессор, проведшая три долгих года в диких районах Австралии, часто путала дни недели,

потому что у неё не было календаря. Однажды она справляла богослужение в понедельник, а другой раз в воскресенье она работала над починкой крыши, потому что она думала, что был понедельник. Но ведь никто не станет утверждать, будто её богослужения стали хуже от того, что она отправляла их в понедельник, или будто она нарушила заповедь, потому что работала в воскресенье. Павел никогда не стал бы отрицать, что день Господа - драгоценный день, но он также настойчиво противился бы тому, чтобы он тоже не стал для христиан таким же тираном, каким была для иудеев суббота. Этот день ни в коем случае не должен становиться предметом поклонения. Мы должны почитать не день, но Того, Кто есть Господь всех дней.

Тем не менее, Павел призывает к взаимоотношению между непреклонными и более гибкими братьями во Христе. Он исходит из того, что как бы ни различались между собой их установки, цель у них одна. Несмотря на различное отношение к особым дням, и те и другие верят в то, что они служат этим самым Богу: садясь за стол, один из них ест мясо, а другой нет, но оба возносят молитву Богу. Нам следует это запомнить. Чтобы попасть из одного города в другой можно выбрать разные пути, при которых каждый километр одного пути может отличаться от того же другого. Павел молит о том, чтобы общая цель объединяла, а различные методы не разобщили нас.

Но Павел настаивает на одном. Какой бы путь или метод человек ни выбрал, он должен быть полностью убеждён в правильности своих действий. Его деяния должны быть обусловлены не *обычаями*, ни *предрассудками*, но единственно *убеждениями*. Он не должен трудиться лишь потому, что другие это делают; не потому, что в своих деяниях он руководится какой-то системой запретов, а лишь потому, что он продумал их и убедился, что, по крайней мере, для себя, он поступает правильно.

Павел добавил бы к этому ещё: никто да не учреждает свои методы и установки как универсальные стандарты. Это, в действительности, является одним из бедствий Церкви. Люди столь склонны думать, что их путь почитания является единственно верным. Т. Р. Гловер приводит где-то кембриджскую поговорку: "Что бы твоя рука ни хотела сделать - делай это по своему соображению, но помни, что кто-то думает иначе". Важно помнить, что в большинстве случаев уместно иметь свои собственные убеждения; но также важно знать, что и другие имеют право на свои убеждения, без того, чтобы осуждать их за это как грешников и изгоев.

7-9

Невозможность личного уединения (Рим. 14,7-9)

Павел излагает здесь важный факт, что нормально нельзя вести уединённый образ жизни. В мире нет совершенно изолированного человека. Это, действительно, вдвойне верно. Мак-Нил Диксон сказал: "Человек связан как с богами, так и со смертными". Никто не может полностью обособиться от своих собратьев по трём причинам:

1) Он не может освободиться от *прошлого*. Ни один человек не обязан всем, чем он является, лишь самому себе. "Я являюсь частью всего того, что я встречал", сказал Одиссей. Человек является наследником традиций. Он представляет собой сплав того, чем его предки его сделали. Правда, он и сам добавлял что-то в этот сплав, но и в этом он не начинает на пустом месте. К счастью или к несчастью он начинает с того, что прошлое в нём создало. Незримое облако мудрости не только ведёт его по жизни; оно живёт внутри него. Он не может оторваться от ствола, отростком которого он является и от скалы, из которой он высечен.

2) Он не может обособляться от *настоящего*. Мы живём в эпоху цивилизации, которая повседневно всё ближе связывает людей между собой. Что бы человек ни делал, оно влияет не только на него одного. Он обладает страшной властью осчастливить других или заставлять их горевать; человек обладает ещё большей властью сделать других добродетельными или плохими. От каждого человека исходит влияние, побуждающее других людей избирать либо

возвышенный путь, либо путь низости. Деяния каждого человека имеют последствия, воздействующие более или менее на других людей. Человек завязан в узле жизни, и он не может вырваться из него.

3) Он не может освободиться от *будущего*. Так как человеку дана жизнь, точно также и он даёт жизнь другим. Он даёт своим детям плотскую жизнь и духовное наследие. Человек не является обособленным, самостоятельным элементом, а звеном в цепи. Рассказывают о юноше, жившем беззаботно и изучавшем биологию. В микроскоп он наблюдал, как живые существа живут, умирают и воспроизводят других - и всё это длится лишь мгновения. Он встал от микроскопа и сказал: "Теперь я вижу, что я являюсь звеном в цепи, и я не хочу больше быть слабым звеном". Наша страшная ответственность состоит в том, что мы оставляем нечто от себя в мире, оставляя нечто от себя в других. Грех был бы намного менее страшным, если бы он затрагивал лишь самого человека, совершившего грех. Ужас каждого греха состоит в том, что он влечёт за собой новую цепь зла, греха и горя в мир.

Ещё менее может человек разорвать свои связи с Иисусом Христом.

1) В этой жизни Христос живо и постоянно присутствует. Нечего говорить о жизни, как будто Христос видел нас: Он видит нас. Вся жизнь проходит перед его глазами. Человек так же не может убежать от Воскресшего Христа, как и от своей тени. Нет места, где бы человек мог спрятаться от Христа; ничто не может быть сделано незаметно.

2) Даже смерть не нарушает этого присутствия: в этом мире мы живём при незримом присутствии Христа; в потустороннем мы увидим Его в зримом присутствии. Смерть - не бездна, на дне которой забвение; она врата к Христу.

Никто не может разобщить себя от окружающей среды. Человек связан со своими братьями и со Христом узами, которые не разорвут ни время, ни вечность. "Никто из нас не живёт для себя и никто не умирает для себя".

10-12

Люди пред судом Божиим (Рим. 14,10-12)

Есть одна важная причина, почему никто из нас не имеет права судить кого-нибудь другого: мы все стоим перед судом Божиим. Мы являемся не судьями, но сами находимся перед Судом. Чтобы это доказать. Павел цитирует пророка *Исаию* 45,23.

С этой мыслью согласился бы любой иудей. Существовала поговорка раввинов: "Пусть твоё воображение не обманывает тебя, будто бы могила есть убежище; ибо по необходимости ты зачат и рождён, по необходимости живёшь и умираешь, и по необходимости ты обязан держать отчёт в день страшного суда перед Царём Царей, Святым; да будет благословенно имя Его". Лишь Бог имеет право судить кого-либо; человек же, как подсудимый, не имеет права судить своих братьев, которые стоят перед тем же Божиим судом.

Как раз до этого Павел рассуждал о невозможности вести всецело обособленный образ жизни. Но раз человек явится совершенно обособленным: когда он станет перед Судом Божиим. Во времена зарождения Римской республики в самом дальнем от Капитолия углу Форума находился *трибунал*, суд, где городской претор восседал, совершая правосудие. Когда Павел писал своё Послание к Римлянам, одного этого суда было уже недостаточно, и поэтому в больших базиликах, в украшенных колоннами портиках вокруг Форума, восседали мировые судьи и свершали правосудие. Римлянам был хорошо знаком вид человека, стоящего у судейского места перед судьёй.

То же случится с каждым человеком, и пред этим Судом Божиим он должен будет стоять и отвечать один. В этом мире он может иногда воспользоваться заслугами другого человека. Не один молодой человек избежал наказания, воспользовавшись заслугами своих родителей, многие мужья смогли избежать наказания благодаря жёнам или детям; но на Суде Божиим человек стоит и отвечает в одиночестве. Когда умирает знатный мира сего, гроб его стоит

перед скорбящей общиной, а поверх гроба лежит его академическая мантия и знаки отличия, но всё это он не может взять с собой. Нагими приходим мы в этот мир, и нагими же покидаем его. Мы предстаём пред Богом в страшном одиночестве нашей души; взять с собой мы можем только приобретённый нами характер.

Но и это ещё не вся правда. Мы станем перед Богом не в одиночестве - с нами рядом станет Иисус Христос. Нам не нужно снимать с себя всё: мы можем идти, одетые в его достоинства. Колин Брукс, писатель и журналист, писал в одной из своих книг: "Бог, может быть, добрее, чем мы Его себе представляем. Ведь может быть и так, что в том случае, когда Он не может сказать: "Хорошо, добрый и верный раб!" Он, пожалуй, скажет: "Не волнуйся, мой плохой и неверный раб, не совсем Я возненавидел тебя". Это, правда, странный способ изложения своей веры, но в нём и нечто больше. Дело не в том, что Бог не только не возненавидел нас; но в том, что, будучи грешниками, Он любит нас ради Иисуса Христа. Верно, что одинокими и нагими мы предстанем на суд Христов, но если мы жили с Ним, то и в смерти мы будем стоять с Ним и Он будет нашим Ходатаем перед Богом.

13-16

Человек и сознание его соседа (Рим. 14,13-16)

Согласно учению стоиков есть много такого, что само по себе является *адиафора*, т.е., *нейтральным*. Оно может быть хорошим и плохим, в зависимости от применения. В этом большая доля правды. Например, знаток искусства, может рассматривать картину как высокохудожественное произведение, а кто-нибудь другой - как непристойную мазню. Обсуждение определённого вопроса может казаться для одной группы людей интересным, многообещающим и побуждающим к размышлению событием, а для другого - набором еретических, крамольных высказываний и даже богохульством. Один человек может считать вполне допустимыми определённые развлечения и удовольствия, другому же они могут казаться совершенно недозволенными. Более того, есть такие развлечения, которые являются безвредными для одного человека, но могут, в самом деле, погубить другого. Действие само по себе не является ни чистым, ни нечистым. Эти свойства частично определяются человеком, который рассматривает или делает их.

Именно это и хочет выразить здесь Павел. Бывают случаи, в которых сильный в вере человек не видит никакого вреда; но человека более непреклонных взглядов они могут потрясти до основания, а если ещё подстрекать его делать то же самое, то оно больно оскорбит его сознание. Возьмём простой пример. Один человек искренне не видит никакого греха в том, если он в воскресенье играет в определённую игру, и он может быть совершенно прав в этом; но сознание другого человека может быть потрясено этим, и если его побудить и убедить принять участие в игре, то его всё время будет преследовать чувство, что он делает что-то нехорошее.

Совет Павла ясен. *Долг христианина - думать о том, как конкретное действие может повлиять не только на него, но и на других.* Павел не утверждает, что наше поведение всегда должно определяться взглядами других. Некоторые вопросы являются принципиальными, и здесь человеку самому следует выбирать свой путь. Но большинство дел и действий сами по себе нейтральные, и не являются ни пагубными, ни благочестивыми; иные не относятся к важным вопросам жизни и поведения, но представляют собой дополнительные элементы жизни. Павел убеждён, что мы не должны причинять оскорбления нашим братьям, придерживающимся более строгих взглядов, тем, что сами делаем эти вещи или же побуждаем их к этому.

В жизни следует руководствоваться принципами любви. Тогда мы больше будем думать о нашей ответственности к другим людям, нежели о нашем праве делать то или иное. Мы не имеем никакого права тревожить сознание других людей вопросами, не имеющими важного значения. Христианскую свободу никогда нельзя использовать как оправдание своего

пренебрежения к искренним чувствам других. Никакая радость или удовольствие не стоит огорчения, горя или даже гибели, причинённых другому. Августин говаривал, что вся христианская этика может быть выражена в поговорке: "Люби Бога и делай, что хочешь". Это в определённом смысле верно; но христианство состоит не только в любви к Богу, но и в любви к ближнему.

17-20

Опасность христианской свободы (Рим. 14,17-20)

В сущности, Павел касается здесь опасности, вытекающей от злоупотребления христианской свободой. С точки зрения иудея, в христианской свободе содержится и опасность. Вся жизнь его была окружена множеством правил и установлений. Много было чистым, а многое - нечистым; таких-то животных нельзя есть; нужно соблюдать столько законов о чистоте. Обратившись, иудей видел, что много мелких правил было упразднено одним ударом, и опасность состояла в том, чтобы он не рассматривал христианство как свободу делать всё, что ему угодно. Следует помнить, что христианская свобода и христианская любовь идут рука об руку; мы должны твёрдо придерживаться истины, что христианская свобода и братолюбие тесно связаны между собой. Павел напоминает, что христианство - "не пища и питье"; оно заключается в трёх великих понятиях, которые все носят *бескорыстный* характер.

Во-первых, это *праведность*, что означает отдавать людям и Богу должное. Главное и первое, что христианин должен своему собрату - это сочувствие и внимание. Как только мы становимся христианином, чувства другого человека становятся для нас более важными, чем наши собственные; христианство означает следующее: поставь других на первое место, а себя на последнее. Мы не можем отдавать человеку должное и одновременно делать, что нам угодно.

Во-вторых, это *мир*. В Новом Завете мир означает не просто отсутствие беспокойства; это не отрицательная величина, а чрезвычайно положительное состояние: слово *мир* означает всё, что служит для высшего блага человека.

Иудеи часто думали о мире как о состоянии справедливых отношений между людьми. Если будем настаивать на том, что христианство имеет в виду свободу для каждого делать всё, что угодно, мира никогда нельзя достичь. Христианство единственно состоит в личных отношениях человека с человеком и с Богом. Неоспоримое христианское право на свободу обусловлено христианским обязательством жить в правильных отношениях, в мире с нашими братьями.

И, в-третьих, - это *радость*. Христианская радость никогда не эгоистична. Она состоит в том, чтобы сделать не себя счастливым, а других. Так называемое счастье, которое опечалит другого человека, не является христианским. Если человек в своих поисках счастья ранит сердце или оскорбляет сознание другого, то, в конечном результате, такие поиски принесут не радость, а печаль. Христианская радость носит не индивидуальный, а взаимозависимый характер. Христианин радостен лишь тогда, когда он радуется других, даже за счёт самоогорчения.

Человек, следующий такому принципу, становится рабом Христа. В этом суть дела. Христианская свобода означает, что мы вольны делать не то, что мы хотим, а что хочет Христос. Человек без Христа становится рабом своих привычек, наслаждений и слабостей. Он, в действительности, не делает того, что ему хочется, а то, к чему побуждают его те страсти, во власти которых он находится. Но как только Христос вселяется в него, человек обретает снова власть над собой, и тогда, и лишь тогда, истинная свобода входит в его жизнь. Тогда он свободен, не чтобы самовольно распоряжаться людьми и вести такой образ жизни, какой ему заблагорассудится по его эгоистической натуре, но он в состоянии проявлять всем людям ту же любовь, которую проявил ему Иисус Христос.

Павел заканчивает тем, что устанавливает для братства христианские цели. Этими целями являются:

1) *Мир*. Замысел и цель мира в общине состоит в правильных отношениях между братьями во Христе. Церковь, в которой раздоры, ссоры, разделения и измена, лишается права называться церковью. Она не представляет собой части Царствия Небесного, но лишь светское объединение.

2) *Построение*. Через весь Новый Завет проходит картина церкви-здания. Кирпичами здания этой Церкви являются члены церковной общины. Всё, что ослабляет здание Церкви, направленно против Бога; всё, что укрепляет это здание и делает его более надёжным - от Бога.

Трагедия именно заключается в том, что маловажные проблемы нарушают мир среди братья, то есть, вопросы права и процедуры, прецедента и престижа. В Церкви наступила бы новая эра, если бы мы помнили, что наши права менее важны, нежели наши обязанности, что использование христианской свободы не даёт нам права ранить сердце и сознание других. Если церковь не представляет собой общину людей, которые с любовью уважают друг друга, то это вовсе не церковь.

21-23

Уважение к более слабому собрату (Рим. 14,21-23)

Мы вновь возвращаемся к тому, что нечто может быть позволено для одного человека, но погибелью для другого. Совет Павла очень полезный.

1) Это совет человеку, сильному в вере, который знает, что пища и питье не играют важного значения. Он понимает принцип христианской свободы. Так пусть же эта свобода будет чем-то вроде соглашения между ним и Богом. Он достиг этой ступени веры, и Богу оно ведомо. Но ведь это не является ещё основанием для того, чтобы выставлять напоказ свою свободу и колоть этим глаза человека, не достигшего ещё этой ступени веры. Многие люди настаивали на своём праве пользоваться этой свободой, но когда увидели последствия, жалели об этом.

Человек может прийти к заключению, что христианская свобода даёт ему полное право разумно употреблять алкоголь; и насколько это касается лично его, это может быть безопасным. Но может случиться, что подросток, восхищающийся им, последовал его примеру. И может статься, что для него алкоголь является губительным зельем. Может ли более зрелый человек продолжать пользоваться своей свободой и далее подавать пример своему молодому обожателю, если это может привести его к гибели? Не следовало бы ему ограничить себя, не ради себя лично, но ради того, кто идёт по его следам?

Несомненно, что сознательное самоограничение ради других - христианский поступок. Если человек не осуществляет на деле своё право, то он может со временем прийти к заключению, что то, что он прежде считал допустимым, привело кого-то к гибели. Несомненно, лучше самоограничение, нежели угрызение совести из-за того, что требуемые вами удовольствия привели другого к гибели. В разных сферах жизни сталкивается христианин с тем, что он должен изучать не только воздействие того или иного на себя лично, но также и на других людей. До определённой степени человек всегда является сторожем брата своего, ответственным не только за себя, но за всех, кто вступает с ним в контакт. "Его дружба нанесла мне вред", сказал Берне о человеке старше его, которого он встретил в Эрвине. Господи, помилуй нас, чтобы никто не мог сказать о нас нечто подобное из-за нашего неправильного понимания христианской свободы!

2) Павел даёт также совет человеку, слабому в вере, человеку с особо щепетильным сознанием. Этот человек может проявить или неповиновение сомнениям, или успокоить угрызения своей совести. Иногда он может делать что-то, потому что все делают так, а он не

хочет отличаться от них, и чтобы не выглядеть смешным или непопулярным. Павел утверждает, что человек, поступающий против своего сознания, совершает грех. Если человек считает нечто неблагоприятным, то, делая это, он, совершает грех. Нейтральное действие становится благоприятным только в том случае, если оно выполняется по обоснованному убеждению. Никто не должен выступать хранителем совести другого; в нейтральных вопросах и действиях совесть каждого человека должна быть для него посредником при определении добра и зла.

24-26

Прославление Господа (Рим. 14,24-26 (Рим. 16,25-27 в других переводах))

Глава четырнадцатая Послания к Римлянам заканчивается литургическим гимном, являющимся одновременно конспектом Евангелия, которое Павел проповедовал и любил.

1) Это евангелие, дающее людям силу устойчивости. "Сын человеческий! стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобою", сказал Бог Иезекиилю (*Иез. 2,1*). Евангелие - это сила, создающая возможность устоять против ударов этого мира и его соблазнов.

Некий журналист описал один доблестный эпизод из Испанской гражданской войны. Маленький гарнизон был осаждён; конец был близок и некоторые хотели сдаться, чтобы сохранить свою жизнь. Другие же настаивали на том, чтобы продолжать борьбу. Вопрос был решён, когда один храбрый человек сказал: "Лучше умереть, стоя на ногах, нежели жить, ползая на коленях".

Жизнь человеческая трудна; иногда человек может быть побеждён и поставлен на колени её ударами. Жизнь полна опасностей, потому что человек может поскользнуться и пасть на местах соблазна. Евангелие есть сила Божия, данная людям ко спасению. Эта сила даёт человеку способность стоять прямо, даже когда жизнь очень трудна и опасна.

2) Это евангелие было Павлу поручено Иисусом Христом. То есть, евангелие берёт своё начало во Христе, и передаётся людьми. Без Иисуса Христа вообще не могло быть Евангелия, но без людей, которые его проповедуют, многие люди вообще не смогли бы услышать Евангелия. Христианский долг состоит в том, что человек, спасённый Христом, должен тут же пойти и найти других для Него. После того как Иисус нашёл Андрея, Иоанн говорит о нём: "Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: "Мы нашли Мессию, что значит "Христос" (*Иоан. 1,40.41*).

Вот они - христианские привилегии и христианский долг. Христианская привилегия состоит в том, чтобы использовать благовествование Божие для себя; христианский долг - возвещать о Нём другим. В известном предании рассказывается, как Иисус после распятия и воскресения вернулся к своей славе ещё с явными признаками Своих страданий. Один из ангелов сказал Иисусу: "Ты, должно быть, ужасно страдал за людей там внизу". "Да, страдал", ответил Иисус. "А все ли они знают о том, что Ты для них сделал?" спросил вновь ангел. "Нет", сказал Иисус, "ещё нет. До сих пор об этом знают лишь некоторые". "А что же Ты сделал, чтобы все знали об этом?" спросил снова ангел.

"Ну, видишь ли, я попросил Петра, Иоанна и Иакова взять это дело на себя и просвещать других, а те других и так далее, пока каждый человек на самой дальней окраине земли не услышит эту благую весть". Ангел сомневался, потому что он хорошо знал, что за ничтожные создания эти люди. "Да", сказал ангел в раздумье, "а что, если Петр, Иоанн и Иаков забудут? А что, если они устанут говорить и свидетельствовать? А что, если где-то в двадцатом столетии люди не смогут рассказывать эту историю Твоей любви к ним? Что тогда? Нет ли у Тебя каких-либо иных планов?" Иисус ответил: "У меня нет иных планов. *Я полагаюсь на них*". Иисус умер, чтобы дать нам евангелие; и теперь Он рассчитывает на нас в том, что мы донесём его до всех людей.

3) Это евангелие является завершением исторического процесса. Оно существовало в мире

на протяжении всех веков, и Христос открыл его миру. Пришествие Христа в мир представляет собой уникальное явление: вечность вторглась в наше время и на землю явился Бог. Приход Иисуса Христа свершил весь исторический процесс и, в то же время, является источником всей последующей истории. После прихода Христа мир уже не мог остаться, каким был. Этот приход представляет собой центральное событие истории человечества, и принято определить исторические даты, считая годы до и после Рождества Христова. Это событие так важно, как будто жизнь на земле началась заново.

4) Это евангелие предназначено для *всех* людей, и оно *всегда* предназначалось для всех. Это не евангелие, предназначенное исключительно для иудеев, его распространение между язычниками не явилось случайным фактом. Пророки, очевидно, сами едва осознававшие, что говорили, намекали и вещали, что придёт время, когда все люди всех народов познают Бога. Это время ещё не наступило; но Бог предвидел день, когда знание о Нём также разольётся по земле, как воды заливают моря, и к славе своей человек может помочь осуществлению Божьего промысла.

5) Это евангелие возвещает о послушном мире, Царь в котором Бог. Но эта покорность основана не на подчинении суровому закону, ломающему противящегося ему человека; это покорность, основанная на вере, на подчинении, проистекающей от любви. По Павлу христианин не является человеком, подчинившимся неотвратимой силе; это человек, полюбивший Бога, Бога, любящего человеческие души, и любовь которого проявилась в своём совершенном виде в Иисусе Христе.

Вот как Послание к Римлянам кульминирует хвалебной песней.

Глава 15

1-6

Отличительные признаки братства (Рим. 15,1-6)

Павел всё ещё обсуждает обязательства христианских братьев по отношению друг к другу; и, в особенности, обязательства более сильных в вере братьев к менее сильным. В этом отрывке удивительно хорошо приведены важные черты, которые должны характеризовать братство.

1) Христианское братство должно отличаться *взаимной предупредительностью и уважением*. Но эта предупредительность не должна вырождаться в беспечную и сентиментальную нетребовательность друг к другу. Она должна всегда быть направлена на благо брата и на укрепление его в вере. Это не терпимость, обусловленная ленью. Она характеризуется сознанием того, что человека намного проще побудить к более полной вере, окружив его любовью, нежели подвергая его непрерывной критике.

2) Христианское братство должно отличаться *изучением Священных Писаний*; и это изучение придаёт христианину *бодрость духа*. В этом смысле Писания важны в следующих двух аспектах: (а) В них приведены факты взаимоотношений Бога с народом, которые ясно показывают, что всегда лучше быть с Богом в правильных отношениях и страдать, нежели обходиться плохо с людьми и избегать всяких волнений и тревог. История Израиля показывает, что в конечном результате воздаяние по заслугам является закономерным: благочестивые вознаграждаются, а злых постигнет заслуженная кара. Писание показывает, что пути Господа не всегда легки, но, в конечном счёте, это единственный путь, ведущий к полезной, целенаправленной жизни во времени и в вечности, (б) В Писании даны нам великие и драгоценные обещания Бога. Говорят, что Александр Уайт, покидая какой-нибудь дом во время своих пасторских посещений, имел привычку цитировать какой-то текст из Писания и говорил при этом: "Положите это себе под язык и сосите как конфету". Эти обещания - обеты Бога, никогда не нарушающего Своего Слова. В этом аспекте Писание даёт человеку, изучающему его, утешение в печали и ободрение в борьбе.

3) Христианское братство должно отличаться силой духа, т.е. *стойкостью*. Стойкость - это отношение человеческого сердца к жизни. И мы снова встречаем это веское слово *зупомоне*. Это больше, чем терпение; это сила, которая не только принимает реальности жизни, но, приняв их, преобразовывает их в прославления.

4) Христианское братство должно характеризоваться *надеждою*. Христианин всегда реалист; он никогда не может быть пессимистом. Христианская надежда - не дешёвка, не плод незрелого ума, оптимизм которого объясняется недалёковидностью, неспособностью видеть возможные трудности и отсутствие жизненного опыта. Можно бы полагать, что надежда - это прерогатива юных; но великие художники были иного мнения. Английский художник Уаттс изобразил её на своей картине "Надежда" в виде измождённой и сгорбленной фигуры и на её лире осталась лишь одна струна. Христианская надежда познала и вынесла всё, но она всё же не отчаялась, потому что она основана на вере в Бога. Эта вера - не вера в человеческий дух, в его добродетель или в его свершения; это вера в могущество Бога.

5) Христианское братство должно характеризоваться *единодушием*. Как бы роскошно ни была украшена церковь, какими бы совершенными ни были в ней служба и музыка, какими бы щедрыми ни были пожертвования, - если она потеряла единодушие, то она лишилась и самого существенного элемента христианского братства. Это, однако, не означает отсутствия всякого расхождения во мнениях; это не значит, что в ней не может быть споров и обсуждений; но это значит, что те, кто входит в христианское братство, благочинно разрешают вопросы общиной жизни. Они осознали, что Христос, который объединяет их, неизмеримо больше тех различий, которые могут разделять их.

6) Христианское братство должно характеризоваться *прославлением*. Уместна бывает проверка, спросив человека, что у него преобладает - сердитое недовольство или радостная благодарность. "Что же я, маленький старый хромо́й человек, могу ещё делать", говаривал древнегреческий философ-стоик Эпиктет, "кроме восхваления Бога?" Христианину надлежит ценить жизнь, потому что у него есть Христос. Он носит свою тайну в себе, уверен в том, что Бог приведёт всё к лучшему.

7) Но самым важным для христианского братства является то, что оно берёт пример, вдохновение и движущую силу от Иисуса Христа, который "не себе угождал". Павел приводит здесь цитату из Псалма 68, 10. Примечательно, что когда Павел говорит о необходимости "сносить немощи бессильных", он употребляет то же слово, которое употреблено для выражения описывающее как Христос "несёт крест Свой" (*бастацеин*). Когда всевышний Бог предпочёл служить другим людям, нежели угождать Себе, Он подал пример, который должен усвоить каждый Его последователь.

7-13

Вселенская церковь, церковь для всех (Рим. 15,7-13)

В этом обращении Павел призывает всех членов Церкви к единению, чтобы слабые и сильные в вере выступали как одно тело во Христе, и иудеи и язычники нашли пути к общему братству. У них может быть много отличных друг от друга отправных точек зрения, но Христос един, и связывающих иудеев и язычников звеном является их общая преданность Ему. Деяния Христа предназначены были равным образом и для иудеев, и для язычников. Он родился иудеем и был покорным иудейскому закону. Это было предназначено для того, чтобы все великие обещания, данные отцам иудеев, могли осуществиться, и чтобы спасение пришло сперва к иудеям. Но пришёл Он не только для иудеев, но также и для язычников.

Чтобы доказать, что эта мысль не является его личной выдумкой и не представляет собой еретические идеи, Павел цитирует четыре отрывка из Ветхого Завета; он приводит их из Септуагинты греческого перевода Ветхого Завета (выполненного 70 учёными в III веке до Р.Х. в Александрии), и поэтому они отличаются от известных нам текстов. Цитирует Павел

Пс. 17,50; Втор. 32,43; Пс. 116,1; Ис. 11,10. Во всех он видит древние пророчества о принятии язычников в веру. Он убеждён, что так же как Христос пришёл в этот мир, чтобы спасти всех людей, так же и церковь должна приветствовать приход всех людей, независимо от различий между ними. Христос - всеобщий, всеобъемлющий Спаситель, и, поэтому, Его Церковь так же должна быть всеобщей, вселенской.

После этого Павел вновь излагает принцип христианской веры. Великие понятия христианской веры переливаются заново.

1) *Надежда*. На основании личного опыта легко можно впасть в уныние. Происходящие на наших глазах события легко могут повергнуть нас в отчаяние относительно состояния мира. Где-то рассказано о церковном собрании, состоявшемся в очень трудное время. Оно началось молитвой, которую возносил церковный староста. Он обратился к Богу как к "Всемогущему и вечному Богу, благодать которого явилась для всех человеков". После молитвы началась деловая часть; церковный староста обратился к собравшимся со следующими словами: "Братья, положение в нашей церкви безнадежно и уж нечем помочь ему". Но либо такое заявление было неправдой, либо же молитва его представляла собой набор пустых, не имеющих для них смысла слов.

Уже не раз было сказано, что не существует безнадежного положения: существуют лишь люди, потерявшие всякую надежду в определённых ситуациях. Говорят, в суровые дни Второй мировой войны, сразу после капитуляции Франции, состоялось заседание совета министров Англии. Черчилль, председатель совета министров Англии, обрисовал положение в самых тёмных красках. Британия стояла одна. Когда он кончил говорить, воцарилась тишина и на лицах некоторых членов кабинета было написано отчаяние, и некоторые, казалось, были готовы отказаться от дальнейшей борьбы. Черчилль оглядел удрученные лица и закончил: "Господа, я нахожу, что положение довольно-таки воодушевляющее".

В христианской надежде есть нечто такое, что не может затмить надежду, и это нечто есть убеждённость в том, что Бог жив. Пока существует милосердие Иисуса Христа, до тех пор ни один человек не является безнадежным; и до тех пор пока существует власть и сила Божия, ни одно положение не является безнадежным.

2) *Радость*. Между радостью и наслаждением существует принципиальное различие. Философы-циники заявляли, что наслаждение - явное зло. Антисфен, древнегреческий философ, основатель философской школы циников, высказал странную формулу, что он предпочёл бы быть сумасшедшим, нежели получить удовольствие. Они утверждали, что удовольствие есть лишь пауза между двумя страданиями. "Вы жаждете чего-то, что есть боль, вы получаете это и ваше желание удовлетворено и в состоянии боли наступает пауза; вы наслаждаетесь этим моментом, но он уходит, а боль возвращается". Так функционирует наслаждение. Но христианская радость не зависит от объектов вне нас; источник её объектов находится в нашем сознании, знающем о вездесущем живом Господе Боге так уверенно, что ничто не отлучит нас от любви Божией.

3) *Мир*. Древние философы искали постоянно, что они называли *атараксия*, жизнь без забот и волнений. Они хотели достичь тот покой, который был бы непроницаем как для сокрушительных ударов, так и для мелких будничных неприятностей жизни. Можно бы сказать, что сегодня этот покой потерян. Два обстоятельства препятствуют ему:

а) *Внутренняя напряжённость*. Люди живут смущенно-разобщённой жизнью индивидуалистов-одиночек. До тех пор, пока человек воюет сам с собой и является раздвоенной личностью, для него, очевидно, не может быть и речи о безопасности и покое. Из этого состояния возможен лишь один выход - посвятить себя Христу, ибо люди, жизнь которых направляется Христом, освобождаются от этого внутреннего напряжения.

б) *Внешние заботы*. Многих людей преследуют мечты о возможностях и превратностях в жизни. Английский писатель-фантаст Герберт Уэллс рассказывает, как однажды попал на

пароход в порту Нью-Йорка. Было туманно, и внезапно из тумана возник силуэт другого парохода, и оба судна прошли буквально в нескольких метрах друг от друга. Неожиданно он столкнулся лицом к лицу с тем, что обычно называют общей большой опасностью жизни. В такой ситуации трудно не волноваться, ибо человеку свойственны пытливость и страх. Единственным выходом из постоянных забот и страха является задушевное убеждение, что Бог никогда не причинит своему детищу ненужных слез. Могут происходить вещи, которые не поддаются пониманию, но если мы достаточно уверены в любви Божией к нам, мы можем с беспечностью принять даже такие случаи, которые ранят сердце и поражают разум.

4) *Сила*. Она больше всего нужна человеку. Дело, ведь, не в том, что мы не знаем разницы между добром и злом, но в том, чтобы делать доброе и не делать зла. Надобно справиться с проблемами и преодолеть, преобразовать то, что Герберт Уэллс назвал "скрытным благородством наших намерений" в реальную действительность. Этого, однако, мы никогда не можем сделать сами. Лишь тогда, когда сила Христа заполнит нашу слабость, можем мы, как это следует, направить нашу жизнь. Сами мы ничего не можем сделать, но с Божией помощью - всё.

14-21

Слова раскрывают человека (Рим. 15,14-21)

Лишь в немногих строках так ясно проявился характер самого Павла, как в этом отрывке. Павел приближается к концу своего Послания и начинает подготавливать почву для намеченного им визита в Рим. В этом отрывке мы видим некоторые приёмы Павла в обретении единомышленников:

1) Павел проявляет себя как *человек тактичный*. Здесь нет упрёков. Павел не придирается мелочно к братьям и не говорит с ними в сердитом и назидательном тоне. Он только напоминает братьям по вере то, что они и так хорошо знают, и укрепляет в них уверенность в том, что они способны достичь многого в служении Богу и друг другу. Павла больше интересовало, чем человек может стать, а не чем он является. Он представлял себе их недостатки и справедливо оценивая их, он думал не о порочных созданиях, какими они были, но о благочестивых братьях, какими они могут быть. Говорят, что однажды итальянский скульптор Микеланджело, взяв для работы огромный бесформенный мраморный блок, сказал, что он намерен освободить находящегося внутри ангела. Павел поступал также: он не преследовал человека постоянными нападками и не причинял ему боль своей критикой; он говорил честно и строго, но с одной целью - помочь человеку стать тем, кем бы он мог быть, но чего ещё не смог достигнуть.

2) Павел претендовал лишь на одну славу - *служителя Христа*. Для выражения этого он употребляет великое слово - *леитоургос*. В древней Греции имелись некоторые государственные обязанности, *литургичес* (*леитоургриαι*), которые иногда возлагались, а иногда добровольно выполнялись людьми, любившими свою страну. Вот пять обязанностей, которые обычно добровольно брали на себя граждане-патриоты:

а) *Хорегия*, то есть, обязанность обеспечить хор. Когда великие поэты древности Эсхил, Софокл и Еврипид ставили свои бессмертные пьесы, в них обязательно выступал хор, читавший стихи. Во время больших фестивалей драматического искусства, например в честь бога Диониса, ставили до восемнадцати трагедий подряд. Люди, любившие свой народ, добровольно набирали, подготавливали, обучали и снаряжали всем необходимым хор за свой счёт.

б) *Гумназиархия*. Афиняне были разделены на десять племён, среди которых было много выдающихся спортсменов. Во время определённых празднеств проводились знаменитые бега с факелами, при которых команды всех племён соревновались между собой. Выиграть такие бега - было большой честью, и афинские граждане-патриоты отбирали, подготавливали и тренировали команды, выступавшие за их племя.

в) *Гестиастис*. По особым случаям племена собирались вместе для общих пиршеств и празднеств: щедрые граждане брали на себя расходы по проведению таких празднеств.

г) *Архетеория*. Иногда Афины отправляли послов или в другой город, или за советом оракула в Дельфы или в Додон. В таком случае надлежало сделать всё возможное, чтобы поддержать честь города, и опять же находились патриоты, добровольно предоставлявшие деньги на организацию такого посольства.

д) *Триерархия*. Афины были мощной морской державой древности и одно из самых патриотических действий афинянина состояло в том, что он добровольно снаряжал и обеспечивал на целый год всем необходимым трирему или боевой корабль.

Вот такой смысл придавали слову *леитоургос* в древности. Когда позже этот патриотизм угас, выполнение этих обязательств стало принудительным. Со временем это слово стали употреблять для обозначения любой службы, а ещё позже оно приобрело значение службы в храмах в честь богов. Но это слово всегда сохраняло свой первоначальный оттенок бескорыстного благородного служения. Подобно тому, как гражданин древних Афин клал на алтарь служения своего любимого города своё состояние и почитал это деяние честью и славой для себя, так и Павел положил всё, что он имел на алтарь служения Христу и был счастлив, что он слуга Господа.

3) В общем плане Павел рассматривал себя лишь как *орудие в руках Христа*. Павел не говорит о том, что он сделал, а о том, что совершил Христос с ним и чрез него.

Павел никогда не говорит о чём-то: "Я сделал это", но всегда: "Это совершил Христос чрез меня". Один проповедник сказал однажды во время службы: "Если бы только один человек отдал себя целиком и безусловно Святому Духу, ведь что мог бы сделать из него Святой Дух!" Говорят, что когда Д. Л. Муди услышал эти слова, он сказал себе: "Почему бы мне не быть этим человеком?" И этот момент изменил всю его жизнь. Весь мир знает о том, что Дух Божий сделал с Д. Л. Муди. Знаменитые события совершаются тогда, когда человек перестаёт думать, что он может сделать, и начинает думать о том, что Бог может сделать через него.

4) Павел стремился *благовествовать в непроторенных евангелием местах*. Говорят, когда Давид Ливингстон пришёл добровольцем в Лондонское Миссионерское общество, его спросили, куда бы он хотел отправиться миссионером. "Куда угодно", сказал Ливингстон, "главное, чтобы идти вперёд". Когда же он попал в Африку, он видел вдали дым сотен деревень. Единственное желание Павла состояло в том, чтобы нести благовествование Божие людям, которые никогда не слышали его. Чтобы изложить свою цель Павел приводит отрывок из *Ис. 52,15*: "Так многие народы приведёт Он в изумление; цари закроют перед Ним уста свои, ибо они увидят то, о чём не было говорено им, и узнают то, чего не слыхали".

22-29

Планы ближайшие и отдаленные (Рим. 15,22-29)

Здесь Павел говорит о своих непосредственных и будущих планах.

1) В будущем Павел намеревался отправиться в Испанию по двум причинам. Во-первых, Испания лежала на дальнем Западе Европы. С одной стороны это был предел тогдашнего цивилизованного мира, и уже одно это могло у него вызвать сильное желание там проповедовать. Для него было характерно желание донести благовествование Божие до самых пределов земли.

2) В это время Испания переживала своего рода взрыв гениальности. Многие великие люди Римской империи были испанцами по происхождению, например: эпический поэт Лукан, мастер эпиграммы Марциал, величайший учитель красноречия своего времени Квинтилиан. Более того, великий философ-стоик Сенека, бывший сперва воспитателем Нерона, а потом его премьер-министром, тоже был испанцем. Возможно, Павел говорил себе, что если он

сможет тронуть сердца испанцев и обратить их к Христу, то это может иметь чрезвычайные последствия.

3) Его же ближайшим намерением было отправиться в Иерусалим. У него был очень дорогой его сердцу план: в своих молодых церквях он организовал сбор денег для бедных в Иерусалимской церкви. Эти деньги были там, несомненно, очень нужны. В таком городе как Иерусалим заработать на жизнь можно чаще всего, работая для храма, или для его нужд. Все жрецы и руководство храма были саддукеями, а саддукеи были жесточайшими врагами Иисуса. Поэтому вполне возможно, что многие люди, обратившиеся в христианство в Иерусалиме, теряли свою работу и вынуждены были жить в бедности, и очень нуждались в помощи, которую им могли указать молодые церкви. Но были и другие причины, побуждавшие Павла так стремиться доставить эти дары в Иерусалим:

а) Он лично считал себя должным и обязанным. Когда было принято решение послать Павла апостолом к язычникам, ему было дано Отцами Иерусалимской церкви наставление, "чтобы помнили нищих, что и старался я исполнить в точности" (Гал. 2,10), писал Павел, не забывая свой долг. И вот он собирался выполнить его; по крайней мере, какую-то часть его.

б) Нет лучшего способа показать верующим единство Церкви на практике. Это показывало молодым церквям, что они являются не изолированными группами и общинами, а членами великой Церкви, распространившейся по всему миру. Значение подаяний состоит в том, что они указывают на то, что мы являемся не только членами местной общины, но и членами всемирной церкви.

в) Не было лучшего способа воплотить христианство в жизнь. Говорить о христианском великодушии и о христианской щедрости было легко; здесь же представлялся случай воплотить христианские слова в христианские деяния.

Вот почему Павел направляется в Иерусалим и планирует путешествие в Испанию. Насколько нам известно, Павел так никогда и не попал в Испанию, ибо в Иерусалиме он столкнулся с трудностями, которые повлекли за собой его длительное заключение и, наконец, его смерть. Кажется, что это был один из планов великого первопроходца, который так никогда и не удалось ему осуществить.

30-33

С открытыми глазами - в опасность (Рим. 15,30-33)

Предыдущий отрывок закончился словами, что, насколько нам известно, план Павла отправиться в Испанию так никогда и не был осуществлён. Мы достоверно знаем, что, когда он отправился в Иерусалим, он был арестован и провёл следующие четыре года в тюрьме - два года в Кесарии и два года в Риме. Здесь вновь проявляется его сильный характер.

1) Когда Павел отправился в Иерусалим, он знал, на что он идёт, и, очевидно, предполагал ожидавшие его впереди опасности. Павел, как и Господь его (Лук. 9,51), отправился твёрдым шагом в Иерусалим. Непокоримое мужество и состоит как раз в том, что человек, зная об ожидающих его опасностях, всё же идёт дальше. Именно такую силу Духа проявил Иисус, и её же должны проявлять все последователи Христа.

2) В этом положении Павел просит, чтобы о нём возносили молитвы в христианской церкви Рима. Ведь великое благо - идти, зная, что окружен тёплой молитвой, любящих нас. И как бы велико ни было расстояние, мы можем встретиться у подножия престола Всемилового Бога.

3) Уходя, Павел благословляет их. Это, несомненно всё, что он мог им дать. Даже если нам нечего дать больше, мы всё же можем возносить молитвы Богу о наших друзьях и любимых.

4) Павел посылает Риму благословение Бога мира и с Богом мира пошёл он сам в

Иерусалим, навстречу ожидавшим его опасностям. Человек, в сердце которого мир Божий, может, одолевая боязнь, встретить любую опасность.

Глава 16

1-2

Рекомендательное письмо (Рим. 16,1.2)

Когда человек поступает на работу, он обращается за рекомендательным письмом к человеку, который его хорошо знает и может оценить его характер и способности. Отправляясь жить в другой город, он часто берёт с собой опять же рекомендательное письмо от человека, знающего людей в этом городе. Особенно типичным явлением были такие письма в древности. Они были известны как *сюстатикаи эпистолой*, похвальные или рекомендательные письма. До наших дней дошло много таких писем, написанные на папирусе и восстановленные из найденных в египетской пустыне кусков. Так, например, некий Мистарион, выращивавший маслины в Египте, посылает своего слугу с поручением к верховному жрецу Стотоетису и даёт ему с собой рекомендательное письмо следующего содержания:

"Мистарион, моему возлюбленному Стотоетису много поклонов. Я послал к тебе моего Бластуса за рогатинами для моих маслин. Смотри, однако, не задерживай его, потому что ты знаешь, что он нужен мне каждый час.

Стотоетису, главному жрецу острова".

В этом рекомендательном письме представляется Бластус, идущий по поручению своего хозяина. Так вот и Павел пишет, чтобы представить Фиву христианской церкви в Риме. Фива родом из Кенхреи, одного из портов Коринфа. Иногда Павел называет её *диаконисой*, но, вероятней всего, она не занимала этого официального положения в церкви. В истории христианской церкви не было такого времени, когда бы деятельность женщин не занимала особенного места. Это особенно заметно было во времена раннего христианства. При крещении посредством полного погружения в воду, при посещении больных, при раздаче пищи бедным, - женщины, должно быть, играли важную роль в деятельности церкви, но они не занимали в ней официального положения.

Павел заранее готовится к Фиве радушный приём. Он просит христиан в Риме принять её для Господа, как посвятившие себя Богу люди должны принимать друг друга. В семье Христа не должно быть чужих; нет и нужды в формальном представлении между братьями во Христе, ибо они являются сыновьями и дочерьми одного Отца, и, следовательно, они все братья и сестры. Но всё же, не всякая церковь принимает людей и братьев во Христе так, как следует. Бывает так, что церкви и, в особенности, церковные организации становятся замкнутыми объединениями, которые в действительности вовсе не заинтересованы в том, чтобы принять незнакомца. Совет Павла знаменателен и ныне: если среди нас появляется незнакомый человек, примите его так, как должны принимать друг друга люди, посвятившие себя Господу.

3-4

Домашняя церковь (Рим. 16,3.4)

В Новом Завете нет более обаятельной супружеской четы, нежели Прискилла и Акила. Иногда Прискиллу называют также Приской. Прискилла - ласкательно-уменьшительная форма от Приски. Рассмотрим сперва известные нам факты из их жизни.

Впервые они упоминаются в *Деян.* 18,2, откуда ведомо, что прежде они проживали в Риме. В 52 г. нашей эры император Клавдий издал указ, изгонявший иудеев. Антисемитизм - вовсе не новое явление, и иудеев ненавидели в древнем мире также, как и в наши времена.

Изгнанные из Рима, Прискилла и Акила, осели в Коринфе. Они, как и Павел, были ремесленниками и изготавливали палатки, и поэтому Павел остановился жить у них. Когда же Павел оставил Коринф и направился в Ефес, Акила и Прискилла отправились туда вместе с ним и осели в Ефесе (*Деян.* 18,18).

Уже первый связанный с Акилой и Прискиллой случай был очень характерным. В Ефес пришёл Аполлос, муж красноречивый и сведущий; но в это время Аполлос был наставлен лишь в начатках пути Господня и не знал ещё полностью смысла веры христианской; поэтому Акила и Прискилла взяли его к себе, подружился с ним и объяснили ему путь Господень (*Деян.* 18,24-26). С самого начала Акила и Прикилла проявили себя людьми открытых сердец и открытых дверей.

Когда мы вновь слышим о них, они всё ещё находятся в Ефесе. Павел пишет своё Первое Послание к Коринфянам из Ефеса и в нём он передаёт приветы от Акилы и Прискиллы и от церкви, находящейся в их доме (*1 Кор.* 16,19). Это было задолго до того, как возникли церковные здания; и дом Прискиллы и Акилы служил местом встречи для христиан.

Когда мы снова слышим о них, они находятся уже в Риме. Указ императора Клавдия, изгонявший иудеев из Рима, уже не соблюдался и, несомненно, подобно многим другим иудеям, они возвратились в Рим к своим прежним местам и ремеслам. Мы узнаём, что они остались такими же, то есть, вновь их дом является местом собраний христиан.

В последний раз мы встречаем их во *2 Тим.* 4,19, и опять они живут в Ефесе; и в одном из последних посланий Павла мы встречаем приветствия этой чете, которая вместе с ним преодолевала столько трудностей.

Прискилла и Акила вели странный кочевой образ жизни. Сам Акила был родом Понтийнин из Малой Азии (*Деян.* 18,2). Сперва они жили в Риме, потом в Коринфе, в Ефесе, потом снова в Риме и вновь в Ефесе; но где бы они ни жили, дом их представлял собой домашнюю церковь, центр христианского братства и служения. Каждому дому следовало бы быть домашней церковью, т.е., местом, где обитал бы Иисус. Дом Прискиллы и Акилы, где бы он ни находился, излучал дружбу, братство и любовь. Когда странник прибывает в чужой город или чужую землю, самое ценное для него - иметь знакомых, чтобы пойти к ним. Такое место избавляет от одиночества и хранит от соблазнов. Иногда мы думаем о доме как о месте, куда можно прийти, закрыть двери и укрыться от мира; но дом должен быть также и местом с открытыми дверями. Открытые двери, щедрая рука и любящее сердце - вот характерные признаки христианской жизни.

Всё это о Прискилле и Акиле - достоверные сведения; но можно предполагать, что их влияние этим не прекратилось. До наших дней стоит в Риме на Авентинском холме церковь Святой Приски. Есть также и кладбище Прискиллы. Это кладбище - место погребения древнеримской семьи Акилиев. Там похоронен Акилиус Глабрио, бывший римским консулом в 91 г. Это был самый великий пост, который мог получить римлянин; и в высшей степени вероятно, что он умер как христианин смертью мученика. Должно быть, он был одним из первых римских аристократов и посадников дворян, принявших христианство и пострадавших за свою веру. Когда же люди получали свободу в Римской Империи, они обычно были приписаны к знаменитой фамилии и принимали одно из их фамильных имён, как своё имя. Самым типичным женским именем в фамилии Акилиев было Приска, а имя Акилиус близко похоже на Акилу. И вот перед нами возникают две поразительные возможности:

1) Возможно, Акила и Прискилла получили свободу, были вольноотпущенниками одного из членов семьи Акилиев, то есть, они когда-то были рабами. Возможно, что они так глубоко посеяли семена христианства в этой семье Акилиев, что один из членов этой семьи - Акилиус Глабрио, стал не только римским консулом, но и христианином.

2) Но можно вообразить и другую возможность. Довольно странно, что в четырёх из шести

случаев, когда имена Акилы и Прискиллы упоминаются в Новом Завете, имя Прискиллы стоит *перед* именем её мужа, хотя обычно на первом месте должно было стоять имя мужа, как и принято говорить. Это возможно потому, что Прискилла вовсе не была вольноотпущенницей, а госпожой, урождённым членом фамилии Акилиев. Вполне возможно, что на одном из собраний христиан эта дама-аристократка встретила скромного иудейского ремесленника, изготавливавшего палатки и они полюбили друг друга. Возможно, что христианство разрушило барьеры расе и сословий, барьеры состояния и происхождения, и они оба, римская аристократка и иудейский ремесленник, соединились навеки в христианской любви для христианского служения.

В этих предположениях мы, однако, никогда не можем быть совершенно уверены, но мы уверены в том, что в Коринфе, Ефесе и в Риме было много людей, обязанных спасением своей души Прискилле и Акиле, и домашней их церкви.

5-11

Похвальное слово для каждого (Рим. 16,5-11)

Несомненно, за каждым из этих имен стоит жизнь, являющаяся героической христианской историей. Мы не знакомы с жизнью ни одного из этих людей, но некоторых из них мы можем себе представить. В этой главе приведено двадцать четыре имени и мы можем сделать два примечательных вывода.

1) Из двадцати четырёх имён - шесть женские. Это следует запомнить, так как Павла часто обвиняют в том, что он преуменьшает положение женщины в церкви. Если мы действительно хотим узнать отношение Павла к этому вопросу, то уместно прочесть отрывок, подобный этому, где с его слов видно, как высоко оценивает он работу, выполняемую женщинами в церкви.

2) Из этих двадцати четырёх имён тринадцать встречаются также в документах и записях, имеющих отношения к императорскому двору в Риме. Хотя многие из этих имён типичные, они, тем не менее, наводят на размышление. В Послании к Филиппийцам 4,22 Павел говорит о святых "из кесарева дома". Возможно, что большей частью это были рабы, но, тем не менее, интересно, что христианство уже на такой ранней стадии проникло в императорский дворец.

Интересную пару составляют Андроник и Юния, так как Юния - это, скорее всего, женское имя. Это значит, что во времена раннего христианства за женщиной могло быть признано апостольское звание. Апостолами в это время называли людей, которых церковь посылала в мир, чтобы они распространяли весть об Иисусе Христе. Павел говорит о том, что Андроник и Юния были христианами ещё до него. Это значит, что они были христианами ещё во время Стефана; они, должно быть, были прямо связаны с раннехристианской церковью в Иерусалиме.

И с именем Амплия может быть связана захватывающая история. Это обычное имя раба. Так вот, на кладбище Домациллы, представляющее собой одну из самых ранних христианских катакомб, есть украшенная гробница с единственным именем Амплий, вырезанным рельефными декоративными буквами. Факт, что на гробнице вырезано лишь одно имя (римский гражданин имел бы три имени: имя, прозвище и фамилию), указывал бы на то, что Амплий был рабом; но изысканная гробница и рельефная надпись указывают на то, что он занимал высокое положение в церкви. Это подтверждает то, что в те времена раннего христианства различие в положении стерлось настолько, что раб мог быть князем церкви. Социальные различия не мешали этому. Неизвестно, является ли Амплий, упоминаемый Павлом в Послании, и Амплий, похороненный на кладбище Доматиллы, одним и тем же лицом, но это не исключено.

За фразой "верные из дома Аристовулова" также может стоять история. В Риме под

"домом" подразумевались не только семья и близкие родственники, но и слуги и рабы. С давних пор жил в Риме внук Ирода Великого по имени Аристовулус. Он жил как частное, лицо, не наследовав ничего из обширных владений Ирода; но он был близким другом императора Клавдия. После его смерти его слуги и рабы стали по закону собственностью императора, но они образовали особую группу, известную под названием "*дома Аристовулова*". Поэтому под этой фразой можно подразумевать иудейских слуг и рабов, принадлежавших когда-то Аристовулову, внуку Ирода Великого, а теперь принадлежавших императору. Это ещё правдоподобнее, если принять во внимание два имени, стоящие перед этой фразой и после неё, Апеллес - может быть лишь греческим аналогом иудейского имени Авель, а имя Иродион вполне подходило бы человеку, имевшему определённую связь с фамилией Ирода Великого.

За фразой "домашние Наркисса" также может стоять ещё интересная история. Наркисс также обычное в то время имя, но самым известным из всех Наркиссов был вольноотпущенник и секретарь императора Клавдия, прославившийся своим дурным влиянием. Говорили, что он составил себе состояние около четырёх миллионов фунтов стерлингов. Власть его состояла в том, что вся адресованная императору Клавдию корреспонденция проходила через его руки, но не доходила до императора, если он этого не хотел. Своё состояние он составил, получая большие взятки от людей, которые хотели, чтобы их прошения попали в руки императора. Когда Клавдий был убит и на трон взошёл Нерон, Наркисс на короткое время остался в живых, но потом его принудили покончить жизнь самоубийством и всё его состояние и все "домашние Наркисса", его слуги и рабы, перешли в собственность императора Нерона. Вполне возможно, что здесь упоминаются его бывшие рабы. Если упомянутый Аристовул действительно был внуком Ирода Великого, и если Наркисс был секретарём императора Клавдия, - то это значит, что многие рабы при императорском дворе были в то время христианами. Влияние христианства уже сказывалось в самых высоких сферах империи.

12-16

Скрытые героические судьбы (Рим. 16,12-16)

Несомненно, за каждым именем скрывается героическая судьба, но мы можем попытаться реконструировать лишь некоторые из них.

1) Приветствия Трифене и Трифосе, которые, по-видимому, были сестрами-близнецами, Павел писал с улыбкой, потому что выражается так, как будто это несовместимые понятия. В этом перечне приветствий Павел трижды употребляет греческое слово, которое переведено здесь как *трудящиеся о Господе*. Он употребляет это слово для Мариамь (стих 6), для Трифены и Трифосы и для Персиды в 12-ом стихе. Павел использует для этого глагол *κοπιαν*, что значит *трудиться до изнеможения*. Так сильно, Павел утверждает, трудились Трифена и Трифоса; но дело в том, что Трифена и Трифоса в переводе означают соответственно *утонченная* и *изящная*. Павел как бы говорил: "Вас можно назвать утонченной и изящной, но вы опровергаете свои имена, трудясь как исполины о Господе". Можно представить себе улыбку Павла, когда он диктовал это приветствие.

2) Одна из неизвестных важных историй Нового Завета связана с именем Руфа и его матерью, которая была также матерью Павла. Очевидно, что Руф - один из умнейших в Римской церкви, известный своей святостью; и понятно также, что Павел чувствовал себя глубоко обязанным матери Руфа за её доброту к нему. Кто был этот Руф? Обратимся к *Марк. 15,21*. Там мы читаем о Кирияеянине Симоне, которого заставили нести крест Иисуса по дороге на Голгофу. Однако в этом тексте сказано также, что *он являлся отцом Александра и Руфа*. Но если человека определяют именами своих сыновей, это значит, что, хотя те, к кому обращено повествование не знают данного человека, но зато знают его сыновей. Для какой же церкви писал Марк своё Евангелие? Он писал для Римской церкви и он знал, что ей знакомы Александр и Руф. Напрашивается вывод, что здесь мы встречаемся с сыном Симона,

несшего крест Иисуса.

Тот день явно был страшным днём для Симона. Он был иудеем из далёкой Кириanei в Северной Африке. Несомненно, он собирал и экономил полжизни, чтобы отпраздновать одну Пасху в Иерусалиме. Когда он входил в тот день в город, с сердцем, переполненным чувством величия праздника, который он приехал отпраздновать, его вдруг ударил по плечу древком копья римский солдат и заставил нести крест преступника. Какое возмущение, должно быть, охватило его сердце! Какой гнев и какую горечь, должно быть, вызвало в нём ужасное унижение! Преодолеть такой дальний путь из Кириanei для этого? Он совершил такой далёкий путь, чтобы лично испытать величие Пасхи, а вместо этого должно же было произойти такое ужасное и бесстыдное происшествие! Несомненно, он думал о том, что как только доберется до Голгофы, он скинет с себя этот крест и, с отвращением в сердце, уберётся прочь.

Но произошло что-то неожиданное. По дороге на Голгофу и Симон, по-видимому, был тронут сломленной личностью шедшего рядом Иисуса. Он, должно быть, решил остаться и посмотреть; и вот этот страдалец на кресте навсегда приковал к себе Симона. Случайная встреча по дороге на Голгофу радикально изменила жизнь Симона. Он пришёл в Иерусалим побывать на иудейской Пасхе, а ушёл из Иерусалима рабом Христа. Вернувшись домой, он, по-видимому, рассказал своей жене и сыновьям всё, что видел и пережил.

Напрашиваются всевозможные догадки и различные умозаключения: *Кипряне и Киринейцы* первые пришли в Антиохию и благовествовали язычникам (*Деян.* 11,20). Был ли и Симон среди этих Киринейцев? Может с ними был и Руф? Были это они, кто сделал первый шаг на пути превращения христианства в веру всего мира? Может быть, они помогли христианской церкви разорвать узы иудаизма? Разве не может быть и так, что мы сегодня обязаны своей христианской вере тому странному случаю, когда человека из Кириanei заставили нести крест по дороге на Голгофу?

Обратимся в Ефес, к мятежу, поднятому служителями Артемиды ефесской, когда толпа хотела убить Павла. Кто выступил перед толпой? Человек по имени Александр (*Деян.* 19, 33). Мог ли это быть другой брат, разделивший с Павлом опасность? А их мать в трудный для Павла час, несомненно, помогала и давала ему то утешение и ту любовь, в которых ему отказывала его собственная семья, когда он стал христианином. Это лишь наши догадки, потому что Александр и Руф - широко распространенные имена, но всё же это могло быть и так, и, кроме того, всё это могло действительно быть поразительным последствием той "случайной" встречи по дороге на Голгофу.

3) Есть ещё одно имя, за которым может стоять ещё более поразительная история - это имя Нирей. В 95 г. произошло событие, потрясшее весь Рим. Два самых выдающихся человека были осуждены за то, что они были христианами. Это были Флавий Клеменс, бывший консулом Рима, и его жена Домацилла, в жилах которой текла царская кровь. Она была внучкой бывшего императора Веспасиана и племянницей царствовавшего в это время императора Домициана. Два сына Флавия Клеменса и Домациллы были фактически предназначены в наследники императорской власти. Но Флавий Клеменс был казнён, а Домацилла была сослана на остров Понтий, где много лет спустя Паула видела пещеру, где "она страдала за христианство".

Дело в том, что имя камергера Флавия Клеменса и Домациллы было - Нирей. Возможно ли, что раб Нирей причастен к обращению в христианство бывшего консула Флавия Клеменса и принцессы императорской крови Домациллы? Возможно, что это пустые домыслы, но может быть в этом и истина.

К этой истории остаётся добавить ещё один факт. Флавий Клеменс был сыном Флавия Сабиния, бывшего градоначальником Рима при императоре Нероне, в период когда последний жестоко преследовал христиан, обвинив их в поджоге Рима в 64 г., в результате

которого город очень пострадал. Как градоначальник Флавий Сабиний, должно быть руководил по приказу Нерона казнями. Именно тогда Нерон приказал обмазать христиан смолой и зажигать, делая из них живые факелы для своего сада, зашивать христиан в шкуры зверей и бросать их диким охотничьим собакам, запирать их на судах, чтобы затонуть в Тибре. Возможно, что за тридцать лет до своей смерти Флавий Клеменс видел неимоверное бесстрашие мучеников и дивился тому, что же побуждает людей умирать таким образом? Пять стихов имен и приветствий - но они вызывают вереницу воспоминаний, захватывающих сердце!

17-20

Последний призыв (Рим. 16,17-20)

Павлу стало трудно закончить своё Послание к Римлянам. Он уже передал все приветы, и, прежде, чем закончить Послание, обращается ещё раз к христианам в Риме с призывом и мольбой остерегаться всякого дурного влияния. Павел выбирает две характерные черты, губительные для Церкви и христианского братства.

1) Есть люди, вызывающие разделения среди братьев. Любой человек, делающий что-либо, нарушающее мир в церкви, несёт большую ответственность. Один священник говорил однажды с вновь принятым в его общину прихожанином. По всему было видно, что этот человек не жил любовью Иисуса Христа: он спросил священника, знает ли он такую-то церковную общину, и, получив утвердительный ответ, со злобной улыбкой добавил: "Так вот, я развалил её". Есть также люди, гордящиеся тем, что они создают трудности и стремящиеся сеять ядовитые семена раздора. Человек, вызвавший раздор в церковной общине, будет однажды держать ответ за это перед Ним, Царем и Главой Церкви.

2) Существуют также люди, ставящие препятствия на пути других людей. Человек, затрудняющий другому человеку быть христианином, также должен будет отвечать за это. Человек, поведение которого служит дурным примером, влияние которого на других представляет из себя дурную западню для других, учение которого выхолащивает или обескровливает христианскую веру, которую он как будто проповедует - также понесёт однажды своё наказание; и оно не будет лёгким, ибо Иисус был твёрд в отношении тех, кто подставлял ногу Его чадам.

В этом отрывке встречаем мы два интересных слова. Это, во-первых, слово *крестология*, переведённое как *красноречие*. Греки же определяли *крестологос* как "человека, который внушает доверие, но поступает дурно"; это человек, который за набором благочестивых слов и фраз оказывает плохое влияние на людей и уводит их в ложную сторону не прямыми нападками, а хитростью и коварством, делая вид, что служит Христу, а в действительности разрушает веру. Во-вторых, это слово *акераиос*, которое в Библии переведено как *просты на зло*. В греческом языке словом *акераио*, определяется как не имеющий примеси металл, неразбавленное водой вино или молоко. Этим словом определяют нечто абсолютно чистое и непорочное. Христианин - это человек, абсолютная честность и искренность которого находятся вне всяких сомнений.

К этому отрывку следует сделать ещё следующее замечание: ясно, что внутренние волнения в Римской церкви ещё не вышли наружу. Павел надеется, что она способна совладать с ними и преодолеть их. Он был мудрым пастырем, ибо верил, что предотвратить заболевание лучше, нежели лечить его. В некоторых церквях часто позволяют событиям развиваться до тех пор, пока не назреет сложная обстановка, потому что ни у кого нет смелости взяться за эту проблему; часто уже слишком поздно принимаются за неё. Если же вовремя предпринять соответствующие меры, то можно легко потушить искру занимающегося пожара; но почти невозможно потушить лесной пожар. Павел мудро и своевременно разрешал надвигающуюся опасность.

Отрывок заканчивается фразой, заставляющей нас серьёзно задуматься. Павел говорит, что

Бог мира вскоре сокрушит под ногами вашими сатану, силу зла. Мы должны знать, что мир Божий - это мир труда и победы. Своего рода мир можно обеспечить и путём компромиссов, избегая принципиальных установок и определенных решений; этот мир происходит от сонной бездеятельности и приводит к поражению. Христианину всегда надобно знать, что мир Божий - это не мир, достигнутый подчинением мирскому, но мир, достигнутый путём преодоления мирского.

21-23

Приветствия (Рим. 16,21-23)

Заманчиво попытаться определить друзей, пославших свои поздравления вместе с поздравлениями Павла.

Тимофей - правая рука Павла, его ближайший сподвижник и, по мысли Павла, его преемник, который по словам Павла, как никто другой, знает образ его мыслей (*Фил.* 2,19.20).

Луций - это, быть может, Луций Киринейнин, один из антиохийских пророков и учителей, пославших Павла и Варнаву в миссионерское путешествие (*Деян.* 13,1).

Иасон - это может быть тот самый Иасон, который оказал гостеприимство Павлу в Фессалониках и сам пострадал за это от рук толпы (*Деян.* 17,5-9).

А Сосипатр может быть тем самым Сосипатром Пирровым, Вериянином, взявшим свою долю церковных пожертвований и понесший её вместе с Павлом в Иерусалим (*Деян.* 20,4).

Гаий может быть Гаием, которого Павел крестил в Коринфе (*1 Кор.* 1,14). В первый и единственный раз знаем мы имя личного секретаря, записавшего это Послание под диктовку Павла, потому что Тертий вписал приветствие и от себя. Ни один выдающийся человек не может сделать свою работу без содействия скромных помощников. Все другие секретари остались для нас неизвестными, так что Тертий является для нас представителем тех скромных анонимных писцов, писавших под диктовку Павла.

Очень интересным моментом во всей главе следует считать манеру Павла давать людям характеристику одним предложением. Вот два примера. Гаий - гостеприимный человек. Кварт - брат. Какое благочестие - войти в историю как гостеприимный человек, двери дома которого открыты для всех, или же как человек, сердце которого по-братски расположено ко всем. Когда-нибудь и нас определят одним предложением. Каким же оно будет?